

Е. Ф. Грекулов

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНКВИЗИЦИЯ В РОССИИ

Академия наук СССР. Научно-популярная серия.

Издательство «Наука». М.: 1964 г.

Содержание:

- Введение.
- Глава I. Православная церковь в борьбе против антицерковного движения.
- Глава II. Ведовские процессы..
- Глава III. Инквизиционные методы борьбы с расколом..
- Глава IV. Монастырские тюрьмы и использование их для борьбы с антицерковным и революционным движением..
- Глава V. Насильственное насаждение православия среди народностей России.
- Глава VI. Отлучение и анафема.
- Глава VII. Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы..
- Глава VIII. Гонения на просвещение и науку.

Введение

В дореволюционной исторической литературе высказывалась, правда очень робко, мысль, что православная церковь, так же как и католическая, использовала инквизиционные методы расправы с теми, кто выступал против религиозной идеологии и феодального гнета, и имела для этого особый аппарат. Историки считали, что начало инквизиции в восточной церкви было положено еще во времена императора Феодосия в Константинополе (IV в. н. э.). Они доказывали также, что инквизиция существовала не только в древней Руси, но и в начале XVIII в., при Петре I. «Петр I, — писал один историк в журнале «Русский вестник» в 1891 г., — создал у нас инквизицию и инквизиторов, и нет возможности отрицать, что все гражданское и церковное управление при нем и долгое время после него было проникнуто инквизиционным настроением». Церковные власти возражали против попыток разоблачить инквизиционный характер деятельности православной церкви. Видные церковные историки по поручению Синода выступали в печати с опровержением таких попыток. Они утверждали, что православная церковь в России не знала инквизиции и что у нее не было такого аппарата, каким располагала

католическая церковь. Так, известный церковный историк М. И. Горчаков в статье «Инквизиция в восточной церкви», полемизируя с Вл. Соловьевым, доказывал, будто инквизиционный процесс считался главным каноническим средством борьбы с ее врагами и не заменялся другими видами судопроизводства лишь в католической церкви, в древних же «правилах» православной церкви нет якобы сведений об особом трибунале, занимавшемся преследованием и осуждением еретиков¹.

Институт инквизиции в России отрицал и другой церковный историк, Н. И. Барсов. В книге «Существовала ли в России инквизиция?» (1892 г.) он утверждал, что созданные при Петре I Приказ протоинквизиторских дел и другие церковные учреждения носили совершенно невинный характер: они лишь наблюдали за деятельностью епископов и церковных организаций, а их выступления против еретиков и других врагов церкви носили случайный и непоследовательный характер².

Споры о том, была ли в России инквизиция, на этом, собственно, и закончились. Инквизиционные порядки в монастырских тюрьмах и других церковных организациях освещались и в некоторых других работах, но эти работы либо запрещались, либо замалчивались. Так, в 1898 г. В. Г. Короленко в статье «Об инквизиции», предназначенной для журнала «Русское богатство», говоря об изуверстве и религиозном фанатизме, разжигавшемся церковными инквизиторами - католиками в г. Ковно, пытался разоблачить деятельность и православных инквизиторов в царской России. Однако статья эта была запрещена цензурой³.

Лишь в годы первой русской революции прогрессивному историку и общественному деятелю А. С. Пругавину удалось познакомить русское общество с инквизиционной деятельностью монастырских застенков⁴. Его работы, основанные на архивных материалах, вызвали в обществе широкий отклик. Журналы того времени писали, что со страниц его книг «веет ужасами инквизиции» и если инквизиция отошла уже в область преданий, то монастырские тюрьмы представляют современное зло и даже в XX в. сохранили специфические черты человеконенавистничества и жестокости.

Духовное ведомство не стало опровергать опубликованные Пругавиным материалы, оно предпочло молчать о них. Но в годы реакции, наступившей после разгрома революции 1905 г., дальнейшее разоблачение инквизиционной деятельности православной церкви было невозможно; ее интересы надежно защищал весь административный и полицейский аппарат самодержавия.

Православные церковники нередко критиковали католическую церковь за деятельность ее инквизиции. Они говорили, что католическая инквизиция не есть учреждение «каноническое», так как в церковных канонах нет указаний на право церкви подвергать за отступление от веры смертной казни или другим наказаниям, что католическая церковь, присвоив себе функции уголовного суда и организовав для этого внутри самой церкви особый орган - инквизицию, поступила неправильно, «не канонически».

Возникновение инквизиции как особого учреждения относится историками обычно к началу XIII в., когда преследование еретиков было возложено на монахов доминиканского ордена. Но и до этого католическая церковь огнем и мечом расправлялась с участниками народных антифеодальных движений, имевших религиозную оболочку. Католическая церковь боролась против прогрессивной общественной мысли, против развития просвещения и науки. Она сжигала отдельные книги и целые библиотеки, уничтожала замечательные памятники искусства, предавала смерти ученых. Епископ Августин, живший в IV в. н. э., разработал целую теорию для оправдания массового убийства людей, выступавших против церкви, используя для этого тексты Священного писания и «творения» отцов церкви. Августин доказывал, что сам бог требует физического уничтожения людей, восстававших против светской и церковной власти. Учение Августина было положено в основу деятельности католической инквизиции. Его взгляды хорошо усвоили и православные церковники.

Католическая церковь была одним из самых могущественных феодалов. Она сосредоточила в своих руках огромную экономическую и политическую силу. По словам Ф. Энгельса, церковные феодалы «эксплуатировали своих подданных так же беспощадно, как дворянство и князья, но вели себя еще более бесстыдно»⁵. Православная церковь также была крупнейшим феодалом в России. Ей принадлежало свыше миллиона крестьян, которых она угнетала с исключительной жестокостью, используя для этого хорошо налаженный аппарат принуждения.

Борьба народных масс против феодального гнета часто принимала религиозную оболочку, выступая в виде разных ересей. Восставая против феодальной эксплуатации, массы боролись и против церкви, так как церковь оправдывала и защищала этот гнет, освящала феодальный строй

божественным авторитетом. По словам Ф. Энгельса, церковь занимала положение «наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя. Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси»⁶. Против антифеодальных движений, принимавших религиозную оболочку, и направлен был прежде всего «духовный меч», соединившийся с мечом светским. Светская власть также использовала инквизицию для борьбы с еретическим движением, ибо еретики, как отметил Ф. Энгельс, «были столь же опасными врагами монархии в государстве, как и папства, и церкви»⁷. Наказание еретиков сожжением на костре было введено в светское законодательство многих стран уже в XII-XIII вв. Для оправдания этого обычно ссылались на «божественные» законы.

Инквизиция очень скоро распространила свои органы во многих европейских странах, где церковь благодаря инквизиции превратилась в самое страшное орудие абсолютизма. Она применяла такие меры устрашения, как сыск, доносы, конфискация имущества, пытки, сожжение на костре. Расследованием дел инквизиция обычно не занималась, установленного процесса судопроизводства у нее не было. Инквизиция сама определяла сущность преступления против веры, сама выносила приговоры, а затем передавала обвиняемых светской власти для приведения приговоров в исполнение. Из всех видов наказания инквизиция предпочитала смертную казнь.

Фома Аквинский (1227-1274) обосновал необходимость смертной казни для еретиков: ересь-де большее преступление, чем даже оскорбление государя. Лицемерно заявляя о нежелательности проливать кровь осужденных, Фома Аквинский рекомендовал живо сжигать еретиков, и такой способ расправы с ними надолго вошел в практику инквизиции. Начиная со второй половины XIII в., инквизиционные костры запылали во многих европейских странах. Зажгли их и в России. Участь еретиков здесь разделили чародеи, ведьмы и другие ослушники православной церкви.

В России еретиков судили по «градскому» закону, но это — по словам историка Н. М. Карамзина - было лишь одной «пристойностью»⁸. Хотя православная церковь не располагала таким инквизиционным аппаратом, какой имела католическая церковь, но в борьбе с ересями, прикрывавшими, как и на Западе, движение против феодального гнета, она применяла настоящие инквизиционные методы расправы — розыск и допрос под пытками и другие способы «познания истины». Она вела часто весь судебный процесс, добываясь удобного ей приговора и наказания. Православная церковь посылала на костры еретиков и ослушников собственной властью, светская же власть была лишь исполнительницей ее требований и приговоров. Один из основателей православной инквизиции Иосиф Волоцкий провозгласил, что царь, не желавший бороться против ересей, не слуга божий, а дьявол.

Свою инквизиторскую деятельность православная церковь осуществляла через судебные органы, находившиеся в распоряжении епархиальных архиереев, через патриарший суд и церковные соборы. Она располагала и специальными органами, созданными для расследования дел против религии и церкви - Приказом духовных дел, Приказом инквизиторских дел, Раскольнической и Новокрещенской конторами и др. В духовном приказе рассматривались дела о богохульстве, еретичестве, волшебстве, святотатстве. Дела против веры и церкви вело также организованное при Синоде в 1721 г. тиунское управление. Приказ духовных дел наблюдал за «чистотой» православия, расправлялся с раскольниками и еретиками. Приказ инквизиторских дел вел следствие по делам «интересным» и «безгласным». Он имел большой штат инквизиторов как в Москве, так и на местах; возглавлял его протоинквизитор, архимандрит московского Данилова монастыря Пафнутий. В распоряжении Приказа инквизиторских дел были свои подъячие, своя охрана и собственная тюрьма. Настоящим инквизиторским застенком являлась и Раскольническая контора, существовавшая до 1764 г. С организацией духовных консисторий (1744 г.) дела о религиозных преступлениях перешли в их ведение. Консистории производили розыск по делам против веры и церкви, сажали в свои тюрьмы обвиняемых, чинили над ними суд и расправу. Наиболее важные дела вел непосредственно Синод. Он применял такие же инквизиционные методы воздействия, как и другие церковные организации. Монастырские власти вели следствие над неугодными правительству и церкви людьми, держали их в жестоком тюремном заключении.

По настоянию церкви делами о преступлениях против церкви и религии занимались и светские следственные органы - Сыскной приказ, Тайная канцелярия, Преображенский приказ и др. Сюда поступали дела от церковных властей в тех случаях, когда в «изъяснение подлинной правды» требовалось подвергнуть обвиняемых пыткам. И здесь духовное ведомство продолжало наблюдать за ведением следствия, получало допросные листы и «экстракты». Оно ревниво оберегало свои судебные права, не допуская их умаления со стороны светских властей. Если светский суд не проявлял достаточной оперативности или отказывался пытать обвиняемых, посланных церковниками, те жаловались на ослушников светским властям. По настоянию духовных властей правительство неоднократно подтверждало, что местные власти обязаны по требованию епархиальных иерархов принимать направленных ими людей «для полного розыска».

Католическая инквизиция как специальный институт под давлением общественного мнения была уничтожена в большинстве стран в XVIII в., но инквизиционный дух сохранялся в этой церкви в течение многих лет. Католическая церковь и в наши дни запрещает читать книги, внесенные в особые списки, куда попадают лучшие произведения мировой литературы, передовой общественно-политической мысли; она отлучает от церкви видных ученых, имевших мужество выступить против реакционной религиозной идеологии; она осуждает демократические организации, обвиняя их в том, что их деятельность направлена против религии и церкви.

Инквизиционные методы расправы с прогрессивной мыслью, с передовым общественным движением, с людьми, выступавшими против религии и церкви, существовали и в православной церкви.

Предлагаемая вниманию читателя книга рассказывает об инквизиционном аппарате православной церкви, об ее расправе с участниками народных антифеодальных движений, принимавших форму ересей, о борьбе церкви против общественно - прогрессивных взглядов, против просвещения народа и развития материалистической науки.

1. «Юридическая летопись», 1891, № 12, стр. 491-504.
2. Н. И. Барсов. Существовала ли в России инквизиция? СПб., 1892, стр. 5-6.
3. Эта статья хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.
4. А. С. Пругавин. Монастырские тюрьмы. М., 1905; он же. В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем. СПб., 1909
5. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1953, стр. 25.
6. Там же, стр. 34.
7. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 5. М., 1938, стр. 250.
8. См. Н. М. Карамзин. История государства российского, т. V. Пг., 1915, стр. 327.

Глава I. Православная церковь в борьбе против антицерковного движения

Уже в XI в. князья и их суды сурово расправлялись с противниками церкви и требовали того же от светской власти. Как отмечает летопись, еще при князе Владимире епископы благословляли князей на применение казни. «Ты поставлен от бога на казнь злым, а добрым на помилование», — говорили они. В 1004 г. монаха Адриана обвинили в нарушении церковных уставов и в хулении церкви. По распоряжению митрополита Леонтия Адриан был отлучен от церкви и заточен в монастырскую тюрьму. Новгородского архиерея Луку Жидяту, жившего в XI в., летописец называет «звероядивым». От жестокости этого епископа, от «заточения и грабления» пострадало много людей. «Сей мучитель, — говорит летописец, — резал головы и бороды, выжигал глаза, урезал язык, иных распинал и подвергал мучениям». Так же сурово расправлялся Лука с принадлежавшими ему крестьянами. Холопу Дудуку, не угодившему чем-то своему феодалу, по приказанию Луки Жидяты отрезали нос и обе руки¹.

В XII в. «немилостивым мучителем» был владимирский епископ Федор. Он лишал своих противников сел, одних обращал в рабство, других заключал в тюрьмы, рубил им головы, выжигал

глаза, резал языки, распинал на стенах. В рассказе летописца отразилась борьба, которую вели между собой церковники за власть. Владимирский епископ как крупный феодал отказывался признавать власть киевского митрополита. Обвинив своих противников в еретичестве, он через свой суд приговорил их к смертной казни, добился конфискации их имущества, а многих заключил в тюрьмы. В борьбе с киевским митрополитом Федор потерпел поражение, и его выдали на суд митрополиту. Митрополичий суд в свою очередь обвинил Федора в еретичестве и подверг жестокому наказанию: ему отрезали язык, затем отсекли правую руку и «вынули очи», т.е. ослепили.

Инквизиционные меры воздействия на еретиков применяли и церковные соборы — собрания видных представителей церкви, имевших большое влияние на церковные дела и светскую власть. Церковные соборы осуждали своих противников как врагов церкви — еретиков и требовали от светской власти беспрекословного исполнения соборных решений, оставляя за собой право контролировать исполнение приговоров.

Особенно жестоко расправлялись соборы с церковными врагами в XIV-XVII вв., но и в более ранний период послушников церкви ждала не менее суровая кара. В 1123 г. по приговору Киевского церковного собора заточили в тюрьму как «злого еретика» какого-то Дмитрия. В 1157 г. тот же церковный собор осудил другого еретика, Мартина. Учение Мартина, направленное против господствующей церкви, привлекло на его сторону, как рассказывает об этом летопись, много простого народа и вызвало широкое общественное движение против православной церкви. По приговору собора Мартин был сожжен.

Не только русские князья признавали за церковными иерархами право уничтожать противников «злою казнью». Это же право признавалось и монгольскими завоевателями. Так, по ярлыку хана Менгу Темира митрополиту Кириллу было предоставлено право наказывать смертью за хулу на православную церковь и за нарушение церковных привилегий.

Во второй половине XIV в. в Новгороде возникло антифеодальное движение, имевшее религиозную оболочку, известное под именем ереси стригольников. Стригольники выступали против епископов, их поборов и стяжательства; они отрицали некоторые догматы и обряды, связанные со смертью человека, необходимость исповеди и причастия, говорили, что их молитвы неуютны богу и что напрасно жертвовать им земли «на помин души». В ереси стригольников отразилась борьба против господствующей феодальной церкви; это был протест, хотя и пассивный, социальных низов против феодального гнета, против установившейся феодальной идеологии. В критике церковных догматов и обрядов были элементы рационализма. Во главе ереси стояли рядовые люди, а также дьячество, т.е. низший слой духовенства.

Как указывал К. Маркс, «борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовной услугой которого является религия» и что «критика религии есть, следовательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия»².

Господствующая церковь сурово осудила новую ересь, как направленную против церкви и феодального гнета. Ересь называли «прямой затеей сатаны», а ее участников — «злокозненными хулителями церкви», «развратителями христианской веры». Новгородские епископы настояли на том, чтобы руководителей ереси - дьякона Никиту, ремесленника Карпа и др. сбросили в 1375 г. в реку Волхов. Затем стали вылавливать и казнить остальных участников движения в Новгороде и Пскове. Физическое уничтожение еретиков одобрил и московский митрополит Фотий. В посланиях 1416-1425 гг. он благодарил псковичей за расправу над еретиками. Он советовал им применять все средства уничтожения, однако без пролития крови, во имя «спасения души» казненных. Послушные псковичи последовали советам инквизитора. Они переловили, обыскали и казнили многих еретиков³.

В XV в. широкое развитие получило новое антифеодальное движение, также имевшее религиозную оболочку, — новгородско - московская ересь. Сторонники этого антифеодального движения требовали уничтожения церковного землевладения, отмены исповеди, не верили в воскресение мертвых. Они отрицали внешнюю обрядность и основные догматы православной церкви, например догмат о троице, не признавали икон.

Они выступали также против церковной знати, осуждая ее стяжательство. В ереси отразился социальный протест городских людей против феодального гнета. Она, однако, не была поддержана крестьянским движением, и в этом ее слабость. Для борьбы с ересью в 1490 г. был созван церковный собор, на котором присутствовали самые воинствующие представители церкви. Собор отлучил от церкви и предал проклятию участников этого движения и потребовал от царской власти их смерти. Проповедуя необходимость жестокой казни еретиков, духовные власти руководствовались в своей практике Кормчей книгой, являвшейся переводом византийского Номоканона (свод правил византийских императоров, касающихся церкви и церковных дел). В главах 31-33 «градского» закона, вошедшего в состав Кормчей, были положения, которым в течение многих столетий следовали духовные власти: «Аще жидовин, христианина раба имый, и обрежет его, да отсекут ему голову; аще жидовин или агарянин дерзнет развратити от христианской веры христианина, главней повинен казни, иже сподобився святого крещения и еретичествоует и еллинствует, конечной муце повинен есть»⁴.

С требованием смерти еретиков обратился к царю Ивану III и новгородский архиепископ Геннадий Гонзов, прозванный современниками «кровожадным устрашителем преступников против церкви». Геннадий был в восторге от испанских инквизиторов, особенно от его современника Торквемады, который за 15 лет своей инквизиторской деятельности сжег на кострах и предал различным наказаниям многие тысячи человек. Настаивая на казни еретиков, Геннадий писал в 1490 г. московскому митрополиту Зосиме: «Смотри, франки по своей вере какую крепость держат! Сказывал мне при проезде через Новгород посол цесарский про шпанского короля, как он свою землю очистил, и я с тех речей и список тебе послал»⁵. Геннадий советовал митрополиту Зосиме поставить деятельность «шпанского короля» Фердинанда и испанских инквизиторов в пример Ивану III. Но еретики своей агитацией против церковного землевладения и церковной знати облегчали Ивану III борьбу за ликвидацию крупного церковного землевладения, которую он вел в интересах светских феодалов и служилых людей. Поэтому он ограничился лишь наказанием еретиков. Их били кнутом, а затем отослали к новгородскому епископу для осуждения церковным собором. Осудив еретиков и предав их проклятию, Геннадий, по примеру полюбившихся ему католических инквизиторов, устроил еретикам позорный въезд в Новгород. За 40 километров от города их посадили в шутовской одежде на коней «хребтом к глазам конским», т.е. задом наперед, на головы им надели берестяные шлемы с надписью «Се есть сатанино воинство» и в таком виде возили по городу. Городские жители обязаны были плевать на еретиков и говорить: «Это враги божьи и христианские хулители». В заключение на их головах были сожжены берестяные шлемы. Некоторых еретиков, как рассказывает летопись, по требованию Геннадия сожгли на Духовском поле, а других он послал в заточение⁶.

После разгрома новгородского антицерковного движения его центр перешел в Москву. Во главе этого движения стали Федор и Иван Курицыны. Московские еретики также боролись за ослабление власти крупных церковных феодалов и были противниками церковного землевладения. Они выступали против монашества, критиковали «творения» отцов церкви, но не посягали на основы христианства. Суровым и непримиримым гонителем этого движения был игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин (Волоцкий). Он был представителем воинствующей церкви, сторонником сильной светской власти, создателем теории божественного происхождения царской власти. Подобно новгородскому архиепископу Геннадию, Иосиф хорошо знал практику испанской инквизиции, восхищался ее деятельностью по борьбе с ересями и пытался перенести на русскую почву теорию и методы ее борьбы.

Иосиф обрушил на еретиков немало богословско-полемических «Слов», написанных в злобно воинствующем духе. В них много общего с писаниями францисканских монахов, боровшихся в XIII в. с ересью альбигойцев. Настаивая на казни еретиков, Иосиф доказывал, что даже те из них, которые, убоявшись смерти, покаются, не заслуживают помилования и прощения. В «огненных казнях» и тюрьмах Иосиф видел «ревность» к православной вере. Он проповедовал, будто руками палачей казнят еретиков сам «святой дух». Убеждая царя в необходимости физического уничтожения еретиков, Иосиф говорил, что «грешника или еретика руками убить или молитвой едино есть» и что казнить еретика - значит «руку освятить». Иосиф призывал всех «истинных христиан» «испытывать и искоренять лукавство еретическое» и грозил строгим наказанием тем, кто

«не свидетельствовал», т.е. не доносил, на еретиков. Вслед за католическими инквизиторами Иосиф учил, что в борьбе с еретиками допустимы все средства — обман, хитрость, ложь, предательство. Одно лишь сомнение в законности сожжения противников церкви этот инквизитор считал «неправославным». Необходимость суровых мер против еретиков Иосиф подтверждал примерами из ветхозаветной истории. Он ссылался также на примеры из жизни представителей церкви, например Льва Катежского, который якобы одной своей епитрахильей сжег еретика Лиодора. Иосиф обращался также к «градским» законам, вошедшим в состав Кормчей книги, которые предписывали карать смертной казнью за переход из православия в другую религию. Жестокие «градские» законы, преследовавшие свободу совести, Иосиф называл «божественным писанием», подобным так называемым пророческим и апостольским книгам. Одобрив и освятив церковным авторитетом эти инквизиторские законы, духовные власти постоянно пользовались ими в борьбе с антицерковным движением.

Московских еретиков судил церковный собор 1504 г. По настоянию собора наиболее активных еретиков — Ивана Волка, Михаила Коноплева и Ивана Максимова сожгли в клетке в Москве, а Некраса Рукавова — в Новгороде, предварительно отрезав ему язык. Духовные инквизиторы во главе с митрополитом Симоном настояли еще на сожжении юрьевского архимандрита Кассиана. Его брат Иван Черный бежал «в немцы».

Кровавый террор против участников антицерковного движения на этом не закончился. Иосиф продолжал выискивать их и предавать их суровому наказанию. Уступая Иосифу, царь Василий Иванович, как сообщает летопись, велел оставшихся еретиков «в темницы вметати до конца живота их».

После расправы с еретиками на соборе 1504 г. Иосиф стал знаменем воинствующей церкви — «презлых иосифлян», боровшихся с участниками антицерковного движения посредством духовного и светского меча. За заслуги перед светской властью и церковью Иосиф в 1591 г. был объявлен общерусским «святым».

После Иосифа во главе церковников, настаивавших на казнях противников церкви, стал московский митрополит Даниил. Пытаясь теоретически обосновать необходимость таких казней, Даниил в своих проповедях приводил слова Иоанна Златоуста, оправдывавшего казнь «по воле божьего человеколюбия», а также епископа Емесского Евсевия, учившего, что «убийство бога ради несть убийство». В обоснование своих инквизиционных взглядов Даниил ссылался и на блаженного Федорита, говорившего, что и Моисей велел убивать лжепророков. Даниил, как настоящий инквизитор, предлагал сеять вражду и раздоры среди противников церкви — «богонаученное коварство», чтобы с ними легче было разделаться. Участников антицерковного движения Даниил называл «хулителями имени божьего». Он доказывал, что еретики — враги не только церкви, но и государства. Запрещая общение с еретиками, Даниил старался вызвать к ним чувство «совершенной ненависти». Он убеждал правящие классы «воззреть против врагов божьих» (так он называл сторонников антицерковного движения) «божественной ревностью и проявлять к ним праведную ярость»⁷. Он подчеркивал также, что право судить еретиков и присуждать их к суровым наказаниям принадлежит церковной власти. Обязанность же светской власти — беспрекословно выполнять решения церковных соборов и церковных иерархов⁸.

Церковь обрушила свой меч и на так называемых нестяжателей Максима Грека и Вассиана Патрикеева. Максим Грек раньше сам выступал за смертную казнь еретикам. Так, он умолял церковный собор предать смертной казни Исаака Жидовина, смутившего, по его словам, Христову паству⁹. Но он был противником церковного землевладения и беспощадной эксплуатации трудившихся на церковно - монастырских землях крестьян. Вассиан Патрикеев, стоявший во главе боярской оппозиции, также обличал стяжательство монастырей, ибо владение землей, по его словам, развращает монахов, заражает их «ненасытным сребролюбием». В своих произведениях Вассиан писал об эксплуатации монастырских крестьян, которые, по его словам, жили в последней нищете.

Вассиан и Максим Грек критиковали феодально-крепостнический быт церковных вотчин и стремились склонить великого князя к отчуждению церковных и монастырских земель, что и

вызвало ненависть к ним церковных иерархов. Максим Грек предстал перед церковным собором в 1525 г. Его признали «злохулительным еретиком» и заключили в тюрьму Волоколамского монастыря. Максиму Греку запретили писать, мучили голодом, морозом и, как отмечает один источник, он «от дыма и от горести темничные был яко мертв». В таких условиях Максим пробыл шесть лет. В 1531 г. он был привезен в оковах в Москву и предстал перед судом нового церковного собора. Здесь в его сочинениях нашли «хулу на господа бога и богородицу» и обвинили в том, что он составлял «писания хульные и еретические», критиковал церковные уставы и законы, что он еретик и чернокнижник. Церковный собор осудил Максима как «хульника и Священного писания тлителя» и сослал в оковах в Тверской Отрочь монастырь, где его заточили в каменный мешок.

В ереси обвинили и помощников Максима по исправлению книг — Михаила Медоварцева и Сильвана. Медоварцев был сослан в Коломну, а Сильван в Волоколамский монастырь, где его «уморили дымом». На этом же соборе еретиком был объявлен «князь - инок» Вассиан, противник церковного землевладения. Он также попал в каменный мешок Волоколамского монастыря и в «прегорчайшей темнице» умер от голода и дыма. Сделано это было по приказу митрополита Даниила.

Вскоре в руках инквизиторов оказался игумен Троицкого монастыря Артемий — противник церковной знати и церковного землевладения. Он писал об этом царю и умолял его в интересах самой церкви отобрать ее имения. Артемия судил церковный собор 1553 г. Его обвинили в ереси и сослали в Соловецкий монастырь с предписанием «пребывать ему внутри монастыря с великой крепостью, в келье молчательной».

На церковном соборе 1554 г. как «безбожного еретика и отступника православной веры» осудили Матвея Башкина. Он считал, что рабство несовместимо с принципами истинного христианства, и говорил о необходимости уничтожить холопство, так как «Христос всех братией нарицает»¹⁰. Башкин подверг критике церковные каноны и догмы: отрицал божественное происхождение Иисуса, не признавал «угодников» и поклонения иконам. В выступлении Башкина против церкви и ее догматов под религиозной оболочкой скрывался протест масс против закабаления и феодальной эксплуатации. Защищая устои феодально-крепостнического государства, церковные иерархи не могли простить Башкину его взглядов. Башкина подвергли пыткам и заставили признаться в еретичестве. Как передают некоторые источники, по приговору церковного собора Башкина посадили в деревянную клетку и сожгли. Его сторонники были разсланы по монастырям в строгое заключение¹¹.

Не прошло и года, как вновь собрались церковные иерархи. На этот раз они судили Феодосия Косого, выдающегося идеолога социальных низов середины XVI в. Феодосий Косой учил, что не следует повиноваться попам и властям, он звал угнетенные массы на борьбу за уничтожение церковного и светского гнета и коренное переустройство общества. Церковный собор приговорил Феодосия к тяжкому наказанию, но ему удалось вырваться из цепких лап инквизиторов и бежать в Литву.

Кровавый террор по отношению к еретикам и другим противникам церкви получил широкое распространение и нашел отражение в народном творчестве. В былине о Добрыне Никитиче рассказывается, например, как он «учил» жену свою Марию Игнатьевну — еретичку, безбожницу:

Сперва отсек руки и ноги, а затем голову. И этот язык не надобен, Знал он дела еретические¹².

По мере того как ограничивались феодальные права церкви, обязанность бороться с ересями принимала на себя государственная власть, осуждение же церковных противников по-прежнему производилось иерархами церкви. При содействии и по настоянию московских митрополитов Даниила и Макария «церковные мятежники» стали рассматриваться как государственные преступники. На борьбу с «обидящими церковь» государство ополчилось в контакте с представителями церкви. На стоглавом соборе 1551 г. епископы просили царя строго наказывать еретиков «градским» судом. Просьба церковных иерархов была выполнена. Царем был издан указ «о великой царской опале на еретиков по градским законам, а от святителей духовным запрещением»¹³.

Наказание по делам об еретичестве по-прежнему устанавливалось церковным судом, светские же суды были их исполнителями. Г. К. Котошихин, живший в XVII в. и известный своим сочинением «О России в царствование Алексея Михайловича», так рассказывает о существовавшей в XVII в. системе террора по отношению к церковным противникам: «... а кого у них (т. е. в судах патриарха и церковных властей. — Е. Г.) за духовные дела... осудят на смерть, кто какую заслужил, и они, из дела выписав приговор свой, посылают с теми осужденными людьми в царский суд, и по тому их приговору из царского суда велят казнить без задержания, кто чего достоин». пытки обвиняемых также производились по требованию духовных властей¹⁴.

Требования кровавой расправы над церковными противниками отразились и на законодательстве XVII в. В Соборном уложении 1649 г. критика церкви и ее догматов рассматривалась как богохульство и каралась сожжением на костре. Так же наказывались «без всякого милосердия» и другие выступления против религии и церкви — переход в «басурманскую» веру, святотатство и др. По свидетельству иностранца Петрея, врагов церкви, «святотатцев», сажали на кол, после смерти тело снимали с кола, выносили за городские ворота и сжигали, а пепел засыпали землей¹⁵. По указу 1684 г. смертной казни через сожжение предавались еретики, которые «отшатнулись от церкви и чинят соблазн и мятеж», а также «перекрещенцы».

Церковники уверяли, будто начиная с Петра I в России признавалась свобода совести. В доказательство они приводили слова Петра из указа от 16 апреля 1702 г.; царь-де не желает приневоливать совесть человеческую и предоставляет каждому христианину на его ответственность «пещись о блаженстве своей души»; никакому государю не позволено оную силой в другую веру «принуживать»¹⁶. В действительности было не так. И в петровских законах отразилась непримиримая вражда церкви к ее противникам. Выступление против господствующей церкви, критика ее догматов и обрядов рассматривались как «богохуление». «Хулители веры, - говорил Петр, - наносят стыд государству и не должны быть терпимы, поелику подрывают основание законов». Виновным выжигали язык раскаленным железом, а затем их предавали смерти. В «Воинских артикулах» было записано, что смертью наказывались также и те, кто не доносил на еретиков, ибо они считались «причастниками богохуления»¹⁷.

Нетерпимость церкви и царской власти к церковным противникам в петровский период ярко проявилась в деле переписчика книг Григория Талицкого (1701 г.). Талицкий отличался начитанностью и хорошо разбирался в богословских вопросах. Выражая взгляды людей, отрицательно относившихся к петровским реформам, Талицкий проповедовал, что в лице Петра появился антихрист и что наступает конец мира. Он резко критиковал деятельность Петра, призывал народ не платить податей, не выполнять государственных повинностей, стремился поднять восстание против Петра. Свои взгляды Талицкий изложил в «тетрадках», которые раздавал народу. Церковный певчий Федор Казанец донес на Талицкого, и по этому доносу Талицкого арестовали. При обыске у него были найдены доски с текстом его обращения к народу. В этом обращении он критиковал также и православную церковь, говорил о близкой кончине мира и возмущал народ против Петра и его реформ. Талицкого подвергли пыткам. Не стерпев их, он покаялся, т.е. признал себя виновным. Талицкий назвал при этом 17 своих сторонников, в числе их князя И. И. Хованского и тамбовского епископа Игнатия.

Правительство и церковь придали большое значение осуждению взглядов Талицкого, так как они получили в народе широкое распространение. Митрополит Стефан Яворский по поручению царя написал особое «увещание», в котором подверг учение Талицкого резкой критике. Талицкого обвинили в том, что он «с великой злобой и бунтовским коварством» писал «письма плевельские о пришествии антихриста», и приговорили к казни копчением. Во время свершения этой мучительной расправы на место казни поднимались для допроса и напутствия священник Преображенского приказа и начальник последнего Федор Плещеев. После казни Талицкого еще четвертовали. В месте с Талицким казнили и его сторонников: Артамона Иванова, Савина, попов Луку и Андрея. «Тетрадки» Талицкого, в которых он осуждал церковь и петровские реформы, были сожжены¹⁸.

Мучительная казнь не приостановила распространения учения Талицкого, оно было очень популярно среди простого народа. Митрополит Стефан Яворский, ближайший помощник Петра,

возглавлявший кровавый террор над церковными противниками, пытками и казнями вызвал к себе всеобщую ненависть. Стефан составил также «Камень веры» — обличительное сочинение, в котором он доказывал право церкви на физическое уничтожение еретиков. «Иного на еретиков врачевания нет паче смерти», — писал он. Преданный ему новгородский митрополит Иов рассказывал, что по приказу Стефана в Новгороде было арестовано 12 человек и многие из них «зело жестоко пытаны и рваны». По его же настоянию в 1713 г. подвергся преследованию лекарь Дмитрий Тверитинов. Это был просвещенный человек своего времени. Изучая Библию на латинском языке, Тверитинов выбрал из нее до пятисот текстов в подтверждение своих взглядов; он был сторонником известных преобразований в русском обществе, особенно среди духовенства. Тверитинов отвергал значение церковного предания, культ святых, мощей, поклонение иконам. Он обличал «пастырей лживых», как он называл священников, не признавал монашества, считал недопустимым для церкви владеть богатствами, в первую очередь имениями и крепостными. Выступая против религиозного догматизма, Тверитинов едко высмеивал религиозные суеверия, распространявшиеся духовенством, осуждал церковные обряды, являвшиеся часто причиной болезней. Своих взглядов Тверитинов не скрывал, так как он поверил Петру, будто в России возможно открыто исповедовать свои религиозные убеждения: «Ныне у нас повольню всякому, кто какую веру изберет, в такую и верует», — говорил он.

Этому поверили и его ближайшие сторонники Иван Максимов и Михаил Косой. Однако скоро им пришлось убедиться в своем заблуждении. Тверитинова и его последователей обвинили в том, что они «рассеивают» среди «неискушенного народа» «плевелы соблазнительные». Сперва арестовали Ивана Максимова, который-де «острыми укоризнами и невежливыми речениями укорял православные догматы». Максимова заключили в колодническую палату при патриаршем дворе, а после первых пыток перевели в Преображенский приказ, где пытали вторично. Не выдержав пыток, Максимов выдал своего учителя Тверитинова и его учеников — цирюльника Фому Иванова, фискала Михаила Андреева и «торгового человека» Никиту Мартинова.

Вначале Сенат, рассматривавший дело московских рационалистов, отнесся к еретикам снисходительно и потребовал от них лишь отказа от их религиозных взглядов, шедших вразрез с учением господствующей церкви. Но против такого отношения к еретикам возражал Стефан Яворский. Он обратился с письмом к Петру, в котором доказывал необходимость применения к еретикам пыток. «Что же речем о допросах? — писал он. — Допросы обычно бывают ради известия истины. Аще же вопрошаемый начнет запираяться, то надобно или достоверных свидетельств или пытки»¹⁹. Чтобы собрать обвинения против Тверитинова и его учеников, Стефан обратился к народу с «увещеванием». Под угрозой церковного проклятия он призывал «православных» доносить на еретиков. «Увещевание» сделало свое дело, и на Тверитинова посыпались «обвинительные сказки», главным образом от духовенства. Всех обвиняемых заключили в тюрьмы: Тверитинова — в колодническую палату московского духовного приказа, а его ближайшего ученика Фому Иванова — в московский Чудов монастырь, где держали «на цепи со стулом». В цепях их приводили в церковь и предавали анафеме. Стефан обвинял Тверитинова и его учеников в том, что они пытались отторгнуть простой народ от церкви и что делали они это «по злобе на церковь». По поводу «лукавого дела» начались расспросы, пытки, церковные проклятия. По распоряжению Стефана из 39 допросов был сделан «экстракт», и вместе с «правилами святой церкви» о необходимости сурового наказания еретиков материалы были переданы церковному собору.

Тем временем пытки продолжались. Первым не выдержал Фома Иванов. Когда его вели из тюрьмы в церковь, чтобы предать церковному проклятию, он схватил косарь (топор) и на глазах духовенства и народа изрубил икону Алексия. Его немедленно подвергли церковному проклятию, перевели в духовный приказ, где по распоряжению Стефана вновь пытали. Сгущались тучи и над головой Тверитинова. Стефан обвинял его в том, что он широко распространял свои еретические взгляды, что он размножал и раздавал свои «народно - развратные пункты».

24 октября 1714 г. в патриаршей крестовой палате собрались архиереи, архимандриты и попы для соборного суда над Тверитиновым и его учениками. Собор перечислил их «богомерзкие и богохульные ереси», трижды пропел им анафему, а затем передал обвиняемых светскому суду. Заклиная «страшным судом Божиим», собор требовал от светской власти «сии богоненавистные

еретические плевелы конечно истребить не только духовным судом, но и судом гражданским». 30 декабря 1714 г. Фому Иванова подвергли жестокой казни. В Москве, на Красной площади, построили сруб, куда поместили Иванова, и зажгли его. Перед казнью был зачитан приговор. Иванова осудили за то, что он возложил хулу на иконы и мощи угодников, на причастие, был противником церкви, врагом и богоотступником. Сперва сожгли его руку с косарем, которым он разрубил икону, затем в срубе сожгли его самого. При совершении казни Иванов держался с величайшей твердостью и не принес, как от него требовали, покаяния. Суровость наказания Стефан Яворский оправдывал необходимостью «угасить всенародный мятеж», вызванный, по его словам, учением Тверитинова.

Стефан Яворский и другие церковные иерархи настаивали на суровом наказании и Тверитинова как еретика и великого злодея не только церкви, но и государства. Однако вопреки их требованиям Петр освободил Тверитинова от наказания. Его ученика Михаила Косого сослали в Тобольск, а оттуда в Обдорск в крепкое заточение «на хлеб и на воду»²⁰.

Жестокость и непримиримость Стефана Яворского, его «кровожаждущая утроба» вызвали недовольство церковных иерархов, находившихся к нему в оппозиции. Открытое сопротивление Петру в деле московских еретиков вызвало гнев царя. По его распоряжению над «кровожаждущим» инквизитором был назначен «генеральный суд». Его обвинили в злобе, гордости и клевете, в распространении лютеранской ереси и подвергли опале.

Прошло несколько лет, и в 1722 г. вновь запылал в Москве костер. Отставной капитан Василий Левин произносил против церкви «злые и возмутительные слова» и не признавал икон. Подобно Талицкому, он говорил, что Петр — антихрист, и призывал народ не повиноваться ему. Левина подвергли пыткам — подняли на дыбу и дали одиннадцать ударов. Как богохульника и противника власти Левина казнили в Москве, на Болоте: ему отсекли голову, а затем сожгли туловище. Голова Левина была отправлена в Пензу, туда, где он проповедовал свои взгляды. Здесь ее выставили для всеобщего обозрения, на страх другим. Вместе с Левиным казнили еще четырех его сторонников. Их обвинили в том, что они знали об «еретичестве» Левина, но не донесли на него. Их головы были выставлены в Пензе рядом с головой Левина. После казни Синод хотел уничтожить монастырь, где жил Левин, но это требование даже царским палачам показалось жестоким и ненужным²¹. Однако всех монахов монастыря долго содержали под арестом в «земельном хладе».

В 1721 г. в Новгороде судили новгородского дьячка Василия Ефимова за то, что он, рассказывая о виденном им якобы чуде, «вместо славы нанес хулу имени божьему». Несчастливого дьячка сожгли публично в Новгороде, о чем сообщил Синоду новгородский архиерей. Но и после смерти дьячок казался церковникам опасным: его останки — голова и кости, способные якобы вызвать в народе «соблазн», по распоряжению Синода были отобраны у родственников и сожжены вторично, а прах был развеян²².

Духовное ведомство всюду видело мятеж против церкви и настаивало на суровых мерах для искоренения «злых плевел». По поручению Синода петербургский митрополит Гавриил представил в Уложенную комиссию 1767 г. свои соображения о том, как бороться с церковными противниками. Гавриил предложил виновных смирять прежде всего публично — одевать в позорную одежду и выставлять как преступников на всеобщее осмеяние. Затем им следовало дать 30 ударов струнными «кошками» о двенадцати хвостах, выжечь каленым железом клеймо - буквы ЗБХ (злбный богохульник) и сослать навечно в каторгу, где использовать на самых тяжелых работах «вместо скотов»²³. Жестокость этого наказания Митрополит Гавриил объяснил тем, что отступление от православной церкви, безверие и богоотступничество являются заразой для государства. Предложения митрополита - изувера, одобренные предварительно Синодом, нашли широкое применение. Еще в 1785 г. в местечке Крупца на Волыни крестьянина Генриха Немирича обвиняли в том, что он «безбожный оскорбитель тела и крови Христовой». По настоянию церковников его предали суду, и суд вынес решение: «Отдать его под меч палача... предать тело четвертованию, а перед тем живцом вырвать язык... и драть пасы (полосы) из тела, затем все тело порубить на мелкие куски и раскидать по дорогам в пищу диким зверям»²⁴. Этот зверский приговор был одобрен и представителями церкви.

Духовные власти пытались канонически и юридически обосновать инквизиционные методы расправы с церковными противниками. Положение, выдвинутое еще Иосифом Волоцким, будто царский суд обязан своим мечом «искоренять еретический злой плевел в конец», на долгие годы вошло в практику светской власти, защищавшей всем своим карательным аппаратом неприкосновенность и исключительность положения казенной церкви, этой, по образному выражению В. Г. Белинского, «опоры кнута и угодницы деспотизма»²⁵.

1. С. К. Викторовский. История смертной казни в России. М., 1912, стр. 17.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 415.
3. А. И. Клибанов. Реформационные движения в России. М., 1960; см. также Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальное движение на Руси XIV - начала XV в. М. - Л., 1955, стр. 39, 56.
4. «Русская старина», кн. I, 1885, стр. 190.
5. «Русское прошлое», кн. III, 1923, стр. 37; «Русская историческая библиотека», т. VI, 1874, стр. 775-776.
6. «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), т. IV. СПб., 1848, стр. 159.
7. В. И. Жмакин. Жизнь и деятельность митрополита Даниила. М., 1881, стр. 184-192. См. также А. А. Зимин и Я. С. Лурье. Послания Иосифа Санина. М. - Л., 1959.
8. В. И. Жмакин. Указ. соч., стр. 410.
9. Ард. Попов. Суд и наказание за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904 стр. 44
10. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606-1607 гг. М., 1951, стр. 35.
11. Дело М. Башкина изложено в Актах Археографической экспедиции (ААЭ), т. I, № 239.
12. И. А. Малиновский. Кровавая месть и смертная казнь. Томск, 1909, стр. 39.
13. «Акты исторические» (АИ), т. I, № 154.
14. И. С. Бердников. Краткий курс церковного права, т. II. Казань, 1913, стр. 981.
15. В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о московском государстве. М., 1866, стр. 122.
16. С. К. Викторовский. Указ. соч., стр. 107.
17. «Полное собрание законов» (ПСЗ), т. IV, стр. 1910.
18. Следственные материалы по делу Г. Талицкого напечатаны Г. Есиповым в книге «Раскольничьи дела XVIII в.» (т. I. СПб., 1861, стр. 59-84); см. также Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. М., 1957, стр. 134-145.
19. «Русский вестник», кн. 2, 1871, стр. 718.
20. «Описание архива святейшего Синода», т. II, ч. 1, 1722, № 187, приложение XXIV; т. X, 1730, № 33; см. также Н. Тихомиров. Московские вольнодумцы начала XVIII в. и Стефан Яворский. — «Русский вестник», 1870, кн. 9; 1871, кн. 2 и 6.
21. «Описание архива святейшего Синода», т. I, № 494. Г. Есипов. Раскольничьи дела XVIII в., т. I, стр. 7-51; см. также А. Н. Филиппов. О наказаниях по законодательству Петра Великого М., 1891, стр. 203.
22. «Русский архив», 1867, стр. 1708-1720.
23. «Православный собеседник», кн. IV, 1910, стр. 296.
24. «Исторический вестник», кн. VII, 1885, стр. 102.
25. В. Г. Белинский. Сочинения, т. X. М., 1955, стр. 214.

Глава II. Ведовские процессы

Розыски и преследования колдунов, чародеев и ведьм католической церковью стали производиться в XIII в., с первых дней организации инквизиции, и приняли массовый характер начиная с XV в. Папа Иннокентий VIII издал в 1484 г. особую буллу, которой предписывалось беспощадно истреблять ведьм и чародеев. Этими мерами преследовалась цель подавить движение в народе, направленное против эксплуатации, оправдать социальный гнет и экономическое неравенство.

Инквизицией издавались многочисленные инструкции - наставления для ведения ведовских процессов. В 1487 г. председатель инквизиционного суда прирейнских провинций Яков Шпренгер свел эти инструкции в один обширный кодекс под названием «Молот ведьм», который стал настоящим руководством для ведения процессов над ведьмами. В нем указывались признаки, по

которым следовало узнать ведьм и чародеев, рассказывалось, как надлежит вести допросы и пытки, чтобы добиться у обвиняемых признания, подробно описывалась процедура сожжения. «Труд» Шпренгера был очень популярен среди инквизиторов всех стран и за короткое время выдержал 13 изданий. В XVI-XVII вв. наставлениями по допросу ведьм снабжались все германские государства.

Преследования ведьм и колдунов проводились инквизиционными трибуналами с исключительной жестокостью. Вот как описывает пытки и казни над ведьмами в начале XVII в. современник пастор Мейфарт, хорошо знавший инквизиционную практику того времени: «Я видел, как палачи мозжат стройное человеческое тело, расшатывают его во всех суставах, заставляют глаза вылезти из орбит, выдергивают стопы из голеней, плечи из лопаток, вздергивают человека на воздух, дробили кости, кололи иглами, жгли серой, поливали маслом»¹.

Католические инквизиторы хвалились своими успехами по искоренению ведьм и чародеев. По свидетельству церковных источников, только в Испании было сожжено 30 тысяч «ведьм» — жертв инквизиторской жестокости. С не меньшей суровостью расправлялись с колдунами и ведьмами и протестанты во главе с Лютером. Они также преследовали и сжигали на кострах лиц, «знавшихся» с нечистой силой. В конце XIX в. католическая церковь пыталась отвести от себя обвинение в том, что она активно участвовала в организации ведовских процессов, считая такое обвинение «ложью истории». В 1885 г. по предложению папы Льва XIII была издана специальная книга, «реабилитировавшая» церковников. Однако несмотря на старания католической церкви, ее преступления против человечества не забыты и в настоящее время.

В древней Руси ведовские процессы возникли уже в XI в., вскоре после утверждения христианства. Расследованием этих дел занимались церковные власти. В древнейшем юридическом памятнике — «Уставе князя Владимира о церковных судах» ведовство, чародейство и волхование отнесено к числу дел, которые разбирала и судила православная церковь. В памятнике XII в. «Слово о злых дусех», составленном митрополитом Кириллом, также говорится о необходимости наказания ведьм и колдунов церковным судом. Летопись отмечает, что в 1024 г. в суздальской земле были схвачены волхвы и «лихие бабы» и преданы смерти через сожжение. Их обвинили в том, что они — виновники постигшего суздальскую землю неурожая. В 1071 г. в Новгороде казнили волхвов за публичное порицание христианской веры. Так же поступили и ростовцы в 1091 г. В Новгороде после допросов и пыток сожгли в 1227 г. четырех «волшебников». Как рассказывает летопись, казнь происходила на архиерейском дворе по настоянию новгородского архиепископа Антония. Духовенство поддерживало в народе веру, будто колдуны и ведьмы способны на поступки, враждебные христианству, и требовало жестокой расправы с ними. В поучении неизвестного автора «Како жити христианам» гражданские власти призывались выслеживать чародеев и колдунов и предавать их «всеконечным мукам», т.е. смерти, под опасением церковного проклятия. «Нельзя щадить тех, кто творил зло перед богом», убеждал автор поучения, доказывая, что видевшие казнь «бога убоятся»². Киевский митрополит Иоанн также одобрял массовый террор против колдунов и ведьм и защищал право епископских судов приговаривать колдунов и ведьм к тяжким наказаниям и смерти. Митрополит Иоанн считал, что жестокость устранила других не совершать «волшебных» действий и отвратит народ от чародеев и колдунов.

Горячим сторонником кровавых преследований колдунов и ведьм был и известный проповедник, живший в XIII в., владимирский епископ Серапион, современник первых процессов против ведьм на западе (первый процесс возник в Тулузе в 1275 г., когда сожгли Анжелу Лабарет по обвинению в плотских сношениях с дьяволом). «И когда вы хотите очистить город от незаконных людей, — писал Серапион в своей проповеди, обращаясь к князю, — я радуюсь этому. Очищайте по примеру пророка и царя Давида в Иерусалиме, который искоренял всех людей, творящих беззакония, — иных убийством, иных заточением, а иных заключением в тюрьму»³.

Епископы разыскивали колдунов и ведьм, их доставляли на епископский двор для следствия, а затем передавали в руки светской власти для наказания смертью. По примеру своих католических соратников православная инквизиция разработала в XIII в. и методы распознавания ведьм и чародеев огнем, холодной водой, путем взвешивания, протыкания бородавок и т. п. Вначале церковники считали колдунами или чародеями тех, кто не тонул в воде и оставался на ее поверхности. Но затем,

убедившись, что большинство обвиняемых не умели плавать и быстро тонули, изменили тактику: виновными стали признавать тех, кто не мог держаться на воде. Для распознавания истины широко применяли также, по примеру испанских инквизиторов, испытание холодной водой, которую капали на головы обвиняемых.

Поддерживая веру в дьявола и его могущество, представители православной церкви объявляли еретичеством всякое сомнение в реальности дьявола. Они преследовали не только лиц, обвиненных в сношениях с нечистой силой, но также и тех, кто высказывал сомнение в ее существовании, в существовании ведьм и чародеев, действовавших при помощи дьявольской силы.

Жертвами православных инквизиторов были главным образом женщины. По церковным представлениям, женщины легче всего входили в сношения с дьяволом. Женщин обвиняли в том, что они портят погоду, посева, что они виновницы неурожая и голода. Киевский митрополит Фотий разработал в 1411 г. систему мероприятий по борьбе с ведьмами. В своем послании к духовенству этот инквизитор предлагал отлучить от церкви всех, кто будет прибегать к помощи ведьм и чародеев⁴. В том же году по наущению духовенства в Пскове сожгли 12 колдуний, «вещих женок», их обвинили в чародействе. В 1444 г. по обвинению в чародействе в Можайске всенародно был сожжен боярин Андрей Дмитриевич с женой.

В XVI в. преследование волхвов и колдуний усилилось. Стоглавый собор 1551 г. принял против них ряд суровых постановлений. Наряду с запрещением держать у себя и читать «богомерзкие еретические книги», собор осудил волхвов, чародеев и кудесников, которые, как отметили отцы собора, «мир прельщают и от бога отлучают»⁵. При Иване IV возникли многие процессы против волхвов и колдуний. Даже первых советников царя, Сильвестра и Адашева, обвинили в том, будто они «извели» царицу Анастасию Романовну, и сослали их в монастырь. Церковные власти издавали постановления о борьбе с ведовством и натравливали на мнимых ведьм и колдуний народные массы. В 1555 г. власти Троице-Сергиевского монастыря специальным указом запрещали держать в монастырских вотчинах «волхвей» и «баб - ворожей». Обнаруженных волхвов и ворожей власти предлагали «бив да ограбив да выбити из волости вон», т.е. изгнать. С крестьян, допустивших общение с ворожеями, брали десятирублевый штраф с каждых ста человек.

В «Повести о волхвовании», появившейся под влиянием церковной агитации против ведьм и чародеев, их предлагалось «огнем жечи». Наряду с этим церковь воспитывала народ в духе непримиримой вражды к медицине. Проповедуя, что болезни посылаются богом за грехи людей, церковь требовала, чтобы народ искал исцеления в молитвах, испрашивая «божьей милости» в «чудотворных» местах. На знахарей, лечивших народными средствами, церковь смотрела как на посредников дьявола, пособников сатаны. Этот взгляд нашел отражение в памятнике XVI в. — «Домострое». По «Домострою», грешники, оставившие бога и призывавшие к себе чародеев, кудесников и волхвов, уговоряют себя дьяволу и будут мучиться вечно.

Массовые преследования волхвов и чародеев оставили след и в народном творчестве. В одном народном предании рассказывается, что при Иване IV было множество всякой нечисти и безбожия; по совету митрополита ведьм привели на площадь, обложили соломой и сожгли⁷. Народная сказка «Арысь-поле» приводит пример богоугодного поступка: ведьма была схвачена с дочерью и сожжена. В сказке «Белая уточка» ведьму привязали к хвосту лошади и «размыкали» по полю.

Поддерживаемая церковью вера в существование нечистой силы и возможность «порчи» людей была причиной возникновения ряда процессов. На этих процессах инициаторами и «доказчиками» выступали часто представители церкви, а светская власть предоставляла для расправы с виновными свой карательный меч. В 1591 г. в Астрахани обнаружили колдунов, виновных в «порче», т.е. в заболевании, крымского царевича Мурата Гирея. «Колдуны» были сожжены при большом стечении народа⁸. В 1606 г. процесс о «порче» возник в Перми. Здесь по обвинению в чародействе отправили на костер несколько человек. В 1647 г. при царе Алексее Михайловиче в Шацке по навету церковных «доказчиков» чародеями объявили женку Агафью и крестьянина Терешку. По указу царя несчастных вывели на площадь, где сказали об их «богомерзком деле», затем посадили в сруб, обложили соломой и сожгли. В том же году за чародейство сослали в Кирилло - Белозерский

монастырь крестьянина Михаила Иванова: он-де «наговорами» испортил невесту царя Евфимию Всеволожскую. В 1649 г. в чародействе обвинили женку Анюту и какого-то мордвина. Их трижды пытали и жгли огнем так, что поломали им ребра и сожгли ноги, потом бросили в тюрьму, где они умерли от голода⁹.

Обобщив весь накопившийся опыт по борьбе с ведовством и чародейством, правительство по настоянию духовенства издало в 1653 г. специальный указ, повелевавший никаких богомерзких дел не совершать, не держать отреченных, гадательных и еретических книг, не ходить к ворожеям и ведунам. Виновных лиц велено как врагов божьих жечь в срубах. Это не было одной угрозой. Так, Г. К. Котошихин рассказывает, что за «волховство, за чернокнижество мужиков жгли живыми, а женщинам за чародейство отсекали головы».

Ведовские процессы часто очень разрастались, чему способствовала применявшаяся тогда практика сыска вины пытками и казнями. Светские и духовные власти не стремились установить истину. Они заранее осуждали привлеченных по этим «винам» людей, признания нужны были им для оправдания суровых наказаний. В 1630 г. по делу одной «бабы-ворожейки» было привлечено 36 человек; по делу Тимошки Афанасьева, возникшему в 1647 г., судили 47 «виновных». В 1648 г. вместе с Первушкой Петровым, обвиненным в чародействе, «пытали» истину у 98 человек. За Аленкой Дарьицей, привлеченной к суду в 1648 г. за тот же грех, последовали 142 жертвы. С Анюткой Ивановой (1649 г.) судили за чародейство 402, а по процессу Умая Шамардина (1664 г.) - 1452 человека¹⁰.

После подавления крестьянского восстания 1667-1671 гг. под предводительством Степана Разина по розыску новгородского митрополита Филарета была схвачена в городе Темникове активная участница восстания крестьянка Выездной слободы Арзамаса старица Алена. Митрополичий духовный приказ обвинил Алену в колдовстве и подверг пыткам. После окончания церковного суда Алену выдали усмирительню крестьянского восстания князю Ю. А. Долгорукому. По приказу царского палача Алена была сожжена в срубе как колдунья и чародейка. В 1672 г. в Астрахани при большом стечении народа сожгли Корнилу Семенова, у которого были найдены какие-то заговоры. Вскоре после этого в 1674 г. в Тотьме обвинили в «порче» женку Федосью; ее, конечно, сожгли. В 1676 г. в Сокольском сожгли в срубе пушкаря Панко Ломоносова и его женку Аноску вместе с кореньями и травами, которые те применяли для лечения¹¹.

Инквизиторская практика православной церкви отразилась и в уставе Славяно-греко-латинской академии, основанной в Москве в 1687 г. Академии предлагалось не держать волшебных, чародейских, гадательных и других запрещенных церковью богохульных и богоненавистных книг. Виновные подлежали сожжению «без всякого милосердия». Реакционное учение церкви о существовании дьявола и прочей нечистой силы и о возможности сношения с ними проповедовалось и на академических лекциях. Из питомцев академии церковники готовили опытных инквизиторов¹².

Ведовские процессы продолжались и при Петре I, причем для борьбы с колдовством привлекался весь административно-полицейский аппарат феодально-крепостнического государства. В 1699 г. в Преображенском приказе велось следствие по обвинению в колдовстве аптекарского ученика Маркова. Здесь же пытали крестьянина Бложонка за его сношение с нечистой силой¹³.

В 1714 г. в городе Лубны (Украина) собирались сжечь за чародейство одну женщину. Об этом узнал В. Н. Татищев, находившийся в этом городе проездом из Германии, автор «Истории российской». Он критиковал реакционную роль церкви и стремился освободить «вольные науки» от религиозной опеки. Поговорив с обвиняемой, Татищев убедился в ее невинности и добился отмены приговора. Женщину все же отправили на «смирение» в монастырь¹⁴.

Реальное существование дьявола и его подручных и возможность сношения с ними не вызывало сомнений даже у просвещенного монарха, что отразилось в законодательстве того времени. Петровские воинские артикулы 1716 г., отличавшиеся большой жестокостью, за колдовство назначали тяжкое наказание. По этим артикулам сожжению на костре подвергались

«чернокнижники, ружья заговорители, суеверные и богохульные чародеи», которые, по мнению церкви и светских властей, «с дьяволом обязательство имеют и сношения с адом»¹⁵.

Обвинения в чародействе обычно начинались по инициативе духовных властей и разбирались предварительно в церковном суде. Затем следственные материалы передавались светскому суду, который и приговаривал обвиняемых к тяжким наказаниям. Так, в 1721 г. в Новгороде был сожжен дьячок Ефимов за то, что он якобы чинил в народе смуту и вместо славы нанес хулу имени божьему. В 1720 г. на Волыни в чародействе обвинили крестьянку Проську Каплунку. Её посадили в яму, засыпали землей до плеч, сверху набросали хворосту и сожгли. Место казни после сожжения привалили большим камнем¹⁶.

Активную роль служителей культа в организации и ведении ведовских процессов отмечает и царский указ 25 мая 1731 г. По этому указу епархиальные архиереи должны были наблюдать, чтобы борьба с чародейством велась без всякого снисхождения. Указ напоминал, что за волшебство назначается смертная казнь сожжением. Сожжению подвергали и тех, кто, не «боясь гнева божьего», прибежал к колдунам и «знахарям» за помощью. Перед сожжением их еще били кнутом¹⁷.

В 1734 г. был схвачен и подвергнут пыткам крестьянин Зворыкин; его обвинили в том, что он отрекся от бога и дал бесам «рукописание». Чем кончился этот процесс, сведений нет.

В юго-западных губерниях, где распространено было католичество, ведовские процессы возникали на основании так называемого кодекса магдебургского права, которым широко пользовалась католическая инквизиция. По этим законам за чернокнижничество и колдовство полагались пытки и смертная казнь сожжением. В соответствии с этими законами помещик Лука Малинский представил в 1730 г. в суд города Кременца свою крепостную Мотруну Перистую, обвинив ее в том, что она знает с дьяволом и занимается чародейством. Мотруну подвергли трехкратной пытке, растягивали ей члены блоками и веревками и три раза жгли раскаленным железом. Несчастная, не выдержав пыток, призналась в том, чего допытывались инквизиторы. После такого «признания» ее сожгли¹⁸. Для обвинения в сношениях с дьяволом возраст не имел значения, привлекали и очень старых и очень молодых. В 1737 г. 12-летнюю дворовую Ирину Иванову заподозрили в сношениях с дьяволом. Ее обвинили в том, что в «ее утробе было дьявольское наваждение, говорившее человеческим языком». Несчастную девочку заключили в Томский монастырь, били кнутом, и, вырезав ноздри, сослали в далекий охотский острог под постоянный надзор местного духовенства¹⁹. В Рождественском монастыре на Енисее томились в суровом заключении люди, обвиненные в сношениях с нечистой силой. Около монастырской тюрьмы был особый двор для казней. На этом дворе за связь с дьяволом сожгли несколько человек. В темной «каюте» якутского монастыря сидел на цепи Максим Малыгин за «тайное и богомерзкое общение с нечистой силой». Монастырские тюремщики лишили заключенного воды, так как считали, что он, водясь с дьяволом, может легко уйти в воду, несмотря на цепи и строгую охрану.

Обвиняя в сношениях с нечистой силой, насаждая веру в дьявола и его подручных, духовное ведомство не только не боролось с народными суевериями, но всячески их поддерживало. В 1738 г. во время свирепствовавшей в Подолии моровой язвы жители села Гуманец по совету священника устроили крестный ход по полям, затем схватили крестьянина Михаила Матюковского и, обвинив его в чародействе, тут же на поле сожгли. При этой расправе присутствовал совершавший молебен священник. Он, однако, не помешал сжечь несчастного, а сказал: «Мое дело заботиться о душе, а о теле — ваше, жгите скорее»²⁰.

Ведовские процессы возникали на Западе - во Франции, Испании, Германии и во второй половине XVIII в. В Польше, где инквизиция существовала с XIV в. с правом суда и в русских областях, в 1793 г. сожгли в окрестностях Кракова 14 женщин за то, что они посредством чародейства будто бы вызывали болезни²¹. В России во второй половине XVIII в. не раз жгли людей по обвинению в сношении с нечистой силой. В 1758 г. управляющий крупным имением, принадлежавшем графу Тышкевичу, докладывал своему помещику, что им сожжено шесть «чаровниц». Соседний помещик также сжег крестьянку, обвинив ее в колдовстве. «Женщина созналась, — писал управляющий помещику, — и с великим отчаянием отправилась на тот свет»²².

В местечке Ярмолицах Подольской губернии в 1770 г. сожгли местного лекаря — крестьянина Иосифа Маропита, предварительно погрузив его в бочку со смолой²³.

Местное духовенство не только не боролось с суевериями подавленного гнетом народа, но, действуя по указке церковного начальства, поддерживало их и раздувало.

Еще в 1779 г. устюжский епископ доносил Синоду, что среди крестьян его епархии много колдунов, которые отвращают народ от православной церкви. Следствие над «колдунами» вел сам епископ. Не выдержав пыток, крестьяне повинились в том, что они отреклись от православия и имеют будто бы связь с чертом, и епископ отправил крестьян как важных преступников в Петербург²⁴. Как кончилось это обвинение, мы не знаем. Но Сенат, судивший крестьян, издал указ, запрещавший архиереям и другим представителям церкви принимать участие в процессах о чародействе и волшебстве. На практике это, однако, не соблюдалось. Духовенство по-прежнему насаждало среди крестьян веру в существование нечистой силы и разжигало вражду к лицам, пытавшимся лечить народными средствами.

Под влиянием реакционной деятельности духовенства расправа с чародеями и колдунами происходила даже во второй половине XIX в. Так, в декабре 1879 г. в деревне Врачево Новгородской губернии сожгли крестьянку Аграфену Игнатьевну за ее «колдовство», а летом 1885 г. в деревне Пересадовке Херсонской губернии такую же расправу учинили с тремя крестьянками, обвиненными в наступлении засухи²⁵.

Католическая церковь, совершившая своей инквизиционной деятельностью тягчайшее преступление перед человечеством, пытается оправдаться в том, что она организовала ведовские процессы и сожгла десятки тысяч человек.

Синод и представители православной церковной псевдонауки также пытались доказать непричастность православной церкви к мракобесным процессам против ведьм и чародеев. Они всячески подчеркивали свое якобы благотворное влияние на народ. Так, в 1896 г. вышла книга Я. Конторовича «Средневековые процессы о ведьмах», в которой автор, вскрыв историю средневековых ведовских процессов в Европе, утверждал, однако, что в России не было религиозных причин для преследования колдовства.

Попытки обелить инквизиционную деятельность православной церкви вызвали резкую отповедь В. Г. Короленко. «И у нас, — писал он в рецензии на книгу Конторовича, ... в церковных и светских уставах была почва для того же явления»²⁶.

Церковь и духовенство использовали ведовские процессы для того, чтобы держать народ в темноте и невежестве, чтобы отвлечь его от борьбы с эксплуатацией и феодальным гнетом.

1. Н. Сперанский. Ведьмы и колдовство. М., 1906, стр. 21. 28
2. «Православный собеседник», кн. IV, 1859, стр. 476-477.
3. Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, стр. 62-65.
4. ААЭ, т. I, № 359.
5. Ард. Попов. Суд и наказание за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904, стр. 95.
6. Н. Я. Новомбергский. Врачебное строительство в допетровской Руси. Томск, 1907, стр. 18.
7. Е. Петухов. Указ. соч., стр. 140.
8. А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. III. М., 1869, стр. 623.
9. Н. Я. Новомбергский. Указ. соч., стр. 27, 58.
10. Там же, стр. 55.
11. Там же, стр. 30.
12. О. Ф. Миллер. Инквизиторские вождедения ученого. — «Заря», кн. X, 1870, стр. 298. Автор дал уничтожающую отповедь профессору Московской духовной академии К. И. Невоструеву, который в 1870 г. в критическом обзоре книги Г. Хрущева об Иосифе Волоцком защищал необходимость применения жесточайших средств борьбы с противниками официальной

церкви, ссылаясь при этом на Священное писание и решения вселенских и поместных соборов.

13. Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре. М., 1957, стр. 23.
14. М. М. Персиц. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ В. Н. Татищева. — «Вопросы истории религии и атеизма» (ВИРА), т. 3, стр. 283.
15. Ард. Попов. Указ. соч., стр. 371.
16. См. В. Б. Антонович. Колдовство. СПб., 1877, стр. 17.
17. ПСЗ, т. VIII, № 5761.
18. В. Б. Антонович. Указ. соч., стр. 51.
19. Г. Есипов. Преступления против государства и общества. М., 1906, стр. 166.
20. И. Сельский. Ссылка в Сибирь замечательных лиц. — «Русское слово», № 8, 1861, стр. 4; В. Б. Антонович. Указ. соч., стр. 18.
21. В. Б. Антонович. Указ. соч., стр. 6.
22. Е. Петухов. Указ. соч., стр. 134.
23. В. Б. Антонович. Указ. соч., стр. 19.
24. С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила, т. 18. СПб., 1903, стр. 152.
25. Е. Петухов. Указ. соч., стр. 135.
26. В. Г. Короленко. Собрание сочинений, т. 9. М., 1955, стр. 325.

Глава III. Инквизиционные методы борьбы с расколом

Во второй половине XVII в. в Московском государстве возникло широкое религиозное движение, известное под именем раскола. Внешним поводом для этого движения была церковная реформа, предпринятая патриархом Никоном и вызвавшая резкое столкновение внутри православной церкви между защитниками реформы и ее противниками. На стороне противников реформы была значительная часть низшего духовенства, недовольного поборами со стороны церковной знати, ее жестокостью, а также усилением ее власти. Но основной причиной развития раскола была борьба крестьян и посадских людей против феодальной эксплуатации. Это была классовая борьба, принявшая религиозную окраску, чем и объясняется живучесть раскола, просуществовавшего, несмотря на гонения, много лет. Но раскольнические выступления были крайне неорганизованны, политическая и социальная программа их отличалась большой незрелостью. Раскольники старались затушевать классовые противоречия, на первое место выдвигались споры о вере, об обрядах. Раскольническая идеология, так же как и православная, играла сугубо реакционную роль в развитии классового самосознания народных масс, в развитии классовой борьбы.

Скрывавшаяся под религиозными спорами классовая борьба вызвала кровавые гонения против сторонников и защитников старой веры. Под лозунгом защиты «чистоты» православной церкви объединились все силы феодально-крепостнического государства, в том числе и церковь. Начало кровавого похода против раскольников как врагов государства и церкви было связано с именем патриарха Никона, который не останавливался перед суровыми мерами, чтобы задушить в самом начале новое антицерковное движение. Патриарх Никон, подобно своим предшественникам, был богатейшим феодалом и не стеснялся в средствах, когда шла речь об увеличении его вотчин и богатств. Современники говорили о Никоне, что он, как разбойник, грабил церкви и монастыри, захватывал вотчины бояр и служилых людей. Этому феодалу принадлежало свыше 25 тысяч крестьянских дворов. Крестьяне, жившие на патриарших землях, подвергались тягчайшей эксплуатации. Как отмечает один источник, Никон своих крестьян «тяжкими трудами умучил». Он беспощадно расправлялся также с неугодившими ему церковниками. За малейшие провинности их заключали в монастыри, отправляли в ссылку. Его называли «лютым волком», «жестоким истязателем».

Начав поход против сторонников старой веры, Никон подвергал пыткам наиболее активных представителей раскола. Им резали языки, руки и ноги, сжигали на кострах. При Никоне инквизиторские костры запылали во многих местах. Яркую картину кровавого террора, предпринятого Никоном и его приспешниками, дает, в частности, раскольническая литература. «Никон, — писал в своем послании расколуучитель Аввакум, — епископа Павла Коломенского

мучил и сжег в новгородских пределах; протопопа костромского Даниила уморил в земляной тюрьме в Астрахани; священнику Гавриилу в Нижнем приказал отрубить голову; старца Иону Казанца в Кольском остроге на пять частей рассекли; в Холмогорах сожгли Ивана Юродивого, в Боровске — священника Полиевкта и с ним 14 человек. В Нижнем сожгли народу много, в Казани 30 человек, а живущих на Волге в городах и селах и не хотевших принять антихристовой печати клали под меч тысячами. А со мной, — продолжал далее Аввакум, — сидело 60 человек и всех нас мучил и бил и проклинал и в тюрьме держал»¹.

Расколоучитель Андрей Денисов в «Повести о жизни Никона» сравнивает участь раскольников с участью первых христиан в Римской империи. Перечисляя орудия пыток — бичи, клещи, тряски, плахи, мечи, срубы, он упоминает и о железных хомутах — типичном орудии инквизиции: «Хомуты, притягивающие главу, руки и ноги в едино место, от которого злейшего мучительства по хребту лежащие кости по суставам сокрушаются, кровь же из уст, и из ушей и ноздрей и из очей течет»².

В другом раскольническом памятнике гонения против сторонников старой веры изображены так. «Везде бряцали цепи, везде вериги звенели, везде Никонову учению служили дыбы и хомуты. Везде в крови исповедников ежедневно омывались железо и бичи. И от такого насильственного лютого мучительства были залиты кровью все города, утопали в слезах села и города, покрывались плачем и стоном пустыни и дебри, и те, которые не могли вынести таких мук при нашествии мучителей с оружием и пушками, сжигались сами»³.

Повсеместное недовольство инквизиторской жестокостью Никона вынудило правительство (после низложения Никона в 1666 г.) расследовать деятельность этого опального патриарха. Царским указом предписывалось выяснить, кому Никон чинил наказание — «велел бить кнутом, и руки и ноги ломал, или пытал и казнями градскими казнил». Но «пытанных и казненных» было так много, что установить число пострадавших оказалось невозможно⁴.

Тем не менее кровавый террор над раскольниками как врагами церкви и феодально-крепостнического государства продолжался и был освящен церковным собором 1666/67 г., на который собрались виднейшие представители церкви. Собор во главе с патриархом, сменившим низложенного Никона, оправдал инквизиционные действия против раскольников и подвел под них теоретическое обоснование; противников церкви, ссылаясь на решения первых вселенских соборов, осудили на различные «томления», т.е. казни.

В соответствии с решениями этих соборов еретиков избивали воловьими жилами, им резали языки, руки, ноги, возили с позором по городу, а затем бросали в тюрьмы, где содержали до самой смерти. Ссылаясь на эти примеры, церковный собор требовал подвергнуть тяжким наказаниям и раскольников. Считая сторонников старой веры «хищными волками, на стадо Христово нападающими», и предавая их церковному проклятию, собор призывал светскую власть защищать интересы государства «крепкой десницей» и казнить раскольников смертью. «Православная церковь решила огнем да кнутом, да виселицей веру утвердить... Которые апостолы научили так? Не знаю», — писал Аввакум⁵.

Требования церковных иерархов были удовлетворены. Выработанная еще при Иосифе Волоцком теория инквизиции при помощи светского меча на церковном соборе 1667 г. получила дальнейшее развитие. Собором было принято решение о суровом наказании противников официальной церкви не только церковным, но и гражданским судом. Это решение беспощадно применялось и при подавлении крестьянского восстания 1667-1671 гг. под предводительством Степана Разина. Крестьянская война показала, что в выступлениях против официальной церкви часто скрывался социальный протест крестьянских масс против эксплуатации и феодального гнета. Церковные иерархи добивались, чтобы светская власть безоговорочно принимала к суду и розыску раскольников, которых ей посылали представители церкви. Они добились издания в 1672 г. указа об усилении репрессий по отношению к противникам официальной церкви.

Для борьбы с расколом в 1681 г. вновь созвали церковный собор во главе с патриархом Иоакимом. Этот собор решил казнить огнем первых расколоучителей и применить самые жестокие

меры к их последователям. Постановления собора стали послушно выполняться, и 1 апреля 1681 г. на площади в Пустозерске сожгли в срубе раскольнических учителей протопопа Аввакума, Лазаря, Епифания и Никифорова, томившихся в местной тюрьме. По настоянию патриарха Иоакима в 1684 г. сожгли видного расколуучителя Федора Михайлова.

Один из выдающихся раскольнических учителей Никита Пустосвят, как отмечает постановление церковного собора, был «главосечен и в блато ввержен, и псам брошен на съядение»⁶.

Царской грамотой 1682 г. «О повсеместном сыске и предании суду раскольников» епископы получили новые полномочия в борьбе с расколом⁷. В церковных застенках раскольников пытали, затем духовные власти выносили решения о суде над ними, и эти решения беспрекословно исполнялись светской властью.

Несмотря на церковные проклятия и огненные казни, число раскольников не только не уменьшалось, но быстро росло. На сторону раскольников переходили крестьяне и посадские люди, видя в новой идеологии одно из средств борьбы с социальным гнетом. В 1676 г. раскольников насчитывалось уже свыше ста тысяч. Только в Нижегородском крае при населении в 302 тысячи человек было 86 тысяч раскольников⁸. Из раскольнической литературы видно, что в расколе под религиозной оболочкой скрывался идеологический протест против феодально - крепостнической эксплуатации. Так, в одном раскольническом произведении говорится, что «закон градской вконец истреблен», вместо законов воцарилось беззаконие, что «лихоимцы» завладели всеми городами и что на местах господствуют «злые приставники»⁹.

О страшном терроре против раскола свидетельствует расправа с тремя псковскими раскольниками — Иваном Меркурьевым, Мартином Кузьминым и монастырским «бобылкой», т.е. крестьянином. Этим раскольников судил в 1683 г. псковский митрополичий приказ по распоряжению митрополита Маркелла. Их обвинили в «непристойных словах» против церкви, в «богохульном расколе» и распространении «писем», содержащих критику официальной церкви. Всех обвиняемых бросили в тюрьму Печерского монастыря, где жестоко пытали. Как сообщалось в «распросных речах», они были «на пытке распрашиваны и пытаны крепко и огнем и клещами жжены многажды и были им многие встряски»¹⁰.

Вырвав нужные признания и дав им еще по сто ударов плетью, инквизиторы отправили свои жертвы в застенки псковского воеводы Бориса Шереметьева, где по настоянию митрополита Маркелла их вновь пытали. Затем Ивана Меркурьева как главного зачинщика сожгли на костре, а пепел развеяли, чтобы «отнюдь знаков и костей не было». Мартина Кузьмина и монастырского бобылку отправили в Печерский монастырь для содержания «под крепким началом». Отобранные у них противоцерковные «письма и тетради» были сожжены¹¹.

В 1684 г. по доносу дьякона Ивана Григорьева в церковном суде разбиралось дело о раскольнике, Кольском стрельце Иване Самсонове. Его трехкратно пытали, а затем после наказания кнутом сожгли на костре. По настоянию патриарха Иоакима был издан царский указ, которым предписывалось усилить борьбу с «церковными противниками». Людей, обвиненных в «церковных противностях», предлагалось пытать и сжигать на костре, а менее виновных — после наказания кнутом содержать «с великим бережением» в монастырских тюрьмах, давая только хлеб и воду¹². Церковных противников сжигали не только на кострах, но и в раскаленных железных котлах. Так в 1669 г. были сожжены в железном котле раскольники Петр и Евдоким.

Не стерпя жестоких пыток, некоторые крестьяне - раскольники переходили в православие, но это не избавляло их от тяжелых наказаний. Так, в 1684 г. в новгородском духовном приказе производилось следствие о «воре - иконнике» Михайлове. Хотя под пытками он и отказался от исповедания раскола, его все же сожгли¹³. В 1671 г. повесили «умоверженного» самозванца Ивашку Клеопина за то, что он, как сказано в приговоре, «иконы и книги божественные бесчестил».

Для расправы с религиозным движением в 1685 г. был издан указ, известный под именем «12 статей о раскольниках». Этот указ санкционировал массовый террор под видом охраны «чистоты»

православия. Творцом указа был фанатик и злейший враг раскольников патриарх Иоаким, считавший делом своей жизни «искоренение злого плевела еретического вконец». Указ предписывал пытаться тех, кто не подчинялся официальной церкви и ее служителям, — не ходил, как требовалось, к исповеди, не посещал церковных служб, не пускал в свой дом священников для исполнения треб, кто своим враждебным отношением к церкви «чинил соблазн и мятеж». «Церковных противников» вновь предлагалось сжигать в срубе, а пепел их развеивать по ветру. Раскольников, раскаявшихся под пытками, предписывалось заключать в монастырские тюрьмы и держать пожизненно в строгом заточении. Имущество церковных мятежников — крестьянские дворы, лавки посадских людей, промысла — отбиралось, а поселения «сжигались без остатку»¹⁴.

На основании этого указа епархиальные архиереи организовали массовые облавы на раскольников, подвергая их пыткам и казням. Представителей церкви сопровождали офицеры и стрельцы. По настоянию духовных властей уничтожались деревни и села, где жили раскольники, их скиты и монастыри. В Каргополе инквизиторы сожгли Андрея Семиголова и «еще Андрея с братом»; на Чаранде сожгли кузнеца Афанасия с Озерец. Предварительно его пытали в трех застенках, ломали клещами ребра, выставили на долгое время на мороз и поливали водой¹⁵. По свидетельству иностранцев, только перед пасхой 1685 г. патриархом Иоакимом было сожжено в срубках около девяноста «церковных противников»¹⁶.

Пытки и казни усилили массовое бегство крестьян и посадских жителей. Они оставляли свои деревни и слободы, бежали на Дон, за Урал, за рубеж, где организовывали раскольничьи центры со своей хозяйственной жизнью. В эти центры устремились беглые «сходны», искавшие пристанища и работы. Для сыска беглых посылались карательные отряды во главе с представителями духовенства.

Не везде крестьяне безропотно переносили гонения. Нередко они с оружием в руках защищали свое добро, право молиться, как подсказывала им совесть. Новгородский митрополит Корнилий для сыска раскольников направил в Заонежскую область протопопа Льва Иванова со стрельцами. Этот отряд был крестьянами обстрелян. В Пудожской волости упорное сопротивление отряду стрельцов, посланному епископом Афанасием, оказали крестьяне - раскольники во главе со старцем Иосифом. Не подчинились раскольники и воинскому отряду, посланному по настоянию тобольского епископа Игнатия. Стародубского священника Якова Хончинского в 1677 г. крестьяне вытащили из алтаря и избили. Нападение на церкви и духовенство и «поругание» креста и икон носило массовый характер¹⁷.

Много раскольников было на Дону, куда бежали крестьяне, спасаясь от преследований, от феодального гнета и закабаления. Репрессии против них были организованы по настоянию патриарха Иоакима. Пойманных раскольников доставляли в патриарший приказ и подвергали пыткам. Стремясь очистить Дон от «еретиков», инквизиторы вырезали им языки «за противные ругательства церкви», вытягивали их клещами, предавали смертной казни, заключали в монастырские тюрьмы¹⁸. Верные Москве зажиточные казаки помогали царю и патриарху под видом борьбы с «церковными противниками» подавлять протест крестьян против гнета и кабалы. Агентами патриарха в 1688 г. был захвачен организатор выступления против Москвы донской атаман Самойло Лаврентьев. Его пытали в духовном приказе, а затем казнили в Москве вместе с раскольничьим попом Самойлой. В Черкасске сожгли попа - раскольника за то, что тот не молился богу за царя и вел агитацию среди раскольников против Москвы.

Борясь с расколом казнями и пытками, духовное ведомство прибегало также и к идеологическому воздействию на массы. По поручению московского патриарха Иоакима противников церкви подвергали проклятиям и анафеме. Духовные власти издавали специальную литературу, которая ставила своей целью посрамить врагов царя и церкви, вызвать к ним всеобщую ненависть и презрение. В 1667 г. был издан «Жезл правления», в 1682 г. «Цвет духовный», «Обличение неправды раскольнической», составленное тверским епископом Феофилактом Лопатинским, и др. В этой литературе раскольники назывались невеждами, еретиками, злодеями, их считали заслуживающими анафемы и казни.

Инквизиционные методы борьбы с еретиками в XVIII в. получили дальнейшее развитие. В «Статях о святительских судах», составленных в 1700 г. при Петре I по инициативе патриарха Адриана, вновь доказывалось право церкви на беспощадное уничтожение ее врагов. Следствие о «церковных мятежниках» вели патриарший приказ и епархиальные церковные суды, упорствующих отсылали в стрелецкий и другие приказы для «градского» наказания¹⁹. Идеологами и организаторами террора по отношению к раскольникам и другим противникам церкви были церковные иерархи. Филофей Лещинский, назначенный в 1702 г. сибирским митрополитом, рекомендовал Петру I истреблять церковных раскольников, а дома их разрушать до основания. Ближайший помощник Петра, нижегородский епископ Пителир в 1706г. подробно разработал программу по борьбе с антицерковным движением. Называя «церковных мятежников» государственными преступниками, которые «благодичию государственному не радуются», «на церковь вси злобою согласны», Пителир предлагал хватать их, наказывать смертью, а деревни уничтожать.

Петр I одобрил предложенные Пителиром меры борьбы с антицерковным движением. В 1718 г. им был издан указ о строгом преследовании раскольников, об оказании правительственными органами помощи церковным инквизиторам в их «равноапостольском деле», как назвал Петр кровавую расправу духовенства с врагами церкви. За неокказание такой помощи виновные карались смертью «без всякого милосердия» как враги святой церкви. Раскольнических «заводчиков» и учителей предписывалось подвергать жестокому наказанию и, вырезав ноздри, ссылать на галеры²⁰.

Пителир составил в 1718 г. особое руководство по борьбе с расколом, назвав его «Духовной пращицей». Этой книгой в течение многих лет пользовались представители церкви как незаменимым пособием для борьбы с еретиками и прочими врагами господствующей церкви. Под видом ответов на вопросы раскольников Пителир дал в «Духовной пращице» развернутую программу борьбы против раскола. И в «доношении» на имя Петра I и в своей «Пращице» Пителир доказывал право церкви на физическое уничтожение ее врагов. «В новой благодати, — писал он, — подобает наказанию и смерти предавать непокоряющихся восточной церкви». Он ссылался при этом на евангельские тексты и «творения» Иосифа Волоцкого, причем не гнушался и подлогом. Им использовалось, например, «Соборное деяние на еретика - армянина Мартина 1157 г.» для доказательства древности трехперстного знамения. Со старого пергамента были соскоблены прежние письма и написаны новые почерком XVIII в. Эту фальшивку показывали раскольникам, хотя подложность ее была установлена еще в 1722 г. старообрядческим начетчиком Андреем Денисовым.

Пителир не ограничился только теоретическим обоснованием необходимости физического уничтожения врагов церкви. Будучи нижегородским епископом, он организовал крестовый поход против раскольников, добываясь насильями и угрозами массового возвращения их в православие. В Нижегородском крае, где особенно чувствовался феодально-крепостнический гнет, отступников от официальной церкви было очень много — в 1718-1724 гг. их насчитывалось 122 тысячи. Пителир лично вел допросы раскольников с пристрастием, пытал их в архиерейской тюрьме, подвергал «градскому» наказанию с вырезыванием ноздрей. Таким образом, как хвалился Пителир, в православие было обращено свыше 68 тысяч человек. Спасаясь от гонений этого инквизитора, 12701 человек бежали, 1585 — не выдержали пыток и истязаний и умерли, 598 были сосланы и отправлены на каторгу²¹. По инициативе Пителира раскольничьи поселения, скиты и монастыри разорялись. Даже за рубежом раскольники не чувствовали себя в безопасности от свирепого инквизитора. В 1715 г. по его настоянию был разорен раскольнический центр Ветка, куда бежали из России раскольники, беглые «сходцы», спасаясь от преследований и в поисках работы. Так меч духовный, соединившись с мечом светским, беспощадно расправлялся с противниками официальной церкви. Этого жестокого инквизитора благодарная церковь незадолго до империалистической войны объявила «святым» и с большим торжеством организовала его «прославление», сфабриковав предварительно описание 260 «чудес», якобы совершившихся у его гроба.

Жестокий инквизитором был и новгородский архиепископ Феодосий Яновский, действовавший против раскольников вместе с Преображенским приказом и Тайной канцелярией. А местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский вслед за епископом Пителиром в своем

произведении «Камень веры» пытался теоретически обосновать необходимость жестоких гонений против «врагов» церкви, отмечая, что в народе часто бывают споры о вере — «пререкования и противословия». Осуждая тех, кто считал кровавый террор несовместимым с «кротостью церкви», он доказывал необходимость и «спасительность» смертной казни для церковных противников, ссылаясь при этом на опыт католической инквизиции. «Опыт показывает, — писал он, — что многие еретики, как донатисты, манахеи, альбигойцы и пр., оружием истреблялись»²². Он приводил также высказывания одного из столпов церкви — Августина о необходимости казнить еретиков. Подобно католическим инквизиторам Стефан доказывал, что церковь, предавая еретиков смерти, заботится прежде всего о спасении их души. «Если праведно убивать человекоубийц, злодеев, чародеев, — говорил он, — то тем более еретиков, которые паче разбойников душу убивают и в царстве мятеж всенародный творят»²³. Призывая церковных мятежников к покаянию, Стефан грозил им, что в случае отказа «церковь оружие свое очистит, лук свой напряжет и возбудит сердца властелинов на месть расколу... И тогда достойную месть лютой кончиной воспримите»²⁴.

Инквизиторской жестокостью по отношению к противникам государственной церкви проникнут и «Духовный регламент», составленный архиепископом Феофаном Прокоповичем и утвержденный Петром в 1720 г. Людей, порвавших с официальной церковью, Духовный регламент называет «лютыми неприятелями, государству и государю непрестанно зломыслящими». Для борьбы с раскольниками регламент также предписывал наказывать их смертью и разорением их жилищ. Он мобилизовал для этого не только служителей культа, но и все население, обязывая всех доносить на раскольников церкви. За доносы «доводчикам» было обещано вознаграждение. Регламент считал, что лучшее средство распознать раскольников — это церковное причастие. За нехождение к исповеди и причастию назначались штрафы. Для раскольников ввели особое платье, которое должно было посрамить их в глазах народа. Особые штрафы назначены были за ношение бороды: раскольники считали бороду существенным признаком «истинного» православия.

Феофан создал также особый институт духовных инквизиторов, которые должны были «с прилежнотщательным радением» следить за деятельностью епархиальных архиереев по борьбе с расколом. Первым протоинквизитором был назначен игумен московского Данилова монастыря Пафнутий. С 1721 г. дела об антицерковных выступлениях велись непосредственно и во вновь организованном Синоде — высшем органе по управлению делами православной церкви. Если требовался допрос «с пристрастием», то обвиняемых посылали в Сыскной приказ. На основании утвержденных в 1722 г. «Докладных пунктов Синода» Сыскной приказ обязан был оказывать Синоду помощь в его борьбе с церковными противниками. Так, Синод отправил в 1743 г. в Сыскной приказ крестьянина села Покровского Полуекта Никитина, обвинив его в том, что он-де «злейший враг церкви и благочестия противник». Несмотря на преклонный возраст Никитина (ему было 70 лет), его подвергли пыткам — подняли на дыбу и били кнутом. Никитин умер под пытками, не раскаявшись в том, в чем обвиняли его духовные власти. Таким же пыткам подвергли крестьянина Павла Сахарова, который во время насильственного причастия выплюнул «святые дары». Его отослали в «крепких кандалах» в московский Высокопетровский монастырь, дважды пытали, а затем за «богохульство и противность» приговорили к сожжению.

Раскольников, бежавших в Сибирь, ловили и отправляли на вечную каторгу в Рогервик (порт на берегу Балтийского моря), раскольничьи поселения, монастыри и скиты громили, «дабы и след того места не знаем был». Мощи, чтимые раскольниками, и могильные памятники раскольнических учителей истреблялись.

В 1722 г. Синод направил в Выговскую пустынь монаха Неофита для расправы с раскольниками. Другой представитель Синода, монах Иосиф Решилов разгромил стародубских раскольников на Украине. Даже представители светской власти называли монаха Решилова развратником, хищником, наглым проходимцем и грабителем Стародубского края. Представители Синода обладали большими полномочиями и наводили ужас на население. За укрывательство и защиту раскольников синодальные инквизиторы наказывали как «за противность власти». Жестокая расправа Решилова с крестьянами была причиной крестьянских восстаний. Поэтому Сенат хотел пресечь деятельность этого инквизитора, но Синод не дал его в обиду²⁵. Большой воинский отряд в 1735 г. перешел польскую границу и вторично разгромил крупнейшее раскольничье поселение

Ветку. Были сожжены дома ветковских крестьян, монастырские постройки, церковь. Инквизиторы захватили свыше 13 тысяч раскольников и отправили их в глубь России. Раскольнический учитель Варлаам был заключен под крепким караулом в нижегородский Печерский монастырь, чтобы он как сказано в решении, не мог «рассеять плевелы своего учения».

В синодальной канцелярии содержали раскольников в таких условиях, что многие из них не выдерживали тяжести заключения, болели и умирали. Чтобы разгрузить свою тюрьму, Синод в январе 1732 г. велел 173 заключенных синодальной канцелярии разослать по монастырям для содержания «в цепях и железах и в трудах монастырских неисходно».

Полномочия церковных властей по борьбе с расколом все расширялись. При епископах были организованы особые мирские суды по раскольническим делам, следствие по этим делам велось в Приказе церковных дел. По настоянию Синода раскольнические дела были причислены к «злодейственным», «понеже, — как сказано в указе, — раскольничья прелесть упрямства наполненная, правоверию противна и злодейственна»²⁷.

Особо важные дела рассматривались в Канцелярии тайных розыскных дел, но и тут на допросы и пытки являлись представители Синода. Так, в декабре 1720 г. Тайная канцелярия вела следствие о раскольнике Якове Семенове. Присутствовавший при допросах архимандрит Александро - Невского монастыря Феодосий предложил Семенова нещадно бить кнутом и, сослав в Соловецкий монастырь, держать в земляной тюрьме «до кончины жизни неисходно». Так и было сделано. В распоряжение Синода для борьбы с раскольниками предоставлялись воинские отряды. Кроме того, повсеместно рассылались синодские указы о выделении в распоряжение епархиальных властей воинских команд.

Для усиления борьбы с церковными противниками Синод издал в 1721 г. особые «Пункты для вразумления раскольников», составленные архимандритом Заиконоспасского монастыря Феофилактом Лопатинским и архимандритом Златоустовского монастыря Антонием. В этих «пунктах» вновь была сделана ссылка на постановления Кормчей книги об еретиках и на необходимость их наказания по «градским» законам. Синод ссылался также на постановления церковного собора 1666/67 г. и на Уложение 1649 г. Гражданской власти оставалось только выполнять решения Синода о наказании еретиков.

При Синоде была организована в 1723 г. особая розыскная раскольническая канцелярия, во главе которой стояли инквизиторы — тверской архиепископ Феофилакт Лопатинский и иеромонах Афанасий Кондоиди. По данным Синода, из 190 тысяч записавшихся в раскол с 1716 по 1737 г. обращено в православие, бежало, сослано на каторгу и умерло в результате гонений 111 тысяч²⁸. Феофилакт составил особое руководство для церковников — «Обличение неправды раскольнической». В нем раскольники именовались «злокозненными и деревенскими мужиками».

В 1745 г. «Обличение» дополнил известный ростовский митрополит Арсений Мацеевич. И он не жалел бранных слов по адресу раскольников, называя их «сатановерами», «хищными волками, душепогубительными бесами». Приводя примеры из Ветхого и Нового заветов, а также из церковной истории, Арсений доказывал право церкви на физическое уничтожение ее врагов. «Учение Христа, — говорил он, — дает к тому достаточно оснований»²⁹. И сожжение раскольников как врагов церкви в этот период было далеко не редким явлением.

Раскольника старца Варлаама обвинили в том, что он произносил хулу на бога и на иконы. У него вырвали язык, а затем сожгли. Сожгли живым и Матвея Николаева за его «великий раскол». Раскольник Денис Лукьянов умер под пытками, а после смерти тело его было сожжено³⁰. Крестьянин Павел Сахаров во время насильственного причастия выплюнул дары, которые принимаются при этом. Его отослали в «крепких кандалах» в московский Высокопетровский монастырь, где дважды пытали, затем за богохульство приговорили к сожжению. К смертной казни сожжением приговорили в 1752 г. дворцового коменданта Якова Куприянова, обвиненного в богохульстве. Иностранец Берхгольц, оставивший интересный дневник о своем пребывании в России, подробно рассказывает, как сжигали людей за богохульство. По его словам, в 1718 г. в Петербурге сожгли заживо человека, который сказал, что почитание икон является

идолопоклонством, и который во время совершения церковной службы выбил икону из рук епископа. «Осужденного, — писал Берхгольц, — поставили на костер, сложенный из разных горючих веществ, и железными цепями привязали к устроенному на нем столбу с поперечной на правой стороне планкой, к которой прикрепили толстой железной проволокой и потом плотно намоленным холстом руку, служившую орудием преступления. Сперва зажгли одну эту правую руку и дали ей одной гореть до тех пор, пока огонь не стал захватывать далее, а князь кесарь вместе с прочими вельможами не приказал поджечь костер. При таком страшном мучении преступник не испустил ни одного крика и оставался с совершенно спокойным лицом, хотя рука его горела минут семь или восемь, пока, наконец, не зажгли всего возвышения. Он неустрашимо смотрел все это время на пылавшую свою руку и только тогда отвернулся в другую сторону, когда дым уже очень стал есть ему глаза и у него начали гореть волосы»³¹. Рассказ очевидца — лучшее свидетельство беспощадного отношения к лицам, выступавшим против церкви и ее обрядов.

По инициативе духовных властей проводились также массовые процессы против участников антицерковных движений. Таково было, например, дело «о богопротивных сборищах и действиях», возникшее в 1733 г. и законченное лишь в 1739 г. Странники этого движения искали средства для избавления от гнета и улучшения своего существования в мистическом движении.

По этому делу привлекли в качестве обвиняемых 303 человека. Хотя следствие велось в Тайной канцелярии, душой процесса были члены Синода: архиепископ Феофан Прокопович, епископы Пителир и Леонид Сарский. Феофан руководил допросом обвиняемых, читал и сличал их показания, сводил подсудимых на очные ставки. Допросы при помощи «пытки и огня» велись в его присутствии. Следствие над группой раскольников, привлеченных по этому делу и живших в Москве, вели архимандриты московских монастырей Кирилл и Евсевий. Непосредственное участие в следствии принимал также Синод. Ему представлялись подробные донесения о следствии, «экстракты» из расспросных речей. Синод оказывал давление на членов следственной комиссии, добиваясь осуждения всех привлеченных по этому делу лиц. Послушная следственная комиссия, где главенствовали церковные иерархи, осудила пятерых на смерть, 11 человек были наказаны кнутом, им вырвали языки и сослали на каторжную работу; 225 «виновных» били кнутом и сослали на каторгу; более 60 человек после наказания плетью заточили в монастырь³².

В 1745 г. возникло новое дело, по которому было привлечено 446 обвиняемых. Следствие продолжалось 12 лет и закончилось лишь в 1757 г. Участники этого антицерковного движения в своих религиозных исканиях отразили глубокую ненависть к крепостному строю. Вместе с тем в нем выявилось и неумение крестьян найти средство борьбы с эксплуататорами. Проповедуемое участниками этого движения смирение и уход от жизни лишь уводило их в сторону от классовой борьбы. И на этот раз в следственной комиссии активную роль играли Синод и его представители: ректор Славяно-греко-латинской академии архимандрит Порфирий Крапский, священник московского Архангельского собора Иван Иванов, протопоп Петропавловского собора Михаил Слонимский и ключарь Василий Баранович. Следствие велось в московском Спасо-Андрониевом монастыре, где размещена была следственная комиссия, а заключенных держали в особом здании, вблизи монастыря.

Сенат мало вмешивался в дела следственной комиссии, зато Синод принимал в ней большое участие. Синод составлял вопросные пункты для ведения следствия, посылал своим представителям инструкции, направлял следствие в желательном для него духе, получал следственные материалы и «экстракты» из них. Следуя инструкциям Синода, духовные следователи допытывались, кто принимал участие в распространении этого антицерковного движения, и привлекали к следствию все новых и новых людей. В распоряжении следственной комиссии были заплечные мастера. Пытки, «встряски», битье кнутом не прекращались. Наконец следствие закончилось, и комиссия приступила к составлению приговора. Члены комиссии — представители Синода — добились суровой кары: пятерых приговорили к публичному сожжению²⁶, — к другим видам смертной казни, остальных — к наказанию кнутом и плетью, ссылке в каторжные работы и отдаче в солдаты. Приговор поступил на утверждение Сената, который заменил смертную казнь наказанием кнутом и ссылкой в каторжные работы. По отношению к остальным участникам этого антицерковного движения приговор был утвержден без всяких изменений.

В 1769 г. возникло новое дело об антицерковном движении в Тамбовской и Воронежской губерниях, по которому допрашивались 232 человека. Следствие велось так же, как и в предыдущих процессах, руководили им представители духовного ведомства. И опять многие участники движения были обречены на смерть. Сенат заменил смертную казнь ссылкой в каторжные работы и военную службу, остальных приговорили к разным наказаниям. Имущество приговоренных было конфисковано, а дети отданы в военные школы.

Массовые преследования раскольников и других противников церкви вели и местные духовные власти. В 1761 г. Тобольская духовная консистория арестовала и держала под крепким караулом 29 человек, обвиняя их в том, что они «православной церкви противники». Тобольская раскольническая контора грабила и разоряла работных людей и крестьян Исетского округа, сажала их в тюрьмы, что приводило даже к расстройству работы на казенных заводах. Сенат был вынужден смирить усердие духовных властей. Он указал консистории, что она ведет себя «весьма неприлично». Учитывая тревожное время и массовые крестьянские волнения, Сенат советовал консистории и архиерею держать крестьян и работных людей «в покое и тишине»³³.

Нелегко приходилось и тем противникам официальной церкви, которым смертная казнь заменялась другим наказанием. Это наказание нередко было горше смерти. Например, Ивана Яковлева в 1753 г. за его «злодейственные богопротивные вины» нещадно били кнутом и, вырезав ноздри, сослали в ручных и ножных кандалах в тюрьму Соловецкого монастыря. В случае произнесения «непристойных слов» монастырские тюремщики обязаны были вкладывать ему в рот кляп³⁴. Крестьянина костромских вотчин князя Куракина Дмитрия Белова за непринятие им икон и отказ посещать церковь подвергли в 1751 г. трехкратной пытке и сослали в Рогервик в каторжные работы навечно³⁵. За отказ признавать святых и неверие в чудеса хотели сжечь в 1762 г. крестьянина села Большое Мартово Нижегородского уезда Петра Гаврилова, следствие над ним производила Астраханская духовная консистория. Смертную казнь ему заменили наказанием кнутом и ссылкой на Нерчинскую каторгу³⁶.

Поддерживая официальную церковь, правительство беспощадно расправлялось с теми, кто выступал против нее, кто добивался свободы совести. В 1721 г. по случаю окончания Северной войны и заключения мира со Швецией была объявлена амнистия по всем преступлениям, но по настоянию Синода осужденных за выступления против церкви не амнистировали.

Террор церкви по отношению к церковным противникам наносил немалый ущерб интересам государства. Тысячи раскольников и других «врагов церкви» томились в тюрьмах, предавались смерти. Спасаясь от преследований, они покидали заводы и села. Помещики и заводчики пытались добиться смягчения террора, но наталкивались на сопротивление Синода и его представителей. Управляющий Олонекскими заводами де Геннин писал Петру I, что он опасается от новгородского архиерея Иова «погубления». Он просил освободить от заточения мастера Семена Денисова, «годного в сыске руд и радетеля в заводской работе», а также прекратить преследования заводских людей — раскольников «во избежание остановки» завода. Но ходатайство де Геннина не было удовлетворено — террор продолжался³⁷.

В 1763 г. возник вопрос о предоставлении некоторых льгот раскольникам, бежавшим за рубеж, чтобы побудить их вернуться на родину, однако группа влиятельных архиереев во главе с петербургским митрополитом Гавриилом и крутицким епископом Амвросием предостерегала правительство о губительности для церкви послабления в области религиозной свободы. Напомнив, что в России было принято «разноверцев всячески истреблять», эти иерархи старались запугать правительство, что от послабления раскольникам «церковь может разодраться на двое»³⁸. В Уложенной комиссии 1767 г. церковники продолжали настаивать на применении суровой казни к раскольникам и разорении их жилищ и церквей³⁹.

Одним из следствий кровавого террора по отношению к раскольникам было их самосожжение, принявшее большие размеры в XVII-XVIII ее. Самосожжение часто объясняется причинами мистического характера, проповедью, будто «мир во зле лежит», верой в пришествие царства антихриста, желанием очиститься от следов злого царства, совершить искупительную жертву огнем.

Эта же идея легла в основу замечательной картины художника Г. Г. Мясоедова «Самосожигатели», в которой с большой силой изображена толпа раскольников вместе с женами и детьми, мечущихся в пламени, а среди них суровый старец — виновник самосожжения. Такой взгляд на самосожжение давал церковным писателям повод говорить о том, что самосожжение - результат деятельности особой секты, считавшей самосожжение необходимым условием духовного спасения. Это, однако, неправильно. Самосожжение, особенно в начале его распространения, не было догматом какой-нибудь секты, в нем проявлялось крайнее отчаяние людей, затравленных беспощадным преследованием со стороны правительства и церкви.

Одно из первых массовых самосожжений раскольников произошло в 1676 г. в Пошехонской волости Белосельского уезда. Здесь сожглись «очарованные волшебством от раскольниковых учителей» 1920 человек. В 1679 г. на реке Березовке в Тобольском крае по инициативе раскольникового чернеца Иванища и попа Домициана сожглось около 1700 раскольников. Жалуясь на притеснение духовных властей и приказных людей, крестьяне писали, что священники держат их без одежды на морозе и что если их не избавят от разорения, то они готовы «в огне сгореть»⁴⁰. В 1683 г. розыск раскольников в селе Федове Новгородского края производил монастырский старец строитель Рафаил «нещадным битием, пытками и казнями смертными». Розыск привел к великому разорению крестьян. Помещик князь Долгоруков считал, что Рафаил мстил крестьянам за отказ давать ему деньги по его требованию. В 1687 г. массовое самосожжение было в местечке Березово Олонецкого уезда. До тысячи раскольников, видя «лютую нападение, суровое свирепство и звериную наглость» инквизиторов, предали себя огню. Инквизиторы хотели взять раскольников живыми и отправить к епископу на мучение, но они предпочли смерть от огня⁴¹. Церковь и правительство жестоко расправлялись с людьми, считавшимися организаторами сопротивления раскольников. Их подвергали трехкратному допросу под пыткой, затем сжигали в срубе, а пепел развеивали.

О массовом самосожжении раскольников под влиянием гонений свидетельствует сводный старообрядческий «синодик»; только за 1667-1700 гг. этой мучительной казни предали себя 8834 человека⁴². О самосожжении как результате отчаяния подвергавшихся гонениям людей повествует и старообрядческий стих того времени об антихристе. Стих призывал раскольников не сдаваться «духу нечистому — злему антихристу» и предпочесть смерть отказу от старой веры, обещая за это царство небесное:

Не сдавайтесь вы, мои светы, Тому змию седмиглаву. Вы бегите в горы, вертепы. Вы поставьте там костры большие, Положите в них серы горячей, Свои тела вы сожгите⁴³.

В XVIII в. самосожжение, хотя и не в таких больших размерах, продолжалось. Это была крайняя форма социального протеста против феодально-крепостнического гнета, для подавления которого правительство посылало воинские команды с участием представителей церкви. Так, тобольский митрополит Антоний в 1722 г. уговаривал раскольников Абацкой слободы «отдать кесарю кесарево», т.е. платить исправно подати, но раскольники отказались повиноваться увещаниям митрополита. Его посланцев они предупреждали: «Аще вы нас погоните, мы в руки живы не дадимся, бересты и смолы и дрова и солома и пороху с пуд приготовлено»⁴⁴. По тем же причинам сожгли себя в 1732 г. 210 раскольников около Олонца. В том же году решили подвергнуть себя сожжению крестьяне - раскольники деревень на реке Вышме Тобольской губернии. Тобольский митрополит Антоний выслал для «увещания» воинскую команду с соборным протопопом Иваном Соболевым и иеродиаконном Иоанникием Павлоцким. Но крестьяне, зная, что за увещаниями последуют пытки и казни, предпочли сжечь себя. В огне сгорело свыше двухсот человек.

Много зла причинил исетским раскольникам челябинский протоиерей Флоринский, жестоко преследовавший раскольников и разорявший их хозяйства. Раскольники, не желавшие отказаться от своей веры, по требованию Флоринского были отправлены в 1751 г. в кандалах в Тобольск. Боясь преследований, они притворно отказались от своей веры, и им разрешили вернуться на родину. Не видя возможности исповедовать свою веру и страшась новых гонений, они решили себя сжечь. В огне сгорело 64 человека⁴⁵. Исетская канцелярия, опасавшаяся разорения работных людей и остановки заводов, запретила высылать раскольников по требованию духовного начальства на допросы, что вызвало с его стороны энергичный протест. В Ялуторовске карательную экспедицию

против раскольников возглавлял протопоп Калиновский. Его действия вызвали массовые жалобы крестьян. Они заявляли, что сожгут себя, если их не избавят от этого инквизитора. Жестокие преследования терпели крестьяне - раскольники от наместника Далматова монастыря Митрофана, челябинского заказчика попа Петра Словинского, настоятеля тюменского Троицкого монастыря архимандрита Иосифа и игумена Троицкого Рафаиловского монастыря Александра. Эти преследования вызвали ряд самоожжений.

Массовое самоожжение возникло в 1756 г. в деревне Мальцево Чаусского острога Томской провинции. Крестьяне, окруженные воинским отрядом и священниками, жалуясь на свое разорение, требовали отмены поборов в пользу духовенства, а также смены заводского начальства, которое замучило их на казенных работах. Отряд пытался захватить крестьян силой, но они оказали вооруженное сопротивление. Видя, что сопротивление безнадежно, они сожгли себя⁴⁶. Причиной самоожжения нередко были тяжелые условия труда на казенных заводах. Например, крестьяне Колыванских заводов в 1742 г. жаловались, что работать им очень «натужно». Отказавшись от работ, крестьяне заперлись в избе, вооружившись ножами и ружьями. Воинский отряд, сопровождаемый попом - заказчиком, пытался взять крестьян силой, но они подожгли избу и сгорели⁴⁷.

Немало случаев самоожжения отмечено в начале 60-х годов XVIII в., когда на местах, при духовных консисториях, были организованы раскольнические конторы, имевшие большие полномочия по борьбе с противниками господствующей церкви. Такова была, например, Екатеринбургская раскольничья контора. Подвизавшиеся в этой конторе представители церкви называли себя «крепкими воинами Христа бога нашего». Эти «воины» хватили раскольников на рынках, в деревнях и рабочих поселках, бросали их в тюрьмы, где держали скованными по рукам и ногам, вели допросы с «пристрастием», т.е. подвергали пыткам, безжалостно избивали их детей. Если такие меры по «увещеванию» раскольников не приводили к желательным результатам, раскольников отправляли из Екатеринбурга в Тобольск. Здесь, в консисторской тюрьме, несчастных вновь подвергали пыткам и истязаниям, вынуждая принять православие. На родину они могли вернуться только в том случае, если отрекались от старой веры.

Как пример инквизиторской деятельности церковников приведем деятельность «судящего» попа Юрьеveckого духовного правления Ивана Сокольского. Имея поручение Раскольничьей конторы «сыскать» раскольников в дворцовой Рыбковской волости, судящий поп явился в 1760 г. в волость в сопровождении церковников, вооруженных ружьями и дрекольем, и, захватив раскольника Лаврентия Леонтьева, бил его «смертным боем». Поп Сокольский грозил замучить раскольника до смерти, если тот не выдаст своих единоверцев, живших в окрестных селах. В деревне Шубной поп Сокольский «мучительно» бил «до великой крови» старуху - раскольницу Марфу Васильеву, вследствие чего, как было отмечено при ее освидетельствовании, она к «жизни была безнадежна». В деревне Каменное судящий поп захватил 16 раскольников и велел разложить «необычные и великие огни», угрожая им смертью.

Бесчеловечные поступки духовных властей, разорявших жилища и хозяйства крестьян и подвергавших их мучительным наказаниям, вызвали волну жалоб и протестов. Крестьяне писали о своих мучителях, что те «во всем жестоки, гневны, наглы, люты, яры, страшны, ненавистны, мерзки». Когда в 1761 г. сожглись 150 раскольников - заводских людей деревни Кузино Исетского округа Оренбургской губернии, правительственная комиссия была вынуждена признать, что причиной самоожжения были «непорядочные поступки» духовной консистории и разорения, чинимые священниками и командой⁴⁸.

На попа Сокольского и других представителей церкви, беспощадно расправлявшихся с крестьянами - раскольниками, жаловались также дворцовые власти, так как бегство и разорение крестьян подрывало дворцовое хозяйство. Эти жалобы, однако, успеха не имели⁴⁹. Церковниками недовольны были также заводчики и управители казенных заводов. Они писали, что в результате преследований работные люди оставляли заводы, что заводские работы во многих местах останавливались и что казна терпит из-за этого большие убытки. Но бороться с церковными инквизиторами было трудно. «Убытки души больше всех убытков», обычно отвечали они.

Правительство не только не осуждало духовные власти за бесчеловечную расправу с раскольниками, но защищало их от нападков светских властей. А для борьбы с самосожжением оно установило для их участников политическую смерть: самосожигателей, не сгоревших на кострах, клали на плаху, объявляли им смертный приговор, а затем, подняв с плахи, посылали в каторжные работы.

Самосожжения происходили также под влиянием агитации расколоучителей. Восхваляя самосожжение как искупительную жертву, как «новое крещение в огне», они старались уверить обманутых ими крестьян, что самосожжение является богоугодным делом, обещая за это царство небесное и райское блаженство. Сами же расколоучители, проповедуя вечную славу от «самоубийственных смертей», предпочитали спастись от огня. В 1687 г. в скитах на реке Печенке Тюменского уезда по наущению старцев на глазах ратных людей сожглось до трехсот крестьян, старцы же, организовавшие сожжение, «выметались из окон»⁵⁰. Организатор «гари» в Палеостровском монастыре Емельян Иванов сам не сгорел, а, захватив монастырскую казну, бежал. В 1745 г. сожжение раскольников в местечке Лебеяны Каргопольского уезда организовал поп Ефим Иванов; сам же от огня скрылся. Под влиянием агитации расколоучителя Даниила Санникова в 1751 г. сгорело 70 крестьян деревни Гусевой Тюменского ведомства. Санников исчез, а затем появился в других местах, где также вел агитацию среди крестьян за сожжение.

Не всегда раскольники, крестьяне и работные люди пассивно относились к «грабительству» и «разорению», которые чинили им представители церкви. Они оказывали им часто активное сопротивление. В 1687 г. крестьяне - раскольники, вооруженные ружьями и дрекольем и имевшие даже пушки, захватили Палеостровский монастырь в Челмужском погосте Олонецкого края, уничтожили церковную утварь, монастырские жалованные грамоты и купчие крепости, а игумена Феодосия с десятью монахами связали и бросили в погреб. Для освобождения монастыря был снаряжен большой воинский отряд во главе с протопопом. Восставшие крестьяне держали монастырь в осаде в течение шести недель. После отчаянного сопротивления осажденные решили сжечь себя и монастырь. В огне сгорело около 2700 человек. В 1689 г. крестьяне - раскольники вновь захватили Палеостровский монастырь, на этот раз они владели им около девяти недель. Оказав воинскому отряду отчаянное сопротивление, во время которого было убито и ранено свыше 50 человек, крестьяне вторично подожгли монастырь, а себя предали сожжению⁵¹. В 1693 г. раскольники захватили церковь Пудожского погоста, изгнали священников и разграбили утварь. Для наказания восставших царский воевода Стрешнев послал воинскую команду с духовенством. Команде было велено сжечь крестьянские дома, а их самих отправить в тюрьму. Уйдя от отряда в деревню Строкино, крестьяне - раскольники заперлись в четырех избах и после отчаянного сопротивления предали себя сожжению, понося церковь и духовенство, называя церковь «вертепом разбойников», а священников — «волками врата ада».

Ожесточенное сопротивление царским войскам оказали в 1738 г. крестьяне -раскольники деревни Шадрино Тобольской провинции. Они превратили свою деревню в настоящую крепость и яростно сопротивлялись воинской команде, во главе которой стоял воевода Шапошников. Видя свое бессилие в борьбе с царскими войсками, раскольники затем сожглись (в огне погибло более трехсот человек). В деревне Шарташской около Екатеринбурга в июне 1761 г. 200 крестьян - раскольников встретили ножами, дубьем и кольем священников, отправившихся для борьбы с расколом, и хотели их убить. Церковников с трудом спасла воинская команда.

В результате жестокой расправы духовного ведомства с раскольниками в течение XVIII в. было сожжено 1733 человека, а всего самосожжению подвергло себя 10567 человек⁵². Многие крестьяне - раскольники бросали свои дома и бежали в глухие места, куда не доходили еще церковные заказчики, а также за границу - в Польшу и Литву. Бегство крестьян и работных людей наносило серьезный ущерб помещикам и заводчикам. Правительство было вынуждено принять некоторые меры против расправы духовных властей с работными людьми. В 1761 г. особым сенатским указом духовным командам был запрещен въезд в заводские поселки, а гражданским властям предписывалось не оказывать больше духовным командам содействия в розыске раскольников. Екатеринбургская раскольническая контора была переведена в Тобольск, где духовные власти продолжали свою деятельность по борьбе с расколом. И все это делалось во имя торжества православия, для подавления свободы совести.

В феврале 1762 г. Раскольническая контора была закрыта, однако преследования раскольников не прекратились. После ликвидации Раскольнической конторы самосожжение перестало быть массовым явлением, однако в отдельных случаях оно продолжалось. И в этих случаях самосожжение было часто ответом на притеснения, которые чинились по отношению к раскольникам царскими чиновниками и духовными властями. В 1764 г. в деревню Любачи Новгородской губернии прибыла воинская команда во главе с монастырским игуменом. Они потребовали от крестьян, чтобы те перешли в православие. Крестьяне сопротивлялись команде в течение двух месяцев, а затем предали себя огню. В 1771 г., как сообщил ростовский епископ Афанасий, в Островском лесу Пошехоновского уезда сожглось 14 раскольников, а в 1787 г. 53 раскольника — взрослых и детей — нашли смерть в озере Сазыкуль Екатеринбургской губернии⁵³.

Отдельные случаи самосожжения наблюдались и в XIX в. Так, в 1812 г. на юге России крестьяне хутора Костенки в виде протеста против царской власти сожгли себя в пещере. В 1860 г. в Олонецкой губернии в срубе сгорело 15 человек, а в конце 1896 г. близ Тирасполя в Терновских плавнях Федор Ковалев заживо закопал 25 человек «ради их спасения и избавления от власти антихриста».

Суровые преследования раскольников осуждались прогрессивными деятелями того времени. Они писали, что «духовенство... исполнилось гордыней, вооружилось ненавистью и гневом, что оно свирепствует над народом, заставляет его идти в ссылку и даже на смерть». Даже некоторые представители духовенства вынуждены были признать, что безмерная строгость церковников, подвергавшая народ унижению, бесчестию, потере имущества, жен и детей, а часто и жизни, вызывала ненависть к духовенству и сопротивление⁵⁴.

Несмотря на сопротивление со стороны церкви, массовый террор к раскольникам стал ослабевать. К этому времени раскол перестал быть оппозиционным течением и в значительной степени утратил характер социального протеста против феодально - крепостнической эксплуатации. Идейное руководство расколом перешло в руки зажиточных элементов. Раскол превратился в одну из форм церковной организации, которой вершили эти зажиточные элементы. Несмотря на протесты духовенства, правительство было вынуждено ликвидировать Раскольническую контору и отпустить содержащихся в тюрьмах раскольников, освободить их от уплаты двойного подушного оклада. Это не мешало, впрочем, вновь возбуждать против людей, не желавших подчиниться господствующей церкви, жестокие преследования. Так, в августе 1799 г. в Новороссийской губернии около 30 духовоборов были сосланы в Екатеринбург навечно в каторжную работу. Их велели содержать скованными и использовать на наитягчайших работах, чтобы они, как сказано в синодском указе, «отвергающие вышнюю власть на земле, восчувствовали, что есть на земле эта власть»⁵⁵.

В начале XIX в. раскольников насчитывалось более миллиона. Правительство было вынуждено считаться с этим и предоставить раскольникам некоторые гражданские права и, по крайней мере формально, даже право исповедовать свою веру. Гонения на раскольников, однако, не прекратились. Защищая привилегии господствующей церкви, правительство запрещало «внешнее оказательство раскола», т.е. его открытое исповедание, рассматривая это как «нарушение общего благочиния и порядка». Представители церкви зорко следили за теми, кто отказывался от исповеди и причастия по религиозным соображениям. Борьбу с расколом вели мерами полицейского порядка. Гражданские власти обязаны были содействовать православной церкви в охранении ее господствующего положения и «незыблемости самой веры». С этой целью запечатывались раскольнические часовни, уничтожались чтимые раскольниками мощи, преследовались собрания верующих как «публичное оказательство раскола»⁵⁶. Во многих губерниях были организованы особые секретные комитеты по делам раскольников. Эти комитеты продолжали борьбу с расколом, стремясь его искоренить или хотя бы ограничить. Такой же секретный комитет был создан и при Синоде. Раскольников продолжали ссылать в отдаленные места, разлучали с семьями, разрушали их хозяйства. Солдат, перешедших из православия в раскол, судили военным судом и подвергали тяжким наказаниям. Так, в 1844 г. севастопольский военный суд судил 20 солдат за отход от православия. Часть солдат забили до смерти шпицрутенами, прогнав через строй в 500 человек, остальных пороли розгами⁵⁷.

Раскольники и сектанты считались неполноценными гражданами. Им запрещалось в некоторых губерниях владеть землей, не разрешалось открывать школы и учить детей грамоте, они не принимались на государственную службу, им ставились ограничения при прохождении военной службы, у них отбирали детей и, под предлогом воспитания в православной вере, ссылали в монастыри. Упорствующих преследовали в административном порядке, отправляли в ссылку. Браки раскольников, рождения и смерть долгое время не регистрировались. Одной из мер борьбы с расколом было уничтожение раскольнических молитвенных домов и монастырей. Так, в 1835 г. в иргизский Средненикольский монастырь прибыл архимандрит православного монастыря с воинским отрядом и разгромил его. Раскольники пытались оказать сопротивление, но оно было подавлено, многие участники его преданы военному суду.

Разгрому подверглись и старообрядческие церкви. За 1842-1852 гг. было уничтожено и закрыто 494 молитвенных дома, в 1856 г. были запечатаны алтари старообрядческого центра — московского Рогожского кладбища (они были распечатаны только в 1905 г., т.е. через 50 лет)⁵⁸.

Раскольников обвиняли в том, что, не признавая официальной церкви, они выступают против царской власти и являются носителями революционных идей. Московский митрополит Филарет подозревал раскольников в желании отделиться от государства. Охрану православной церкви он считал «коренным правилом» православного государства, в раскольниках же и сектантах видел врагов не только церкви, но и государства.

Такое же отношение к раскольникам (старообрядцам) проявлялось и после подавления первой русской революции. Представители церкви усматривали в общинах старообрядцев социально - политический характер и пропаганду социал - демократических идей. Конечно, такое обвинение не имело под собой никакой почвы, так как старообрядческие вожди не переставали клясться в верности самодержавию⁵⁹. Старообрядческие руководители горячо возражали против придания их религиозным стремлениям противоправительственного и тем более революционного характера и всюду заявляли о своей преданности самодержавию. Когда А.И. Герцен гневно осуждал церковь и царское правительство за их нетерпимое отношение к старообрядцам и сектантам, старообрядческие вожди ответили Герцену на это анафемой и назвали его «антихристовым предателем». Старообрядческий митрополит Кирилл в своей грамоте старообрядческим архиереям от 24 февраля 1869 г. призывал русских раскольников показать царю свое благоразумие, удалиться от всех его врагов и особенно от «злокозненных изменников, находящихся в Лондоне и возмущающих народ своими писаниями», т.е. от Герцена⁶⁰.

В период революционной ситуации 1859-1860 гг., когда в русском обществе велась агитация за введение в России конституции и ограничение царской власти, вместе с господствующей церковью старообрядческие вожди выступали в защиту неограниченного самодержавия и осуждали тех, кто мечтал о конституции. Настоятель Белокриницкого монастыря Павел Великодворский говорил, например, старообрядцам: «Конституция — нож, медом помазанный на погубление людей; она от антихриста, ибо царь богом поставлен»⁶¹. Во время польского восстания 1863 г. старообрядцы приветствовали Муравьева - вешателя и обратились к Александру II с «всеподданническим» адресом, в котором раболепно выражали свои монархические чувства. Выражая любовь и преданность царской власти, старообрядцы говорили: «Заподозривать в нас, старообрядцах, наш исконный русский патриотизм, тысячекратно доказанный, значит не признавать нас русскими»⁶². Во время покушений на Александра II в 1865-1866 гг. старообрядцы вновь обратились к царю с уверениями в преданности и любви.

В феврале 1906 г. старообрядческая делегация посетила Николая II и в знак «беспредельной любви и преданности» преподнесла ему верноподданнический адрес, который подписали 76447 старообрядцев. О своей преданности царю старообрядцы говорили и в Государственной думе, добиваясь отмены ограничений в отправлении культа. «Нельзя говорить о старообрядцах, что они противятся власти, — сказал старообрядческий представитель от Бессарабской губернии, — они всеми силами защищают власть, почти все союзники — старообрядцы»⁶³. Старообрядцы были не только «союзниками», но не гнушались служить и в царской охранке. О таком старообрядческом

проповеднике — жандарме М. Агапове из Орехово-Зуева сообщала, например, большевистская «Искра»⁶⁴.

Старообрядческие вожди и проповедники подобно православному духовенству старались воспитывать народ в духе преданности самодержавию. Они уводили его от классовой борьбы за улучшение своего положения здесь, на земле, обещая всякие блага в загробной жизни. Раскольническая идеология, так же как и православная, играла реакционную роль в развитии классового самосознания. «Идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», — писал В. И. Ленин в письме к А. М. Горькому в 1913 г., — подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей»⁶⁵.

1. С. Максимов. Рассказы из истории старообрядчества по раскольническим рукописям. СПб., 1887, стр. 89; см. также «Памятники истории старообрядчества XVII в.», кн. 1, вып. 1. Л., 1927, стр. 16, 63-66.
2. Там же, стр. 54.
3. И. Филиппов. История Выговской пустыни. СПб., 1862, стр. V 4 Н.
4. Ф. Каптерев. Патриарх Никон, т. II. Сергиев Посад, 1913, стр. 162
5. «Житие протопопа Аввакума им самим написанное». М., 1960, стр. 109.
6. АИ, т. V, № 194.
7. АИ, т. V, № 100.
8. Ф. Елеонский. О состоянии русского раскола при Петре I. СПб., 1864, стр. 7, 26.
9. Н. В. Варадинов. История министерства внутренних дел, т. 8. СПб., 1862, стр. 536.
10. «Судные процессы XVII-XVIII ее. по делам церкви». — «Чтения ОИДР», кн. 3, 1882, стр. 16.
11. Там же, стр. 16-18.
12. Там же, стр. 15.
13. «Чтения ОИДР», кн. 4, 1847, стр. 77.
14. Там же, стр. 27-30.
15. «Повесть душеполезная о житии преподобного отца Корнилия». — С. Максимов. Рассказы из истории старообрядчества, стр. 25.
16. М. И. Лилеев. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII-XVIII ее. Казань, 1895, стр. 8.
17. М. И. Лилеев. Указ. соч., стр. 147.
18. Н. Д. Сергиевский. Наказание в русском праве XVII в. СПб., 1887, стр. 143.
19. «Чтения ОИДР», кн. 4, 1847, стр. 17.
20. «Чтения ОИДР», кн. 2, 1889, стр. 81.
21. А. Синайский. Отношение русской церковной власти к расколу старообрядчества в первые годы синодального управления. СПб., 1895, стр. 56.
22. А. Н. Филиппов. О наказаниях по законодательству Петра I. СПб., 1800, стр. 138.
23. А. Н. Филиппов. О наказаниях по законодательству Петра I, стр. 138-142.
24. Там же, стр. 142.
25. «Полное собрание постановлений по ведомству православного исповедания», т. 4. СПб., 1886, № 1454.
26. «Полное собрание постановлений по ведомству православного исповедания», т. 1, 1886, № 225, 241.
27. «Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству святейшего Синода», кн. 1. СПб., 1860, стр. 3.
28. М. И. Лилеев. Указ. соч., стр. 291.
29. А. Синайский. Указ. соч., стр. 136.
30. «Описание архива святейшего Синода», т. 5, 1725, № 232.
31. Н. Д. Сергеевский. Указ. соч., стр. 76; см. также Ард. Попов. Указ. соч., стр. 287-288.
32. И. А. Чистович. Дело о противных сборищах и действиях. М., 1887. См. также А. И. Клибанов. К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII - начала XVIII ее. — «История СССР», 1963, № 6, стр. 85-103.
33. «Собрание постановлений по части раскола...», кн. I, стр. 582-584.
34. Ард. Попов. Указ. соч., стр. 328.
35. М. И. Лилеев. Указ. соч., стр. 230.

36. «Собрание постановлений по части раскола...», кн. I, стр. 604.
37. А. Н. Филиппов. Указ. соч., стр. 252.
38. «Чтения ОИДР», кн. 2, 1889, стр. 27.
39. И. Покровский. Екатерининская комиссия о составлении проекта нового Уложения и церковные вопросы в ней. — «Православный собеседник», кн. III, 1910, стр. 307.
40. Д. И. Сапожников. Самоожжение в русском расколе. М., 1891, стр. 13.
41. Там же, стр. 31.
42. «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 21. СПб., 1881, стр. 1-17.
43. А. С. Пругавин. Самоистребление. — «Русская мысль», кн. 1, 1885, стр. 110; см. также «Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым». СПб., 1860, стр. 184-185.
44. Д. И. Сапожников. Указ. соч., стр. 43.
45. И. Я. Сырцов. Самоожигательство сибирских старообрядцев. СПб., 1886, стр. 58.
46. «Русская мысль», кн. I., 1885, стр. 106.
47. Д. И. Сапожников. Указ. соч., стр. 88
48. Н. И. Дубровский. Судящий поп Иван Андреев Сокольский. — «Русский архив», кн. 9, 1879, стр. 134.
49. «Русская мысль», кн. I, 1885, стр. 106.
50. И. Я. Сырцов. Указ. соч., стр. 44.
51. «Чтения ОИДР», кн. I, 1868, стр. 50-51; см. также Д. И. Сапожников. Указ. соч., стр. 32-33.
52. В сводном старообрядческом «синодике» указано 45 случаев самоожжения, с общим числом погибших 10012 человек. В уточненном описке, составленном Д. И. Сапожниковым, число погибших в результате самоожжений составило 10567, в том числе: за 1667 - 1700 гг. - 8834, за 1700 - 1760 гг. - 1332, за 1760-1800 гг. - 401 человек (Д. И. Сапожников. Указ. соч., стр. 160).
53. «Собрание постановлений по части раскола...», кн. I, стр. 614- 615.
54. «Чтения ОИДР», кн. 2, 1889, стр. 10-12.
55. «Собрание постановлений по части раскола...», кн. I, стр. 772.
56. С. Мельгунов. Церковь и государство в России, кн. I. М, 1906, стр. 36.
57. «Собрание постановлений по части раскола...», кн. II, стр. 396.
58. Н. В. Варадинов. Указ. соч., стр. 580.
59. Г. И. Буткевич. Думский старообрядческий законопроект перед судом истории. СПб., 1908, стр. 63.
60. П. И. Мельников. Раскольничьи секты в России. — «Исторический вестник», кн. VII, 1885, стр. 51.
61. Там же, стр. 52.
62. К. К. Арсеньев. Свобода совести и веротерпимость. СПб., 1903, стр. 128.
63. «Стенографический отчет Государственной думы». 3-й созыв, 2-я сессия, заседание от 13 мая 1909 г. «Союзники» — члены черносотенного Союза русского народа.
64. «Искра», октябрь 1901 г., № 9.
65. В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 93.

Глава IV. Монастырские тюрьмы и использование их для борьбы с антицерковным и революционным движением

Многие монастыри царской России служили тюрьмами, в которые заключались лица, обвиняемые в религиозном свободомыслии, участники антицерковных движений, а также боровшиеся против самодержавия, против крепостного гнета, участники революционного движения. Монастырское заключение — одно из самых тяжелых наказаний, применяемых православной церковью с давних пор. Так, в Никоновской летописи рассказывается, что еще в начале XI в. еретики заключались в погреба архиерейских домов. Но особенно переполнены монастырские тюрьмы были в XVII - XVIII вв., когда выступления против свободомыслия и феодально-помещичьей эксплуатации принимали часто религиозную окраску. Немало лиц, обвиненных в антицерковных и политических выступлениях, содержалось в монастырских казематах и в XIX в.

Самыми страшными из монастырских застенков были земляные тюрьмы. Там держали наиболее опасных для церкви и царизма преступников — «раскольников и церковных мятежников». Земляные тюрьмы представляли собой вырытые в земле ямы, в которые затем опускались деревянные срубы. Поверх земли делалась кровля с небольшим оконцем для передачи пищи. В такой земляной тюрьме томился один из расколоучителей, протопоп Аввакум. «Еретики - собаки, — говорил он, — как-то их дьявол научил: жива человека закопать в землю»¹. На него надели еще «чепь со стулом», которые он носил в течение всего заключения в монастырской тюрьме. В такую же яму по приказанию патриарха Иоакима были брошены в оковах участники соловецкого восстания 1668-1676 гг.

Во многих монастырях узников помещали в особые каменные мешки. Например, в Прилуцком монастыре Вологодской губернии каменные мешки представляли собой узкие каменные шкафы, возведенные в несколько этажей внутри монастырских башен. Каменные мешки были изолированы друг от друга, их окна и двери заделывались кирпичом, оставлялось лишь небольшое отверстие для передачи узнику пищи и воды. Каменные мешки имел также Спасо-Каменный монастырь Вологодской губернии, основанный в 1260 г. Тюрьмой здесь служили монастырские башни. Из этих тайников узники редко выходили на волю. Сибирский селенгинский Троицкий монастырь также был известен бесчеловечными условиями содержания узников. В одиночных казематах - «каютах», в «заклепных железах» несчастные жертвы инквизиции часто сходили с ума. Еще в 1770 г. в такой «каюте» селенгинского монастыря был обнаружен подпоручик Сибирского пехотного полка Родион Колев, просидевший в ней в кандалах 25 лет и сошедший с ума².

Каменные каюты были также в Николаевско-Корельском, якутском и других монастырях. В XVII в. в якутский монастырь сослали Максима Малыгина по обвинению в «тайном богомерзком общении с нечистой силой». Его посадили навечно в темную каюту на цепь. Тюремщики не давали ему воды, так как боялись, что он, будучи чародеем, уйдет через воду из тюрьмы. В каменном мешке макарьевского Унженского монастыря Костромской губернии был заточен в 1757 г. основатель религиозной секты Тихон Смурыгин. По предписанию Синода его заковали и вели «наикрепчайшее смотрение о неимении им прежнего злого действия»³. Широко известны были тюрьмы Соловецкого монастыря, основанного в первой половине XV в. Каменные мешки в монастырских башнях и стенах этого монастыря имели форму усеченного конуса длиной около трех метров, шириной и высотой по два метра, в узком конце — один метр. В верхних этажах Головленковской башни Соловецкого монастыря каменные мешки были еще теснее: 1,4 метра в длину, 1 метр в ширину и высоту. Маленькое оконце служило не для освещения, а только для подачи пищи. В таком мешке нельзя было лежать, узник спал в полусогнутом состоянии. Сюда заключали узников «безысходно», т.е. на всю жизнь, никакой связи с внешним миром они не имели. Помещая свои жертвы в эти страшные тюрьмы, синодальные инквизиторы обычно писали: «Посадить его (т.е. заключенного) в Головленковскую тюрьму вечно и пребывать ему в некоей келий молчательной во все дни живота и никого к нему не допускать, ниже его не выпускать никуда же, но точно затворену и зоточену быть, в молчании каяться о прелести живота своего и питаему быть хлебом слезным»⁴. В таких нечеловеческих условиях узники пребывали в течение многих лет, пока смерть не приносила им избавления.

В башне Соловецкого монастыря, носившей название Корожня, тюремные кельи были устроены на каждом этаже. Это были маленькие и темные каморки с небольшими отверстиями вместо двери, через которые узник с трудом мог пролезть внутрь. Еще в XIX в. местные жители рассказывали о суровом режиме в этой тюрьме — заключенных морили дымом, замуровывали, пытали (для пыток служил нижний этаж башни). Тюрьма Соловецкого монастыря постоянно расширялась. В 1798 г. под тюрьму было приспособлено выстроенное ранее здание, а в 1842 г. и этого оказалось мало: для узников построили специальное трехэтажное здание и особые казармы для тюремной охраны. В новой тюрьме в полуподземном нижнем этаже были небольшие чуланы, без лавок и окон, куда помещали особо важных преступников.

Среди монастырских тюрем первое место, особенно в XIX в., занимала тюрьма при суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, основанном около 1350 г. Эта тюрьма существовала с 1766 г. и с ростом антицерковного движения все время расширялась. В 1824 г. под тюрьму было

переделано старое помещение духовной семинарии, находившееся за крепкими монастырскими стенами. В 1889 г. к тюрьме был присоединен каменный флигель на 22 одиночные камеры⁵.

Тюремные помещения были и в других монастырях — Антониево-Сийском на Северной Двине, Новгород-Северском, Кирилло-Белозерском и др. Кирилло-Белозерский монастырь, основанный в 1397 г., известен как место ссылки и заключения опальных бояр и церковников. Здесь побывали в XVI-XVII вв. князья Воротынские, Шереметьевы, Черкасские, советник Ивана IV Сильвестр, князь Шуйский, митрополит Иосиф, патриарх Никон. В монастыре была еще особая тюрьма около Косой башни, в которую помещали за «слова и дела против царя», за «сумасбродство», за раскол и сектантство. В 1720 г. в эту тюрьму за «непристойные слова» попал Иван Губский — его велели содержать в кандалах и использовать на монастырской работе «до скончания века». Еще в 1856 г. в этой тюрьме сидел лодзинский учитель Миневиц, осужденный в 1839 г. за «возмущение крестьян против правительства»⁶.

В петербургский Александро-Невский монастырь помещали особо важных раскольников, захваченных церковными следователями и доказчиками в разных местах. Следствие над ними вели синодальные инквизиторы. Отсюда узники часто попадали в Тайную канцелярию для «дознания истины», т.е. для пыток. Каменные мешки были и в московском Симонове монастыре. Женщин держали в тюрьмах таких монастырей, как суздальский Покровский, Долматовский, Кашинский, Иркутский, Рождественский и др. В Орловской губернии раскольников заточали в монастырь в селе Столбове Дмитровского уезда. Особое здание для «колодников» было выстроено в 1758 г. при московском Сретенском монастыре.

«Церковных мятежников» часто помещали в монастыри, где не было специальных тюремных зданий. Например, в 1760 г. в Берлюков монастырь был отправлен после наказания плетью крепостной крестьянин Иван Варфаломеев «за богохульные и тяжко предрозостные хульные речи на евангелие». Он жил под караулом и выполнял самые тяжелые монастырские работы⁷. Специальное помещение для узников имели и архиерейские дома. Например, в Коломенском епископском доме, как рассказывает Павел Алеппский, была большая тюрьма с железными колодками для преступников. По условиям заключения эта тюрьма не уступала Соловецкой. Узников держали также в подвалах московских Успенского и Преображенского соборов⁸. В Троице-Сергиевой лавре, кроме подвала, имелись еще особые кельи, без дверей, с одним лишь отверстием. В Москве подследственных содержали в тюрьме, устроенной в подвале консисторского архива, а также в особой палате Знаменского монастыря. В 1758 г. находившихся здесь колодников перевели в Сретенский монастырь, где для них было построено особое тюремное здание.

Отдаленность многих монастырей от населенных пунктов, высокие монастырские стены (например, в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре стены были высотой свыше 27 метров, а толщиной 2 метра) и надежная охрана делали невозможным побег из монастырских тюрем, и узники проводили в них часто всю жизнь «до скончания живота».

В монастырских тюрьмах режим был более суровый, чем в каторжных. Роль тюремщиков выполняли сами монахи, они же наблюдали за приставленными сторожами, а комендантом монастырской тюрьмы был архимандрит, обладавший неограниченной властью. Главным тюремщиком Спасо-Евфимиева монастыря был известный архимандрит Серафим Чичагов, в прошлом полковник царской армии. За организованный им жестокий тюремный режим его обласкал царь и назначил орловским архиепископом. Режим в Соловецкой тюрьме был также настолько суров, что в 1835 г. правительство назначило специальную ревизию этой тюрьмы, так как в обществе много говорили о бесчеловечных условиях содержания в ней узников. Проводивший ревизию жандармский полковник Озерецковский был вынужден признать, что узники Соловецкой тюрьмы несли наказание, значительно превышавшее их вины. В результате ревизии некоторые узники были освобождены, других из монастырской тюрьмы перевели в обычные кельи. Облегчение режима продолжалось, однако, недолго. Камеры Соловецкой тюрьмы вскоре вновь заполнились узниками.

В монастырскую тюрьму попадали и такие лица, как новгородский архиепископ и первый вице-президент Синода Феодосий Яновский — соперник и враг всесильного архиепископа Феофана

Прокоповича. Феодосий Яновский боролся против ограничения церковной власти и подчинения ее государству, против попыток отобрать у церкви ее имущества. Он говорил, что введение монастырских штатов 1701 г. является порабощением духовных пастырей, что «пасомые овцы власть над пастырями возымели» и что неожиданная смерть Петра I была небесной карой за присвоение им власти над духовенством. «Только коснулся он духовных дел и имений, — писал Феодосий, — как бог его взял». Особой присягой он обязал подчиненных ему служителей церкви бороться против ограничения церковной власти, против «тиранства над церковью». Феодосия обвинили в «злохулительных» словах против Екатерины I, в «предерзостных упротивностях», а также в расхищении церковных ценностей. 12 мая 1725 г. с Феодосия сняли архиепископский сан и вместо смертной казни сослали в Николаевско-Корельский монастырь. Здесь его поместили в каменную тюрьму под церковью, в которой предварительно был снят деревянный пол и разрушена печь. Камеру запечатали особой печатью, и узника стали называть «запечатанным старцем». Пищей ему служили хлеб и вода. Феодосий не выдержал тяжести заключения и вскоре умер⁹. Секретаря Феодосия Семенова обвинили в том, что он знал о «злохулительных словах», которые произносил Феодосий, и не донес на своего «владыку». За «укрывательство» ему отсекли голову¹⁰.

В 1661 г. ростовский митрополит Иона рассматривал дело о «церковных развратниках» — ростовском портном Богданове и его учениках, посадском человеке Федоре Логинове и огороднике Постникове. Их обвинили в том, что они не ходят в церковь, не выполняют церковных обрядов, оскорбляют иконы, мощи называют куклами, священников — мучителями, а патриарха Никона — лживым отцом, предтечей антихриста. По окончании следствия митрополит Иона передал обвиняемых светскому суду. По настоянию митрополита их подвергли допросу «с пристрастием», т.е. пытали. Во время жестоких пыток Богданов держался мужественно и не отказался от своих убеждений. За «неистовые речи и развратие церковного устава» Богданова отправили в Кандаляжский монастырь на Кольском полуострове с предписанием держать с «великим бережением». Он был заключен в каменный мешок, где находился в кандалах, лишенный света, мучимый холодом и голодом.

У ростовского архиерея Георгия Дашкова были немалые «заслуги» перед самодержавием — он принимал активное участие в подавлении астраханского стрелецкого восстания 1706г. Но Дашков выступал против ограничения имущественных прав церкви, пытался восстановить патриаршество, возмущался всесильным Феофаном Прокоповичем, осуждая его жестокость. «Сколько людей погубил Феофан совершенно напрасно, — писал он, — измучил, сжег медленным огнем, подверг пыткам и заточениям без всякого сострадания и сожаления». В 1734 г. Георгия Дашкова обвинили в выступлении против правительства, во взяточничестве и разорении епархии. Его лишили сана и сослали «под крепкое смотрение» в вологодский Спасо-Каменский монастырь на Кубенском озере, но и здесь Дашков не перестал осуждать правительство за ограничение им церковных привилегий. За «неспокойствие и подозрение» его отправили за 7000 километров в Нерчинский монастырь для содержания в одиночном заключении «до смерти, неисходно»¹¹.

В монастырских тюрьмах узники часто были закованы в ручные и ножные кандалы, прикованы к стене или к деревянной громадной колоде, подвергались «смирению по монастырскому обычаю». «Смирение» выражалось в том, что узников сажали на цепь, наказывали батогами или плетью, изнуляли тяжкими монастырскими работами. Для усиления наказания на узников часто надевали «рогатки» — железный обруч вокруг головы, закрывавшийся под подбородком на замок при помощи двух цепей. К обручу приделывались перпендикулярно несколько длинных железных щитов. Рогатка не позволяла узнику лечь, и он вынужден был спать сидя. Такой режим применялся к узникам, считавшимся особо опасными для самодержавия и церкви.

Инквизиционное хозяйство монастырей было самое разнообразное: оковы большие и малые, ручные и ножные, рогатки, кнут, ременные плети, шелепы (расширившиеся на конце лопатообразные дубинки), батоги. Все это приобреталось на церковные деньги и хранилось в консисторских и монастырских тюрьмах. Цепи были неотъемлемой принадлежностью всех судебных дел, которые вели духовные власти. Выражения «посадить на большую цепь», «содержать в цепи» встречаются во многих памятниках. Узников подвергали наказанию на особом лобном месте, существовавшем во многих монастырях. Характер наказания зависел от усмотрения

архимандрита. Виды монастырского «смирения» перечислены в одной сатирической челобитной XVII в., имевшей широкое хождение в рукописных списках. «А в Калязине обитель не малая, — читаем в челобитной, — казна большая, после мору старых лет в запасе осталось, в хлебне по подлавичью стулья да чепа валяются, в мукосейке по спицам шелепы да плети висят, в караульне по подлавичью снопы батогов лежат, а у нас, богомольцев твоих, от того страху они не видят, а у малодушных за плечами кожа вертится, от того и ночью не спится»¹².

В монастырских тюрьмах за узниками велось постоянное наблюдение. Монахи-тюремщики производили обыски, выискивая «зловредные тетрадишки и письма», так как узникам было запрещено писать. Они следили, чтобы узники не общались между собой и с караулом. Беспкойным узникам, нарушавшим суровые тюремные правила, монастырские тюремщики вкладывали в рот кляп; его вынимали только при принятии пищи. Для испанской инквизиции типичен кляп в форме груши, которая могла раздвигаться во рту. Кляп, применявшийся в монастырских тюрьмах, был проще по конструкции, но действовал не хуже испанского, когда надо было заставить узника замолчать.

В 1728 г. в один монастырь был послан иностранец Яков Иванов, принявший незадолго до того православие. Он обвинялся в том, что произносил «сумасбродные слова». Чтобы лишить его этой возможности, ему всунули в рот кляп. Такой режим предписывался и специальными инструкциями Синода: «... а если оный колодник станет произносить важные и непристойные слова, то класть ему в рот кляп и вынимать, когда пища будет дана, а что произнесет в то время, то все записывать и, держа секретно, писать о том в Тайную канцелярию». Пищей для большинства заключенных были хлеб и вода, некоторым давался скудный тюремный паек. Среди узников были, впрочем, и привилегированные заключенные «благородного звания», которые получали пищу от своих родственников.

Рассматривая своих узников как арестантов, монастырские тюремщики хотели придать им и внешний арестантский вид. Так, архимандрит суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Серафим Чичагов пытался одеть своих заключенных в тюремную одежду. Синод, однако, был вынужден охладить рвение тюремщика, так как в монастыри часто ссылались лица без решений суда, в административном порядке. Формально они не лишались гражданских прав, поэтому обращаться с ними как с арестантами было признано неудобным. В 50-х годах XIX в. правительство в связи со слухами об изуверском отношении монахов-тюремщиков к своим узникам пыталось несколько смягчить режим в монастырских тюрьмах. Во главе арестантского отделения хотели поставить светского коменданта, а в придачу ему дать помощника из монахов. Но Синод решительно возражал против такой реформы и в монастырских тюрьмах все осталось по-старому: военная стража и тюремные служители были в полном подчинении архимандрита.

В монастырских застенках «для познания истины» заключенных нередко пытали. Епископ Георгий Конисский так описывает практиковавшиеся в конце XVII в. казни и пытки: «Казни сии были — колесовать, четвертовать и на кол сажать, а самая легчайшая — вешать и головы рубить. Вины их изыскивались от признания их самих, к тому надежным средством служило препохвальное тогда таинство — пытки, которой догмат и поныне известен из сей пословицы русской — кнут не ангел, души не вынет, а правду скажет, и которая производилась со всей аккуратностью и по указанию Соборного уложения, сиречь степенями и по порядку, батожьем, кнутом и шиною, т.е. разожженным железом, водимым с тихостью или медлительностью по телам человеческим, которые от того кипели, шкварились и вздымались. Прошедший одно испытание поступал во 2-ое, а кто не выйдет живым, тот считался за верное виновным и веден на казнь»¹³.

Чаще всего пытали поднятием на дыбу. Как описывает историк М. Снегирев, «поднятому на дыбу привязывали к ногам тяжелые колодки, на кои ставши палач подпрыгивал и тем самым увеличивал мучение: кости, выходя из суставов своих, хрустели, ломались, иногда кожа лопалась, жилы вытягивались, рвались и тем причинялись несносные мучения. В таком положении били кнутом по обнаженной спине так, что кожа лоскутьями летела» м. Пытки производились не только по усмотрению архимандрита, но и по настоянию епископов, которым подчинялись монастырские тюремщики. Так, епископ Холмогорский Афанасий в своей грамоте настоятелю Соловецкого

монастыря прямо предписывал прибегать к пыткам, чтобы вырвать от узников нужное признание — «чистосердечное покаяние». Зная о таких монастырских порядках, архангельский губернатор в 1774 г. обратился к архимандриту Соловецкого монастыря с секретным письмом, напоминая, что пытки в монастырях формально законом не разрешались. Впрочем, нельзя осуждать одних только монастырских тюремщиков за их жестокость — ведь этого требовали от них и Синод, и правительство. Инструкции Синода, на основании которых заключались в монастырские тюрьмы узники, были очень суровы. В них указывалось, в каких тюремных помещениях следовало держать заключенных, какой должен быть для них режим, какие меры следовало применять к тем, кто начнет «сумасбродничать» — одиночное заключение, карцер, лишение пищи, телесное наказание. В инструкциях глухо упоминалась также и «вина» заключенных: «За вину его, за дела, противные благочестию, за многие вины вместо смертной казни бить нещадно кнутом и сослать в монастырь». В XIX в. режим в монастырских тюрьмах мало изменился. По-прежнему узникам запрещалось общение с монастырской братьей, из среды последней выделялись монахи для «увещевания», а по существу для систематического шпионажа за заключенными. Помимо инструкций от Синода, такие же инструкции получали монастырские тюремщики от высшей и местной администрации. Например, владимирский губернатор (ему подчинялся Суздаль, где находится Спасо-Евфимиев монастырь) требовал от монастырского начальства разные сведения о монастырских заключенных. Как видно из представленных сведений, узники не назывались по фамилиям, каждый числился под известным номером. Правом ссылки в монастырские казематы, помимо Синода, пользовались также губернские гражданские власти, местное церковное начальство. В 1835 г. ревизией Соловецкого монастыря были вскрыты значительные злоупотребления и произвол. Тогда был издан указ, запрещающий сажать в монастырские тюрьмы без особого разрешения верховной власти. Но на практике этот порядок не соблюдался.

Кого же и за какие «вины» заключали в монастырские тюрьмы? Ответ на этот вопрос дают секретные донесения монастырских тюремщиков. На первом месте были лица, выступавшие против господствующей православной церкви, против ее деспотизма в вопросах веры, за свободу совести: старообрядцы и сектанты, отступившие от православной церкви, осужденные «за вольные мысли насчет нравственности и религии», за непризнание «угодников», за отказ от исповеди и причастия.

В 1554 г. в Соловецкую тюрьму были брошены участники антицерковного движения, возглавлявшегося Матвеем Башкиным. Церковный собор 1554 г. приговорил Башкина к сожжению, а его соучастников к заточению в «молчательные кельи» с «великой крепостью». С 1701 г. в Головленковой башне того же монастыря томились единомышленники Григория Талицкого — тамбовский епископ Игнатий, поп Иванов и др. Сам же Талицкий, как отмечалось выше, был сожжен копчением. В 1744 г. в Соловецкую тюрьму попал Афанасий Белокопытов, обвиненный в «непокорстве» православной церкви. Вначале Белокопытова приговорили к смертной казни, затем смертную казнь заменили «неисходным до смерти содержанием» в «самом крепком каземате» с оковами на руках и ногах.

В тюрьму Николаевско-Корельского монастыря был посажен «под крепкое смотрение» ростовский митрополит Арсений Мациевич за осуждение им мероприятий правительства, направленных к отобранию у церкви ее имений¹⁵. В 1786 г. среди узников Соловецкой тюрьмы были Павел Федоров и перс Александр Михайлов. Вина их заключалась в том, что они оба, поддавшись на уговоры священников, приняли православие (первый был еврей, а второй мусульманин). Опасаясь, как бы новообращенные не вернулись к вере своих отцов, Синод распорядился заключить их до самой смерти в монастырскую тюрьму.

Ссылка и заключение в монастырские тюрьмы за свободомыслие и неподчинение господствующей церкви особенно часто применялись в XIX в. Так, в Соловецком монастыре в 1826 г. из 30 узников за «вины» против церкви страдали 29 человек, в 1836 г. - 36 (из 45), а в 1855 - 18 (из 19)¹⁶. Среди заключенных немало было и борцов против самодержавия, участников революционного движения.

В 1825 г. учителя Новоторжского училища Василия Воскресенского обвинили в богохульстве. Его подвергли жестокому наказанию кнутом, а затем заключили «навечно» в Соловецкую тюрьму. В

1851 г. сюда же сослали придворного певчего Александра Орловского — его обвинили в атеизме, в 1853 г. — вахтера Ивана Буренкова — «величайшего богоотступника».

Среди узников Соловецкой тюрьмы было немало раскольников, отступивших от православной церкви, молившихся по старым книгам и придерживавшихся некоторых старых обрядов. В расколе, как отмечалось выше, выражался стихийный протест против социального гнета и эксплуатации. Самодержавие и церковь видели в расколе и сектантстве не только отступников от православной церкви, но и государственных преступников, поэтому они расправлялись с ними с большой жестокостью. В 1821 г. в Соловецкую тюрьму на 15 лет был заключен солдат Иван Кузнецов за пропаганду раскола среди солдат. В 1857 г. за «противозаконные по расколу проступки» в тюрьму попал самарский мещанин Лазарь Шепелев. Он не выдержал сурового режима и вскоре умер. В 1860 г. в эту же тюрьму посадили основателя секты прыгунов Максима Рудометкина. Он пробыл в одиночном суровом заключении 17 лет, до смерти. В 1859 г. в Соловецкую тюрьму был заключен под строгий надзор капитан артиллерии Николай Ильин — основатель религиозной секты.

Спустя 10 лет царская охранка решила освободить Ильина из тюрьмы, но этому воспротивился Синод. Он настоял на дальнейшем заточении Ильина, «до изъявления им полного и искреннего раскаяния в своих религиозных заблуждениях». После 15 лет страданий Ильин потерял рассудок, но его продолжали держать в монастырском застенке, и лишь в 1879 г. после 20-летнего заключения он был выпущен на свободу.

В тюрьме Спасо-Евфимиева монастыря также было много узников, обвиненных в отступлении от господствующей церкви, в свободомыслии. С 1766 по 1902 г. здесь перебивало свыше 400 человек, из них 340 — в XIX в. Так, в течение 20 лет, до самой смерти в 1832 г. тут сидел основатель секты скопцов Кондратий Селиванов, присвоивший имя Петра III. Среди узников этого монастыря был молоканин Тамбовской губернии Григорий Булгаков, жаловавшийся Николаю I на притеснения молокан со стороны царских чиновников и духовенства и порицавший православие¹⁷. Примером религиозной нетерпимости со стороны церкви и царизма может служить дело архангельского мещанина Василия Ракова. Его обвинили в принадлежности к штундистам — секте, которая признавалась наиболее нетерпимой (штундисты призывали народ не посещать церковь, не почитать икон, не принимать священников с требами). Ракова заключили в Суздальскую тюрьму в 1893 г., откуда он вышел только в 1902 г.

В монастырских тюрьмах было также много заключенных за выступления против феодально-крепостнической эксплуатации, против усиления крепостного гнета. Дела о них рассматривались в Преображенском приказе и Тайной канцелярии, в монастырские тюрьмы они попадали по согласованию с Синодом. Участники крестьянской войны под предводительством Степана Разина, сотники Исачко Воронин и Сашко Васильев были брошены в Головленскую тюрьму Соловецкого монастыря. Во время соловецкого восстания они приняли в нем активное участие. Когда же восстание было разгромлено, Васильев и Воронин оказались в оковах в Корожной земляной тюрьме, их затем зарубил царский воевода Мещеринов¹⁸.

В 1670 г. в тюрьму Тихвинского женского монастыря попала активная участница разинского восстания Степанида, стоявшая во главе повстанческого отряда Слободской Украины. В 1721 г. в произнесении «непристойных слов» против царя Петра I был обвинен Федот Костромин. Его пытали в Преображенском приказе, наказали нещадно кнутом, а затем заключили в Соловецкую земляную тюрьму, где он и умер. В 1752 г. в «важной вине» против царской власти обвинили крестьянина Василия Щербакова. Он был наказан кнутом и сослан «навечно» в Соловецкую тюрьму.

В XVIII в. в связи с усилением феодально-крепостнического гнета возникли массовые крестьянские выступления, прикрывавшиеся часто царистскими лозунгами. Руководители отдельных выступлений также попадали в монастырские тюрьмы. Так, в 1764 г. в курский Богородицкий Знаменский монастырь заключили крепостного крестьянина Даниила Тихонова, распространявшего слухи о появлении царя Петра III. В 1765 г. после жестокого наказания в тюрьму Тобольского монастыря заключили крестьянина Евдокимова, выдававшего себя за русского царя¹⁹. Ближайшие соратники Емельяна Пугачева Чика и Губанов после разгрома крестьянского восстания

были посажены в застенки при Казанском соборе в Уфе под соборной колокольней, а крепостной крестьянин Василий Журавлев, поддерживавший во время восстания связь с уральскими казаками, был заточен в тюрьму Суздальского монастыря.

После подавления крестьянского восстания под водительством Пугачева появился новый самозванец Осип Журыгин, выдававший себя за сына Екатерины II. Самозванца бросили в Суздальскую тюрьму. В Соловецкой тюрьме закончил свою жизнь другой самозванец, Тимофей Курдинов, называвший себя принцем Иоанном и пытавшийся вызвать народное возмущение²⁰.

И в XIX в. в монастырские тюрьмы попадали участники антиправительственных и революционных движений. В Соловецкую тюрьму из Красноярска был переведен декабрист Ф. П. Шаховской, после того как он заболел там психическим расстройством. Сюда же были посажены участники тайного общества, студенты московского университета Николай Попов и Михаил Критский, сочувствовавшие декабристам. В 1850 г. здесь оказался студент Георгий Андруцкий «за вредный образ мыслей и злонамеренные сочинения».

В монастырские тюрьмы попадали также крестьяне, боровшиеся против крепостного гнета и пытавшиеся облегчить свое положение. Так, в 1837 г. в Рыльский монастырь заключили крепостного крестьянина Ефима Никитина за «сумасбродные вымыслы о преобразовании государственного управления». Несмотря на тяжкие условия заключения, он не пал духом, даже изобрел какую-то машину. Его освободили только в 1850 г.²¹ В Соловецкой тюрьме в 1864 г. находился студент Казанской духовной академии Яхонтов. Он принимал участие в организации панихиды по крестьянине Антоне Павлове, казненном после зверского подавления крестьянского восстания в местечке Бездна Пензенской губернии, когда было убито и умерло от ран более 90 человек.

6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге состоялась антиправительственная демонстрация, организованная Г. В. Плехановым. В числе многочисленных ее участников, арестованных царской охранкой, были молодые рабочие Яков Потапов, Матвей Григорьев и Василий Тимофеев. Их осудили на пять лет монастырской тюрьмы «для исправления их нравственности и утверждения в правилах христианского долга». Потапова, развернувшего во время демонстрации красное революционное знамя, отправили в вологодский Спасо-Каменский монастырь, Григорьева — в чуркинскую Николаевскую пустынь Астраханской губернии, а Василия Тимофеева — в Крестный монастырь той же губернии. Потапова и Григорьева вскоре перевели в Соловецкую тюрьму. Сделано это было для того, чтобы пресечь антиправительственную агитацию, которую они вели в местах своего заключения²².

Среди узников монастырских тюрем было немало психически ненормальных. Царское правительство не нашло для них другого места! Но часто психически ненормальными объявляли совершенно здоровых людей. Ненормальность их заключалась в том, что они боролись за свободу совести, выступали против господствующей церкви. Например, в 1834 г. монаха Антиоха за его «нелепые слова» против православной церкви признали сумасшедшим и заключили в Суздальскую тюрьму. Узники этой тюрьмы из-за тяжелых условий действительно сходили с ума. Это не освобождало их, однако, от монастырского заключения. Во время обследования тюрьмы Суздальского монастыря в 1835 г. среди заключенных оказалось одиннадцать «поврежденных в рассудке». Несчастных продолжали держать в тюрьме, так как их «заблуждения», т.е. выступления против церкви, все еще считались вредными.

В отдельных случаях участников антицерковных выступлений, сектантов объявляли сумасшедшими и отправляли в психиатрические лечебницы. Например, в Казанскую психиатрическую лечебницу поместили основателя секты «малеванцев» Кондрата Малеванного и Степана Чекмарева. Их признали параноиками, а их влияние на последователей — «магическим». Это не помешало, впрочем, вызвать их на диспут — «религиозное собеседование», устроенное во время миссионерского съезда в Казани в 1897 г. «Параноики» горячо защищали свои взгляды от нападок воинствующих миссионеров-церковников и проявили себя вполне нормальными людьми. После диспута их вновь поместили в психиатрическую больницу, где они провели 15 лет²³.

На какой же срок помещали узников в монастырские тюрьмы? Часто этот срок не уточнялся. В приговорах и указах встречается обычно выражение «безысходно, навсегда», т.е. узники приговаривались к пожизненному заключению. Фактическое заключение можно подсчитать по сохранившимся спискам узников. Например, за период с 1772 по 1835 г. в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре перебивало 102 человека. К моменту составления сведений (1835 г.) умерло 29 человек, до 5 лет просидело 46 человек, от 5 до 25 лет — 32 человека²⁴. Крестьянин Калужской губернии Степан Сергеев находился в монастырской тюрьме 25 лет, а крестьянин Вятской губернии Семен Шубин — 43 года. Вина этих узников заключалась в том, что они отступили от православия и перешли в раскол и сектанство.

Освобождение узников зависело от отзыва монастырского начальства. Но отзывы эти редко были положительными. Обычно монастырские тюремщики давали такие характеристики об узниках: «не может быть освобожден без явной опасности для общественного порядка», «заключение полезно, доколе не придет в чувство христианского самосознания в преступлениях»²⁵. В Суздальской тюрьме в течение 35 лет содержался раскольник Семен Мошонов, мелкий чиновник из Павлова Нижегородской губернии. Когда решили, наконец, его освободить, то возражать стал архимандрит Пафнутий, считавший, что Мошонов представляет для церкви большую опасность. «В народе, не имеющем здравого смысла, — писал он в своем заключении, — этот человек может поселить совершенное отчаяние и уныние». И Мошонов остался в монастырской тюрьме²⁶.

В монастыри попадали также люди по приговорам светского суда. Это был особый вид уголовного наказания, часто в дополнение к другому наказанию. Заключение на срок от 4 до 8 месяцев рассматривалось как тюремное заключение без ограничения прав. Насколько часто прибегали к этому виду уголовного наказания, можно судить по тому, что в 1857 г. в монастырях содержалось 648 человек — крестьян, мещан, ремесленников, осужденных за различные проступки против господствующей церкви — за отступление от православия, за неисполнение «новообращенными» церковных обрядов, за систематическое отклонение от исповеди и причастия. Осужденные насильственно отторгались от своих семей и занятий, что нередко приводило их к разорению. Естественно, что монастырское заключение вызывало у них ожесточение и ненависть к церковникам.

Частыми узниками в монастырях были также священники и другие служители церкви, наказанные за разные проступки — пьянство, буйство, нарушения благочиния, за действия антиправительственного характера. По отчетным данным Синода, с 1855 по 1859 г. в монастырях перебивало 4480 церковников, из них только за пьянство - 3300 человек. Синод отмечал, что ежегодно за разные проступки ссылают в монастыри до 900 церковников²⁷.

В 900-х годах среди небольшой части духовенства наблюдалось движение за ослабление власти Синода и епархиального начальства, за оживление приходской деятельности. Синод сурово расправлялся с участниками этого движения и рассылал недовольных по монастырским тюрьмам. Так, в 1901 г. в Суздальскую тюрьму был заключен священник Цветков. Его вина была в том, что он выступал за ослабление власти Синода, говорил о необходимости созвать церковный собор для упорядочения церковной жизни²⁸.

Соловецкая тюрьма существовала до 1883 г., когда из нее были выведены последние узники, но караульные солдаты содержались в ней до 1886 г. После официального закрытия Соловецкий монастырь продолжал служить местом ссылки для провинившихся служителей церкви. Тюрьма при суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре существовала до 1905 г., еще в 1902 г. в ней насчитывалось 12 узников. В 1905 г. в ней томился крестьянин Петр Леонтьев, заключенный в эту тюрьму в 1871 г. по обвинению в том, что он распространял среди крестьян «лжеучение», направленное против верховной власти и духовенства. Несчастный пробыл в монастырской тюрьме 34 года, и об этой трагической судьбе спокойно рассказывается в отчете обер - прокурора Синода²⁹. О суровом тюремном режиме 900-х годов свидетельствует письмо одного суздальского жителя, писавшего в петербургскую консисторию: «Обратите внимание на тамошнего архимандрита — коменданта, за что он так зверски запер несчастных заключенных и теснит их самым ужасным образом. Прислали какого-то зверя, который совершенно позабыл, что он служитель божий».

В конце письма автор, возмущенный жестокостью архимандрита-тюремщика, советует архимандриту идти в жандармы³⁰.

Даже царская охранка считала необходимым ликвидировать эту тюрьму. В 1903 г. она уведомляла Синод, что, поскольку тюрьма находится в заводском районе Суздаля, среди рабочих распространяются слухи о тяжелом положении ее узников. Царские чиновники предлагали перевести заключенных Суздальской тюрьмы в другие, более отдаленные монастыри. Синод, однако, не хотел расставаться со своей бастилией. Лишь в 1905 г., под влиянием роста революционного движения, правительство было вынуждено ликвидировать Суздальскую тюрьму. Эта ликвидация, впрочем, носила формальный характер. Еще в 1907 г. в смете Синода были предусмотрены средства на содержание тюремной стражи, а в 1908 г. эта стража была даже увеличена. Понадобилось еще немало времени, чтобы эта «бастилия духа» была полностью уничтожена.

1. «Житие протопопа Аввакума...», стр. 108; см. также Ард. Попов. Суд и наказание за преступления против веры и нравственности. Казань, 1904, стр. 55.
2. «Русское слово», кн. 8, 1861, стр. 14.
3. «Костромская старина», 1890, стр. 24.
4. А. И. Иванов. Соловецкая монастырская тюрьма. Соловки, 1927. Описанию Соловецкой тюрьмы посвящены следующие работы: М. Колчин. Ссылные и заточенные в Соловецком остроге в XVI - XIX в. М., 1908; В. И. Немирович — Данченко. Соловки. СПб., 1875; А. С. Пругавин. В казематах. СПб., 1909; М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. 1 - 5. М., 1951 - 1956; Д. Венедиктов. Палачи в рясах. М., 1923.
5. Описание тюрьмы суздальского Спасо - Евфимиева монастыря см.: А. С. Пругавин. Монастырские тюрьмы. М., 1905; «Суздаль и его достопримечательности». Суздаль. Изд. Владимирской архивной комиссии, 1912.
6. Г. Антипин. Крепость Кирилло - Белозерского монастыря. Кириллов, 1934, стр. 34-38.
7. Н. П. Розанов. История Московского епархиального управления, ч. II, кн. 2, М., 1876, стр. 153.
8. Павел Алепский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в России, — «Чтения ОИДР», кн. 4, 1896 - 1897, 1900.
9. И. А. Чистович. Феофан Прокопович. СПб., 1878, стр. 166 - 168.
10. Там же, стр. 173.
11. И. А. Чистович. Указ. соч., стр. 348, 365.
12. «Русский архив», кн. II, 1873, стр. 1780.
13. «Русский архив», 1867, стр. 1139-1155.
14. Там же, стр. 1160.
15. М. С. Попов. Арсений Мацеевич и его дело. СПб., 1912.
16. М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. 2, стр. 486.
17. О. И. Дубасов. К истории противоцерковного движения. - «Древняя и Новая Россия», 1878, № 8, стр. 312.
18. Н. И. Барсуков. Соловецкое восстание. Петрозаводск, 1954.
19. «Исторические записки», т. 31, 1955, стр. 96, 102.
20. Там же, стр. 129-130.
21. М. Н. Гернет. Указ. соч., т. 2, стр. 488.
22. Д. Венедиктов. Указ. соч., стр. 90. 86
23. «Деяния 3 Всероссийского миссионерского съезда в Казани». Киев, 1897, стр. 90.
24. М. Гернет. Указ. соч., т. 2, стр. 481.
25. Там же, стр. 475.
26. «Древняя и Новая Россия», кн. 8, 1878, стр. 313,
27. А. Завьялов. Циркулярные указы святейшего Синода 1867 - 1900 гг., СПб., 1900, стр. 50, 54.
28. М. Гернет. Указ. соч., т. 2, стр. 331.
29. Отчет обер-прокурора Синода за 1909 г. СПб., 1910, стр. 22.
30. «Ежегодник Музея истории религии», т. IV. Л., 1960, стр. 118.

Глава V. Насильственное насаждение православия среди народностей России

Самодержавие — этот, по словам В. И. Ленина, «самый реакционный и варварский строй»¹, проводило среди народов окраин России политику национально - политического, социального и культурного угнетения. Верной помощницей самодержавия в его реакционной политике на окраинах была православная церковь. Угнетение нерусских народов, их русификация, а также колониальные захваты сопровождались насильственным обращением населения в православие. Это было одним из средств колониальной политики самодержавия.

Еще в XIII-XIV вв. новгородские выходцы, утверждая свою власть в Вятском крае, насаждали христианство мечом и огнем, не останавливаясь перед уничтожением местных народов, не желавших креститься. Делалось это при помощи духовенства, следовавшего за завоевателями в новые места. Грамота 1452 г. митрополита Ионы вятскому духовенству красноречиво рассказывает, как внедрялось христианство среди нерусских народов Вятского края. Священники, по признанию митрополита, перемучили много людей, переморили, в воду пометали, сжигали в избах мужчин, старцев и малых детей, выжигали глаза, младенцев сажали на кол и умерщвляли. Расправляясь с такой жестокостью с нерусскими народами, не желавшими креститься, инквизиторы угрожали им еще «великой опалой» от государя и «конечным извержением без милости» от церкви. Митрополит не осуждал духовенство за зверскую расправу с нерусскими народами. Он предостерегал только, что кровавый террор по отношению к народам, не желавшим принять православие, может вызвать ненависть их к духовенству и нанести ущерб церкви².

В Казанском крае христианизация началась со второй половины XVI в., вскоре после завоевания Казани здесь были основаны монастыри. Над татарами, противившимися крещению, совершалось дикое насилие: их сажали в тюрьмы, у них отбирали земли, их выселяли из деревень, заставляли жениться на русских женщинах, держали в цепях. При этом церковники не скрывали, что их цель — «народ от татарской веры отучить и остращать».

Насильственное крещение проводилось при колонизации Поволжья и Сибири в XVII в. Правительство вместе с духовными властями стремилось привлечь на свою сторону феодальную верхушку, обещая ей в случае крещения разные льготы. У мурз, не желавших креститься, отбирались поместья с православными крестьянами, они лишались права распоряжаться ими. Крестьянам при переходе в православие предоставлялись некоторые льготы на шесть лет. Упорствующих превращали в крепостных. Но и крещение не освобождало нерусские народы от крепостного и национального гнета. Их поработали одинаково и русские помещики и принявшие православие татарские мурзы. Крестьяне пытались жаловаться на притеснения со стороны помещиков и духовенства, но за «челобитья» их заключали в тюрьмы, били кнутом, убивали. В свою очередь и крестьяне, борясь с насильственной христианизацией, разрушали монастыри и церкви, избивали наиболее ненавистных им священников, некоторых даже убивали, поднимали массовые восстания.

В Сибири среди остяков и вогулов огнем и мечом действовал сибирский митрополит Филофей Лещинский. Этот инквизитор разрушал нехристианские кладбища, рубил и сжигал капища, возводя вместо них часовни, силой обращал сибирские народы в православие, угрожая в случае отказа смертью. Вогулы и остяки отвергали попытки церковников задобрить их льготами по уплате ясака и подарками. «Лестью хотите отвратить нас от древней нашей веры, разорить и уничтожить нас, — говорили они. — Головы свои положим, но этого не допустим»³. Несмотря на сопротивление местных народов, Филофей обратил в православие свыше 40 тысяч человек. В качестве одной из приманок для крещения применялось освобождение новокрещен от наказания за совершенные ранее проступки. Например, в 1723 г. за нежелание принять участие в переписи марийцы были приговорены к нещадному наказанию. Чтобы избежать наказания, 545 крестьян - марийцев согласились креститься⁴. Однако крестьяне — новокрещены не хотели посещать церкви, выполнять церковные обряды. В ответ на жесточайшие наказания крестьяне сжигали церкви и дома священников, поднимали восстания. Таковыми были, например, восстание башкир 1704-1708 гг.,

слившееся с булавинским восстанием 1707-1708 гг., восстание березовских воголов и остяков 1707 г. и др. Восстания потерпели поражения, и многие башкиры и другие народы нерусской национальности, захваченные в плен, были приговорены к смерти. Спасая свою жизнь, башкиры и другие народы соглашались перейти в православие. За обратный же переход в мусульманство их сжигали на кострах как вероотступников.

В 1735г. в районе Екатеринбурга на Урале вспыхнуло восстание башкир, вызванное социальным гнетом и насильственным крещением. После разгрома восстания многие участники были казнены, многие сосланы в каторжные работы, башкирские деревни были разорены до основания. Расправляясь так жестоко с восставшими, правительство и церковь обещали пощадить жизнь тем из них, кто примет православие. Многие восставшие шли на это, хотя продолжали относиться враждебно к православию и его служителям. Среди крестившихся поневоле был и башкир Тойгильда Жуляков, вскоре перешедший вновь в мусульманство. Тойгильду обвинили в том, что он, приняв мусульманство, «богу, закону его... учинил великое противление и ругательство». Его привезли в Екатеринбург, и здесь, на площади, по распоряжению главного командира уральских, сибирских и казанских заводов В.Н. Татищева, на страх другим в присутствии всех новокрещен сожгли. Детей Тойгильды наказали розгами и раздали в русские семьи⁵. В июне 1740 г. за переход в мусульманство сожгли известного рудознатца казака Исаева. Перед смертью он заявил, что знает, где находится серебряная руда. Это ему не помогло: в назидание другим Исаев был сожжен⁶.

В башкирских восстаниях 1745 и 1755 гг. против феодально-крепостнического гнета, осложненного еще национальными притеснениями, также наблюдался протест против насильственной христианизации. В возваниях предводителя восстания 1755 г. Батырши указывалось на невыносимое положение мусульман, на тяжелые условия работы на заводах. Батырша призывал насильственно крещенных башкир выступать заодно с «истинными мусульманами»⁷.

Для расширения миссионерской деятельности православной церкви в 1738 г. при свияжском Богородицком монастыре была организована Новокрещенская контора. Она ставила своей целью «умножение христианского закона» среди мусульманского населения Поволжья «для вятщего утверждения в вере». Это была настоящая инквизиторская организация. Наделенная большими полномочиями, контора насаждала православие среди народов нерусской национальности не стесняясь в средствах. Новокрещенская контора действовала до 1764 г., т.е. 26 лет, и за эти годы вызвала всеобщую ненависть и возмущение. Посылаемые в татарские и башкирские деревни священники-миссионеры, эти, по словам В. И. Ленина, «жандармы во Христе» под видом «спасения неверных душ» проводили политику угнетения нерусских народов. Они заставляли их креститься, подвергали смертельным побоям, разоряли их хозяйства, а доносчиков награждали. Руководивший Новокрещенской конторой архимандрит Сильвестр старался оправдать кровавый террор, проводившийся его инквизиторами. Но возмущение деятельностью Сильвестра было так велико, что Синод был вынужден назначить вместо него другого. Не лучше был и новый инквизитор Лука Конашевич. Он разрушал татарские мечети, на их месте строил церкви, подвергал татар-мусульман жестоким наказаниям, заточал в тюрьмы, разорял их дома и деревни. Синод поддерживал своего ставленника, проклиная мусульман и мусульманское учение, называя Магомета «самым студным лживым пророком» (указ от 24 декабря 1750 г.). Деятельность Луки Конашевича вызвала глубокое возмущение. Татары писали в своих жалобах, что если их будут и дальше принуждать креститься, они оставят свои дома и деревни и уйдут в леса. Луку Конашевича перевели в Белгород епископом, но память об этом жестоком инквизиторе осталась надолго. В народном предании рассказывается, что Лука Конашевич стремился всех татар превратить в русских и что по жалобе татар министры осерчали на него и сослали в Сибирь⁸.

Не меньшее возмущение вызвала деятельность другого представителя Синода, стоявшего во главе Новокрещенской конторы, епископа Дмитрия Сеченова. Татары и башкиры жаловались, что Сеченов силой принуждал их креститься, погружая в купель связанными, держал многих в тюрьме под караулом в кандалах и колодках и подвергал мучительным побоям. Действуя на основании указа Синода от 14 февраля 1743 г., Сеченов сжигал мусульманские кладбища и молельни, разорял

крестьянские дома, рубил в них окна и двери, выламывал печи. В результате крестьяне пришли «в конечное разорение». С такими же жалобами обращались чуваша Ядринского и Курмышского уездов на инквизитора игумена Неофита, на курмышского протопопа Куприяна и др.⁹, но эти жалобы успеха не имели: Синод своих инквизиторов не давал в обиду. Действуя огнем и мечом, Сеченов за один год сумел обратить в православие свыше 17 тысяч татар. Его перевели в Нижний Новгород, и здесь за четыре года он заставил принять православие более 30 тысяч человек. За свою «деятельность» и за поддержку Екатерины II во время дворцового переворота этот инквизитор был щедро награжден: он получил в личное владение тысячу душ крепостных, богатые денежные подарки и стал первоприсутствующим членом Синода¹⁰.

Центром насильственной христианизации татар был также казанский архиерейский дом, которому в середине XVIII в. принадлежало до четырехсот населенных пунктов.

Пропаганда ислама и тем более обращение в мусульманство запрещались под страхом смерти. Нельзя было строить новые мечети, старые же разрушались. Только при епископе Луке Конашевиче за 1738-1758 гг. из 536 мечетей Казанской губернии было разрушено 418. В Сибири из 133 мечетей осталось 35¹¹. Детей татар и башкир, обратившихся в ислам, отбирали у родителей и раздавали новокрещенам. На татар и чувашей миссионеры напускали воинские отряды — «обжорные команды», которые разоряли их постоями, чинили всяческие обиды. Крестившимся крестьянам нерусской национальности предоставлялись некоторые льготы: они освобождались от холопства, от уплаты податей (на три года), ими не могли более распоряжаться неправославные помещики. Зато подати некрещеных крестьян возрастали, что делало их положение еще более тяжелым. Крестьян - новокрещен поселяли в одном месте, некрещеных же татар выселяли, разоряя их хозяйство. На землях некрещеных татар организовывались новые монастыри — Спасо- Юнгинский, Седмиозерский, Раифский и др.

Протесты крестьян-мусульман против деятельности духовенства принимали различные формы: это были жалобы на священников в Синод и к правительству, восстания, в которых протест против насильственной христианизации сочетался часто с протестом против феодально-крепостнического гнета. Кроме того, крестьяне-мусульмане непосредственно расправлялись с ненавистными им священниками, избивали и убивали их. Бывали случаи, когда крестьяне обращались за помощью к мусульманам, жившим за рубежом.

В 1751 г. татары подали жалобу на «несносные обиды», чинимые им митрополитом Сильвестром. Они писали, что Сильвестр крестил их насильно, держал их в оковах на монастырском дворе, вместе с женами и детьми, морил голодом, пока они не согласятся креститься. В Царевококшайском уезде крестьяне деревни Кошки обложили соломой избу, где находился с командой поп Георгий Давыдов, и подожгли ее. Миссионера спас подоспевший воинский отряд. В Вятской провинции крестьяне избили иеромонаха Вениамина Григоровича; его с трудом освободила из рук крестьян конвойная команда. Восставшая мордва убила миссионера Алексея Мокеева и пыталась убить также Дмитрия Сеченова. С дубьем и цепями напали чуваша на протопопа Георгия Давыдова¹².

Царские чиновники, борясь с массовым бегством и возмущениями крестьян нерусской национальности, в некоторых случаях пытались обуздать духовные власти, руководившие христианизацией. Так, в 1751 г. оренбургский губернатор просил Сенат запретить священникам крестить башкир силой, а также отсылать их в тобольскую консисторию. Он писал, что деятельность миссионеров разоряет башкир и наносит большой вред интересам помещиков и государства. С такими же требованиями обращались и уральские заводчики, так как бегство работных людей и насильственные меры духовенства неблагоприятно отражались на заводских работах. Правительство было вынуждено прислушаться к этим жалобам. В Казанскую губернию послали с особыми полномочиями подполковника Свечина и поручили ему проверить на месте причины разорения татар. В своем «Экстракте» о разорении крестьян, «восприявших закон греческий не по желанию, а по принуждению», Свечин писал, что священники-миссионеры ездили будто бы учить новокрещен закону божьему, на самом же деле собирали с новокрещен деньги, требовали продукты и пушнину, делали «прицепки» за незнание молитв, под угрозой ареста вымогали деньги. Чтобы заставить татар

креститься, миссионеры рубили в крестьянских домах окна и двери, ломали печи, «без всякого милосердия» избивали плетью, заковывали в кандалы, отправляли в тюрьму на тяжелые монастырские работы¹³.

Доклад Свечина дал яркую картину ужасающего произвола и притеснений крестьян в связи с насильственной христианизацией. Грубо русификаторская политика и христианизация населения создавала почву для народных волнений. Опасаясь повторения крестьянских восстаний, правительство было вынуждено в апреле 1764 г. закрыть Новокрещенскую контору и перейти к более тонким методам христианизации и обрусения населения. С башкир и татар сложили недоимки, родителям вернули отобранных у них детей, попам-миссионерам предложили применять более мягкие меры для побуждения населения к крещению. Закрытие Новокрещенской конторы не приостановило, однако, насильственного обращения крестьян нерусской национальности в христианство и беззастенчивый грабеж со стороны миссионеров. В 1765 г. Синод был вынужден отметить, что миссионеры-священники ездили по новокрещенским жителям с женами и детьми, собирали с крестьян деньги, скот, овчины, холсты и всякую живность. Новокрещенцы, не имея никакой защиты, отдавали миссионерам все, что те требовали, и совершенно разорялись¹⁴. За время существования Новокрещенской конторы было обращено в христианство 409864 человека — цифра по тому времени огромная¹⁵.

Такими же кровавыми действиями отметили свой миссионерский путь и другие «просветители»: Стефан Пермский, Трифон Вятский, Гурий Казанский, Софроний Иркутский и др. Несмотря на их жестокость, церковь причислила этих инквизиторов к лику святых и заставила чтить как «угодников божьих». Духовенством распространялись легенды, будто кровавый террор миссионеров осуществлялся по божьей воле.

Татары, башкиры, чуваша и другие нерусские народы ненавидели православное духовенство за насильственную христианизацию, за поборы, за помощь, которую оно оказывало правительству в деле национального угнетения. Эта ненависть с особой силой проявилась во время крестьянской войны 1773-1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева. Крестьяне уничтожали церкви, убивали особо ненавистных им священников. Они оставляли навязанное им силой православие и возвращались к вере отцов. По официальным далеко не полным данным, во время восстания Пугачева было убито 237 церковников и членов их семей и сожжено свыше 60 церквей¹⁶. Удмурты, чуваша, башкиры, татары просили Пугачева избавить их от гнета священников. Пугачевский атаман Герасим Иванов по просьбе крестьян сжег дом сунгулеевского священника на Урале; в селе Нохмачи священника повесили, а его дом сожгли. После взятия восставшими Ижевского завода в селе Сретенском удмурты повесили весь притч, а церковь разграбили. Мордовцы села Кангуш Краснослободского уезда Тамбовской губернии избивали священника Алексея Васильева, говоря при этом: «Не мешай нам, поп, молиться по-нашему»¹⁷. Удмурты также отказывались выполнять церковные обряды, платить поборы за требы и расправлялись со священниками. В виде протеста против христианизации удмурты возвращались к прежней «идолопоклонной» вере. В феврале 1774 г. новокрещенные удмурты, собравшись в селе Сретенском, решили послать к Пугачеву депутацию и просить его закрыть Ижевский завод, а им разрешить быть по-прежнему в идолопоклонной вере¹⁸.

Гнев народных масс обращался также против монастырских властей и монастырей, основанных на территории Мордовии для закрепощения мордовского народа и усиления феодально-крепостнического гнета. Особенную ненависть мордвы вызвали власти Пудожского монастыря, захватившего крестьянские земли. Этому монастырю принадлежало более двух тысяч крепостных крестьян.

Принудительное крещение нерусских народов продолжалось и в XIX в. Оно использовалось как средство колониального угнетения и русификации. Духовенство продолжало обирать народ. По словам Магницкого, бывшего в то время попечителем казанского учебного округа, православное духовенство стремилось попасть в чувашские селения с не меньшим энтузиазмом, чем европейцы в Бразилию: здесь можно было обогащаться за счет нерусских народов.

Центром русификаторской деятельности духовенства среди народов Поволжья было «Братство святого Гурия», основанное в 1867 г. Это братство получило свое название по имени епископа Гурия, жестокого инквизитора, действовавшего среди татар в интересах русификаторской политики самодержавия. Братство святого Гурия старалось уничтожить национальное единство татар и воспитать их в духе православия и покорности самодержавию. Открывая свои школы, братство делало их опорными пунктами для борьбы против мусульманства и других религий нерусских народов, для борьбы с национальной культурой.

На Кавказе русификаторскую политику самодержавия проводило основанное Синодом в 1860 г. «Общество распространения христианства». Общество располагало целой армией миссионеров, этих, по словам В.И. Ленина, «новейших инквизиторов», «душителей религиозной свободы». Общество насаждало всюду свои школы, строило церкви, внедряло православие не только проповедью, но и силой оружия, прибегая к содействию местной администрации. Оно добивалось обрусения нерусских народов, слияния их с русскими. Национальная культура и национальный язык изгонялись. Служители культа презрительно называли национальный язык «вымирающим наречием».

Очагами колонизации и христианизации на Кавказе были также Пицундский, Новоафонский, Драндский монастыри, основанные с этой целью в 70-80-х годах XIX в.

Церковники с презрением относились и к мариЙцам, называя их «темным черемисским царством». Они говорили, что задача церкви — «просветить этот полуязыческий мир светом христианской религии, слить его... в одно целое с Россией»¹⁹. С этой целью духовенство душило ростки национальной культуры, изгоняло из школы национальный язык, подачками и силой обращало народ в православие.

В Карелии священники говорили, будто карелы находятся на пути к вырождению и неспособны к самостоятельному государственному и культурному развитию, поэтому национальную культуру должны заменить православие и русская культура.

Отражая мнение правительства и духовенства, начальник Уфимского жандармского управления в отчете за 1902 г. писал о башкирском коренном населении Уфимской губернии: «В культурном отношении почти все инородческое население находится в высшей степени с грубыми невежественными нравами и обычаями..... башкиры на пути вырождения, с явными признаками дегенерации». Этот документ, отражавший политику царизма к народам нерусской национальности, был приведен М. И. Калининым на чрезвычайном всероссийском XVII съезде Советов.

Епископ Вениамин, занимавшийся обрусением народов Севера, говорил: «Православие должно вести борьбу не просто с чужой верой, но и с чужой национальностью... чтобы сделать их (т. е. северные народы — Е. Г.) не только по вере, но и по национальности русскими»²⁰. С этой целью миссионеры силой отбирали детей у родителей и отвозили их в церковные школы, где пытались привить им то, что они называли русской культурой. Но дети, как отмечал миссионер Никандр, «тосковали по родным местам... хирели и умирали»²¹.

С «просветительной» деятельностью жандармов в рясах среди нерусских народов хорошо познакомился А. И. Герцен, когда он был в ссылке в Вятской губернии. Герцен писал о чудовищном произволе и хищничестве чиновников и попов среди этих народов: «Настоящий клад для земской полиции — это вотяки, мордва, чуваша: народ жалкий, робкий, года через 2-3 исправник или становой отправляется с попом по деревням ревизовать, кто из вотяков говел, кто нет и почему нет. Их теснят, сажают в тюрьму, секут, заставляют платить требы»²².

В результате насилия за 1881-1894 гг. в православие было обращено 129 тысяч человек нерусской национальности²³. Об усилении насильственного крещения говорили и на миссионерских съездах. Первый съезд «темных инквизиторов», как называли миссионеров, состоялся в Казани в 1885 г. На этом съезде присутствовали архиереи всех тех губерний, где было нерусское население. Съезд имел одну цель: разработать меры по внедрению православия, подготовить к этому

жандармов в рясах. Второй миссионерский съезд, собравшийся в Москве в 1891г., отразил агрессивную политику духовенства по отношению к нерусским народам. Еще более воинственно было настроено духовенство на третьем миссионерском съезде (Казань, 1897г.). Этим съездом руководил помощник обер-прокурора Синода Саблер. Он назвал православие «краеугольным камнем самодержавия». На этом съезде «опричники духовенства» — миссионеры требовали усиления полицейских репрессий по отношению к тем, кто отказывался принять православие, кто пытался бороться за свободу совести. Духовные власти не могли больше сжигать на кострах и гноить в тюрьмах сторонников ислама и других религий, как это они делали раньше. Но на стороне этих опричников был административно-полицейский аппарат самодержавия, они использовали школу и печать, изгоняли национальный язык, пытались уничтожить национальную культуру.

Насильственная христианизация и русификация вызвали массовый протест народных масс. Этот протест выражался в различных формах: крестьяне не давали средств на содержание духовенства, не посещали церкви, не соблюдали церковных обрядов, они избивали и убивали особо ненавистных им священников и монастырские власти. Одной из форм протеста было массовое отпадение от православия, несмотря на репрессии со стороны духовенства и полиции. Отпадение от церкви приняло особенно большие размеры в 80-х годах XIX в. в Казанской и других губерниях, населенных татарами. Обер-прокурор Синода Победоносцев вынужден был признать, что крестьяне, оставившие православие, по своему духу и обычаю с православием не имели ничего общего. Массовое отпадение от православия и отказ от выполнения церковных обрядов вызвали усиление репрессий со стороны правительства и церкви. В конце XIX и начале XX в. были организованы процессы против тех, кто не желал оставаться в рядах официальной церкви. У удмуртов вырубались их священные рощи, отбирались дети, которые затем помещались в монастыри для воспитания в православном духе; устраивались погромы, избивались те, кто хотел верить по-своему; крестьян подговаривали составлять приговоры о выселении из деревень неугодных духовенству лиц. Такая деятельность духовенства встречала сопротивление народа. Так, в 1901 г. по требованию сарапульского епископа Владимира полицией была вырублена в деревне Ерыксы священная роща. Местные крестьяне-марийцы оказали при этом сопротивление, обратили в бегство священников и полицейских. Для «усмирения» крестьян был послан полицейский отряд, в результате столкновения было ранено 25 человек, а одного крестьянина убили²⁴.

Жестокие меры по насаждению православия среди народов нерусской национальности вызвали резкое осуждение со стороны прогрессивных элементов русского общества. В повести Ф. Решетникова «Подлиповцы» автор, рассказывая о пермяцкой деревне Подлипной, с негодованием говорит об инквизиторской деятельности православного духовенства. Он отмечает, что крестьяне приняли православную веру лишь тогда, когда последовали карательные меры, и что для них православный поп и становой в сущности одно и то же. При появлении того и другого они «прячутся в домах и запирают двери». В повести Н. Лескова «На краю света» и в очерке «Сибирские картинки XVIII в.», основанном на документальных материалах, автор показал миссионерскую деятельность сибирского архиепископа Нила, насаждавшего православие среди народов Севера.

После подавления революции 1905 г. гонения на неправославные и нехристианские религии, особенно на ислам и сектантство, усилились. Духовное ведомство расширило сеть церковно-приходских школ и попечительств, воинствующая пропаганда православия велась также через церковные собрания. В помощь жандармам в рясе были привлечены реакционные и черносотенные элементы, их организации возглавлялись духовенством. Духовенство боролось также с национально-освободительным движением и с этой целью усилило деятельность миссионерских организаций. В 1910 г. совещание миссионеров, этих гонителей веры и душителей религиозной свободы, возглавил председатель совета министров Столыпин. Совещание разработало целую программу по укреплению христианства и по борьбе с мусульманством. В том же году миссионеры собрались на очередной съезд в Казани. «Темные инквизиторы» добились на этом съезде принятия суровых мер против неправославных. Административные органы содействовали им в подавлении свободы совести и стремления к национальной самостоятельности.

В свою очередь и представители мусульманской религии проявляли нетерпимость по отношению к тем, кто исповедовал другую религию, особенно к русским. Проповедью

национализма и религиозного шовинизма представители мусульманской и других нехристианских религий стремились увести эксплуатируемые массы от классовой борьбы.

1. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 59. 90
2. АИ, т. I, № 261
3. П. Будицкий. Крещение остяков и вогулов при Петре I. Харьков, 1893, стр. 71.
4. ПСЗ, т. VII, № 4254.
5. «Русская старина», кн. X, 1878, стр. 309 - 312.
6. С. И. Викторский. История смертной казни в России. М., 1912, стр. 204.
7. Е. Малов. О Новокрещенской конторе. Казань, 1878, стр. 172.
8. Е. Малов. Указ. соч., стр. 165.
9. Н. Б. Никольский. Распространение христианства среди нижегородских чуваш до 1764 г. — «Живая старина», вып. 1 - 2, 1915, стр. 127.
10. Е. Малов. Указ. соч., стр. 60.
11. И. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. I. СПб., 1884 стр. 364.
12. И. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 50 - 56.
13. «Пугачевщина». Сборник документов, т. II. М. 1926 - 1931, стр. 3-5.
14. Там же, стр. 27.
15. Е. Малов. Указ. соч., стр. 203.
16. «Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XV, 1876, стр. 14 - 16.
17. «Исторический вестник», т. XVIII, 1884, стр. 131
18. П. Н. Луппов. Христианство у вотяков. СПб., 1899, стр. 316, 320.
19. А. Трефилов. Очерки по истории дореволюционной марийской школы. М., 1951, стр. 198.
20. А. Базанов. Миссионеры и миссионерские школы на севере. Л., 1936, стр. 9.
21. А. Базанов и Н. Казанский. Школы на крайнем севере. Л., 1939, стр. 48.
22. А. И. Герцен. Сочинения, т. VIII. М., 1956, стр. 562.
23. «Обзор деятельности духовного ведомства православного исповедания за время царствования Александра III». СПб., 1894.
24. А. И. Бобрищев - Пушкин. Суд и раскольники - сектанты. СПб., 1902, стр. 106 - 107.

Глава VI. Отлучение и анафема

Отлучение от церкви как церковное наказание в средние века часто применялось католической церковью. Отлучение (интердикт) налагалось главой католической церкви на целые области и государства, правители которых не желали подчиняться произволу папских сборщиков или отказывались признать папу «главой всего мира». В областях, попавших под интердикт, закрывались церкви, не совершались церковные обряды, жители освобождались от присяги своим правителям.

Православная церковь практиковала отлучение довольно широко, в зависимости от характера и суровости его последствий, оно называлось еще «анафемой», «извержением», «неблагословением», «клятвой». Православная церковь также применяла отлучение не только к отдельным лицам, но и к целым городам и областям. Это был один из способов борьбы за свои привилегии, за церковную и монастырскую собственность, за власть московских князей над феодальными князьями. Посредством отлучения церковь и правительство расправлялись с антицерковными движениями, принимавшими форму ересей и раскола и являвшимися одной из форм социального протеста. Церковное отлучение было орудием борьбы с народно-освободительным движением, а также с Советской властью.

В феодальный период некоторые церковные иерархи активно выступали на стороне московских князей против феодальных княжеств и отлучали от церкви князей, не желавших подчиниться власти Москвы. Так, борясь с псковским князем Александром, митрополит Феогност отлучил его и всех псковичей от церкви до тех пор, пока те не выдадут своего князя на расправу князю московскому. Во время вражды Василия Темного с князем Дмитрием Шемякой митрополит Иона, защищая интересы Василия, обратился в 1448 г. к населению с посланием, в котором он освобождал его от присяги Шемяке. За неподчинение он обещал отлучить от церкви, закрыть все храмы и прекратить совершение церковных обрядов. В том же году митрополит Геронтий «в

последний раз» угрожал отлучением вятичам за нежелание подчиниться московскому князю. «Если не послушаете нас, — писал разгневанный владыка, — и мы вашим игуменам и попам... приказали, чтобы они не благословляли вас... и церкви бы все затворили и от вас пошли бы из земли всей вон». Геронтий предупреждал жителей, что он затворит все церкви и отзовет из их земли всех священников¹.

В 1537 г., в малолетство Ивана IV, князь Андрей Старицкий хотел оставить Москву и уехать во враждебную Москве Литву. Митрополит Даниил послал к князю Андрею своих посланцев с угрозой, что если он выполнит свое намерение, то на него и на жителей его земли будет наложено церковное проклятие. Князю Андрею пришлось смириться.

Последователи новгородско-московской ереси конца XV-начала XVI в., представшие перед церковным судом, в 1490 г. были также отлучены от церкви и преданы церковному проклятию. После разгрома этого антицерковного движения на соборе 1504 г. руководителей ереси Ивана Волка, Курицына, Ивана Максимова, Митю Пустоселова и Некраса Рукавова вместе со всеми сторонниками предали анафеме. Затем их сожгли.

В борьбе с расколом, кроме светского меча, использовалось также отлучение. Церковный собор 1667 г. отлучил от церкви раскольников и предал их проклятию не только в этой жизни, но и в будущей как «еретиков и непокорников». Особо были преданы анафеме расколоучители — протопоп Аввакум, поп Лазарь, дьякон Федор и др. Анафеме подвергались раскольники и при Петре I — их обвиняли при этом в возмущении против гражданского и церковного правительства и поругании церкви.

Отлучение от церкви было также одним из средств защиты церковных привилегий, ее недвижимых имений. Митрополит Киприян в своей грамоте 1395 г., угрожая проклятием «за невнимание и нерадение», уговаривал псковичей не отнимать от церкви земли и села. Игумен киевского Михайловского Златоверхового монастыря Макарий в 1562 г. устрасал своих «обидчиков-разорителей», пытавшихся захватить монастырские земли, церковным проклятием не только в этот век, но и в будущий, «вместе с родом своим».

В период острой борьбы за церковные и монастырские земли, развернувшейся в XV-XVII вв., отлучение от церкви — частая кара. Проклятие с ссылкой на соборные решения надолго вошло в церковный обиход и было включено в «Чин православия».

В XVII в. церковное и монастырское землевладение стало сильно ограничиваться, а в 1764 г. под влиянием массового крестьянского движения церковные имения вместе с населявшими их крестьянами были отобраны.

Секуляризация, т.е. отчуждение церковных и монастырских имений, проводилась не без сопротивления группы церковных иерархов. Возглавлял эту борьбу ростовский митрополит Арсений Мациевич, считавший, что в результате секуляризации церковь «в конец истребится». В 1763 г., когда готовилась секуляризация, Арсений открыто выступил против попыток отобрать у церкви ее имения. В соборной церкви он подверг проклятию «обидящих церкви», имея в виду Екатерину II, по распоряжению которой проводилась секуляризация. У Арсения было даже желание наложить всеобщий интердикт. Но его не поддержали другие иерархи из-за боязни репрессий. За строптивость и неповиновение Арсений жестоко поплатился. Его лишили архиерейского сана и сослали в заключение в Николаевско - Корельский монастырь под «крепкое смотрение». Но и в далекой ссылке Арсений продолжал выступать против правительства, он сочинил особые молитвы о гонениях против церкви. В декабре 1767 г. Арсения расстригли и под именем Андрея Враля сослали на «вечное и безысходное содержание» в ревельский каземат, где он вскоре умер². «Вседомовное» отлучение применялось особенно часто начиная со второй половины XVII в., когда усилились покушения на церковные привилегии. Защищая свои богатства, церковь налагала запрещение на представителей гражданской власти, посягавших на них, а также на целые области, обвиненные в непослушании церкви. Так, в 1681 г. за «преобидение церковного притча» отлучили от церкви сездальского подьячего Толмачева. Ему не разрешалось посещать церковь, а священникам не велено

было приходиться к нему в дом с требами, а также иметь с ним какие-либо дела под угрозой отлучения³. В 1689 г. некоторые новгородские купцы и посадские люди хотели избавиться от подсудности митрополиту, связанной с уплатой пошлин, и с такой просьбой обратились в новгородский приказ. Новгородский митрополит Корнилий пожаловался московскому патриарху Иоакиму, и тот в гневе пригрозил новгородским купцам за непослушание и непокорство вечным проклятием и отлучением от церкви. Купцам пришлось смириться⁴.

В конце XVII в. царский чиновник, боярский сын Яков Елагин стал судить лиц, которые были ранее подсудны сибирскому митрополиту Павлу. Митрополит усмотрел в этом для себя «ругательство» и отлучил Елагина от церкви. Под страхом проклятия гражданам запрещено было всякое общение с опальным Елагиным, что было равносильно гражданской смерти. Елагину пришлось смириться и пойти к митрополиту на поклон. Отлучению подвергались не только рядовые чиновники, но и служилая аристократия, если она посягала на привилегии церкви. Так, в 1697 г. властный сибирский митрополит Игнатий за попытку лишить церковь доходов от судебных пошлин отлучил от церкви царского воеводу Андрея Нарышкина с семьей и стольниками. Нарышкин жаловался царю, но, не найдя поддержки, вынужден был пойти к митрополиту с повинной⁵.

Частые отлучения и запечатывание церквей вносило расстройство в церковную жизнь, поэтому светская власть была вынуждена ограничить право церковных иерархов прибегать к этой мере. По требованию Петра I в текст архиерейской присяги было введено обещание применять отлучение только в исключительных случаях к явным преступникам, «разорителям заповедей божьих или церковным еретикам».

Изданный при Петре I в 1720 г. Духовный регламент пытался определить меру вины, требовавшей церковного проклятия. Анафему и отлучение разрешалось применять за выступления против церкви, ее обрядов и таинств, за «презрение к церкви и безбожие, явное ругательство и посмеяние закона божьего». В дополнение к этому церковному наказанию Духовный регламент ввел еще гражданские последствия отлучения, усилив этим его значение как устрашающего акта. Лица, подвергшиеся отлучению, лишались некоторых гражданских прав, не допускались к торговым делам, они были «словно арестованные». Еще большим ограничениям подвергались лица, преданные анафеме. Духовный регламент сравнивал их с «убиенными», т.е. они лишались всех гражданских прав.

Широко использовалось отлучение и анафема в борьбе с народно-освободительным движением, с восстаниями против феодально - крепостнического гнета и самодержавия.

Крестьянская война 1667-1671 гг. под предводительством Степана Разина была стихийным протестом народных масс против феодально-крепостнической эксплуатации. В восстании принимали активное участие не только русские, но и другие народы — башкиры, татары, чуваша, мари, мордва, стонавшие под двойным гнетом, крепостным и национальным. По призыву Разина восставшие убивали помещиков и их приказчиков, «сажали в воду» царских воевод, заковывали в «железа» ненавистных им дворян, громили их имения, уничтожали крепостные акты, убивали священников. Разгромив восстание и предав его вождей «злой казни» — четвертованию, царь и патриарх шумно отпраздновали победу над восставшими. По словам К. Маркса, «царь был вне себя от радости, и по его приказу агнец божий, московский патриарх предал анафеме Стеньку (бунт его был направлен и против попов!)»⁶. В московском Успенском соборе в присутствии царя и духовенства отслужили благодарственный молебен по случаю разгрома восстания: «Покорал господь бог... врагов и крестопреступников». Торжественные молебствия были проведены повсеместно. Они должны были убедить народ, что на борьбу с восставшими мобилизованы не только царские войска, но и силы небесные. Чтобы внушить народу мысль о Разине как о злейшем враге царя и церкви, Разин — «пагубный волк, страх бога презревший, церковь возмутивший, крестное целование обругавший» — был предан церковной анафеме⁷. Однако несмотря на агитацию церкви и правительства народ сохранил память о Разине и его соратниках как о защитниках народа и борцах против феодального гнета:

И хотя каждый год по церквам на Руси Человека того проклинаят, Но приволжский народ о нем песни поет И с почетом его вспоминает⁸.

Во второй половине XVIII в. крестьянское движение получило еще больший размах. Крестьяне выступали против феодальной эксплуатации, против помещиков и священников, оправдывающих феодальный гнет. Это движение проходило часто под царистскими лозунгами. Вожаки восстания, как «воры и клятвопреступники», призывавшие к неподчинению царской власти, предавались «великому отлучению».

Царскому проклятию подвергли и руководителя крестьянской войны 1773-1775 гг. Емельяна Пугачева. В разгар восстания, в августе 1774г., Синод распространил по церквам особое «увещевание», в котором Пугачев был назван орудием дьявола, поправшим веру и закон, последователем антихриста, ниспровергателем алтарей, разорителем церквей. Казанский архиепископ Вениамин Пуцек-Григорович, призывая крестьян соблюдать верность престолу и помещикам, предал Пугачева церковному проклятию как «нарушителя веры, хулителя и похитителя власти царской». После разгрома восстания церковные инквизиторы приняли участие в суде над его руководителем. Членами суда были епископ Крутицкий Самуил, суздальский епископ Геннадий, архимандрит московского Новоспасского монастыря Иоанн и протоиерей московского Архангельского собора Петр Алексеев, известный своим доносом на русского просветителя Н. И. Новикова. В приговор суда были включены тексты из Священного писания, посредством которых церковники стремились доказать, что царская власть установлена богом и что восстание против нее - тягчайшее преступление против религии. Пугачев и его соратники по этому приговору, освященному авторитетом церкви, были казнены четвертованием, а Синод особым определением предал их церковному проклятию⁹.

Анафема применялась также для защиты установленного при Петре I порядка престолонаследия и для утверждения якобы божественного происхождения царской власти. Тех, кто выступал против самодержавия, помимо сурового наказания подвергали еще царскому проклятию. В 1718 г. майор Степан Глебов выступил против Петра I и его реформ и распространял против Петра и церкви «подметные письма». Глебова пытали горячими угольями и раскаленным железом, били кнутом, а затем посадили на кол на Красной площади. Глебов умер в страшных мучениях лишь через два дня; уже после смерти ему отрубили голову. Через три года Петр вновь вспомнил о своем враге. По его приказанию Синод предал Глебова проклятию, «яко лютейшего благочестия преступника и презирателя и богоненавистника».

Анафема участникам революционных движений, направленных против царизма, сохранилась в «Чине православия» вплоть до Октябрьской революции. Читалась эта анафема так: «Помышляющим, яко православные государи возводятся на престолы не по особливому о них божьему благоволению... а также дерзающим против них на бунт и измену - анафема!»¹¹ Защищая царскую власть и предавая церковным проклятиям участников революционных движений, церковь стремилась отвлечь массы от классовой борьбы и освятить кровавый режим Романовых сказками о якобы божественном происхождении монархии.

Анафема применялась православной церковью как средство борьбы с передовой общественной мыслью, с прогрессивным демократическим движением, с материалистической наукой, с атеизмом. «Отрицающим бытие божие и утверждающим, яко мир сей есть самобытен и вся в нем без промысла божия и по случаю бывает, — анафема!» Так возглашали священники ежегодно во всех соборных церквах в неделю православия. «Чин православия» был вновь пересмотрен в 1869 г. Из «Чина православия», по которому совершалась анафема по политическим и религиозным преступлениям, исключены были имена церковных и государственных противников, которых церковь проклинала каждый год, и оставлена была лишь общая анафема всем борцам за политическую и религиозную свободу.

В начале XX в. православные иерархи вновь прибегли к этому средству борьбы со своими противниками, на этот раз выступая против Л.Н. Толстого и его учения. Толстой вел борьбу с Синодом и всем полицейским аппаратом господствующей церкви, но он не был противником всякой

религии. Подновляя церковное учение, Толстой отвергал признанную казенной церковью обрядность, чем подрывал ее устои, но взамен проповедовал новую, очищенную религию. Он звал рабочих и крестьян к «непротивлению злу насилием», т.е. к отказу от классовой борьбы.

Синод усмотрел в деятельности Толстого «нарушение мира церковного» и отлучил его в 1901 г. от церкви¹². Отлучение было Синодом подготовлено еще в 1890 г., когда Толстой отказался от казенной церкви и открыто выступал против нее. Но церковники не провели сразу это решение в жизнь, опасаясь, что отлучение придаст Толстому ореол мученичества и тем увеличит число его сторонников.

Чествуя память Толстого в статье, опубликованной в газете «Социал-демократ», В. И. Ленин писал в 1910 г., через несколько дней после смерти писателя: «... святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший Синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки»¹³.

Отлучение преследовало цель восстановить против Толстого все темные силы реакции, разжечь к нему ненависть и вражду. Однако злобные выпады духовенства и реакционных элементов не отразились на отношении к Толстому широких масс. Как вынужден был признать обер-прокурор Синода Победоносцев, послание Синода вызвало лишь «тучу озлобления». Толстой с еще большей страстностью обличал церковь и духовенство. «Я убедился, — писал он, — что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения»¹⁴.

Казенная церковь прибегала к отлучению и для борьбы с отдельными сектами. В 1910 г. Синод отлучил от церкви и предал анафеме основателя секты иоаннитов, «братца» Иоанна Колоскова, подвизавшегося в подмосковном районе, у которого было немало сторонников среди отсталых рабочих подмосковных фабрик. Этой мерой Синод хотел приостановить рост сектантства среди рабочих и крестьян-отходников. Но репрессии по отношению к «братцу» (он подвергся аресту за устройство религиозного собрания) и предание его анафеме вызвали обратный результат, о чем с сокрушением писали московские фабриканты во главе с А. И. Морозовым московскому генерал-губернатору, настаивая на прекращении гонений на сторонников «братца» в интересах успокоения рабочих-отходников.

В 1912 г. отлучению от церкви по собственному настоянию подвергся выдающийся русский математик академик А. А. Марков (1856-1922). Марков писал, что он не усматривает существенной разницы между иконами и идолами и не сочувствует религиям, которые, подобно православию, поддерживаются огнем и мечом. Смелое выступление академика Маркова против религии и церкви было отмечено большевистской «Правдой»¹⁵.

Духовные власти грозили анафемой всем «неправославномыслящим», о чем они не раз сообщали в церковной печати и с церковных амвонов. Защищая эту меру воздействия на массы, царское законодательство лишало лиц, подвергшихся отлучению, некоторых гражданских прав, в частности отлученных не допускали в качестве свидетелей на суде.

В период борьбы с Советской властью церковные иерархи вновь обратились к анафеме как испытанному средству борьбы с революцией. Октябрьскую революцию церковь встретила с непримиримой враждебностью. Происходивший в Москве в дни захвата большевиками власти поместный церковный собор встал на путь контрреволюции и призвал к этому все православное духовенство. Под флагом защиты религии и церкви от большевиков духовенство объединилось с контрреволюционными организациями, выступавшими против молодой Советской республики. Мобилизуя контрреволюционные и малосознательные элементы на борьбу с властью Советов, церковные иерархи стали предавать анафеме Советскую власть и всех, кто ее поддерживал. В послании от 19 января 1918 г. патриарх Тихон обвинил большевиков в том, что они будто бы

организовали гонения на церковь. Он предал большевиков церковному проклятию, назвав их «извергами рода человеческого». Тихон призывал верующих восстать против Советской власти, «на защиту оскорбляемой и угнетаемой церкви», и, если окажется нужным, «пострадать за дело Христово».

Обращаясь «к верным чадам православной церкви» и ссылаясь на власть, якобы предоставленную ему богом, Тихон запретил верующим и духовенству входить в какое-либо общение с представителями Советской власти. Церковный собор одобрил послание Тихона. Церковный собор предлагал не подчиняться декрету об отделении церкви от государства и угрожал за непослушание интердиктом. В воззвании от 22 января 1918 г. к духовенству и верующим он уговаривал церковников и верующих не отдавать представителям Советской власти церковные ценности, рассматривать их как «грабителей и захватчиков», а имена их сообщать церковным властям для предания анафеме. Зная, что мероприятия Советов во многих местах встретят полное сочувствие трудящихся, собор предлагал в этих случаях отлучить от церкви всех местных жителей, закрывать церкви и не совершать никаких церковных треб. Для прекращения интердикта жители, поддерживавшие декрет, должны были «покаяться», а главное — добиться возвращения церкви изъятых ценностей. Церковный собор стремился организовать вооруженное сопротивление проведению декрета в жизнь. С этой целью вокруг церкви контрреволюционно настроенные элементы группировались в особые православные братства. 25 января 1918 г. церковный собор вновь принял решение об отлучении от церкви сторонников проведения декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Собор объявил декрет «злостным покушением на весь строй жизни православной церкви, актом открытого против нее гонения». «Всякое участие в издании сего враждебного церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь, — писал собор, — несовместимо с принадлежностью к православной церкви и навлечет на виновных кары вплоть до отлучения от церкви»¹⁶.

В августе 1918 г. была издана инструкция по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства. Инструкция эта вызвала бешеную злобу церковных иерархов. Требуя от Советского правительства отказа от проведения декрета, собор обратился к верующим с призывом выступать против Советской власти.

Проведение декрета в жизнь называлось собором «беззаконным захватом и насилием». Собор запретил верующим принимать участие в передаче церковных ценностей представителям Советской власти. В церквях, где такая передача была произведена, должны были прекращаться церковные службы. «Никто из православных христиан, — заканчивалось обращение собора, — под страхом церковного отлучения не должен входить в соглашение с советскими властями о принятии от них храмов и священных предметов». Собор настаивал на проведении интердикта в тех деревнях и селах, где трудящиеся отказались от выступления против мероприятий Советской власти¹⁷.

Некоторые иерархи, члены собора, опасались, что, зовя народ на «исповедание веры», они не встретят сочувствия широких масс. Мысль о всеобщем интердикте была оставлена. В отдельных местах, однако, интердикт проводился, но не дал тех результатов, которые ждали от него церковники, так как трудящиеся массы были на стороне Советской власти.

Таким образом, на протяжении многих столетий отлучение и анафема использовались православной церковью, как и католической инквизицией, для защиты самодержавия и привилегий церкви, для борьбы с прогрессивным и революционным движением. Отлучение и анафема были инструментом политики эксплуататорских классов против народа и освящали ее авторитетом бога и церкви.

1. АИ, т. I, № 98.
2. М. С. Попов. Арсений Мациевич и его дело. СПб., 1912, стр. 376.
3. ААЭ, т. IV, № 249.
4. Доп. АИ, т. V, № 186.
5. Доп. АИ, т. XII, № 86.
6. К. Маркс. Ст. Разин. — «Молодая гвардия», кн. I, 1926, стр. 125.

7. ПСЗ, т. I, № 503.
8. Н. А. Вроцкий. Утес Стеньки Разина. — В кн.: В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1955, стр. 148.
9. «Чтения ОИДР», кн. I, 1872, стр. 172.
10. «Русский архив», кн. II, 1871, стр. 443.
11. «Последование в неделю православия». СПб., 1869, стр. 25 - 29.
12. Текст отлучения опубликован в журнале «Церковные ведомости», № 8, 1901.
13. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 22.
14. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 34, 1952. стр. 247.
15. «Правда», 19. IV 1912 г. Документы об отлучении академика А. А. Маркова от церкви опубликованы в сб. «Вопросы истории религии и атеизма», № 2. М., 1954, стр. 397 - 411.
16. «Деяния поместного церковного собора 1917 - 1918 гг.» кн. XIX, стр. 72.
17. «Деяния поместного церковного собора 1917 - 1918 гг.», кн. VI, вып. 1, стр. 4 - 5, 37, 72.

Глава VII. Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы

Представители современной православной церкви, осуждая расовую дискриминацию, стараются уверить, что расистская идеология враждебна христианству и что «любая форма сегрегации, основывающаяся на различии расы, цвета кожи или народности, противоречит Евангелию и несовместима с христианским учением о человеке»¹. В подтверждение они ссылаются на Ветхий и Новый заветы и на свидетельства отцов церкви. Уже в так называемой библейской таблице народов (10-я глава книги Бытия), уверяют они, есть «глубочайший смысл — исповедание единства и братства всего человечества». Ветхозаветное учение о равенстве людей, по их словам, нашло свое завершение в Евангелии, в словах апостола Павла, что во Христе «нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа».

Представители современной православной церкви стараются доказать, будто не только христианство вообще, но и православие в частности неизменно выступало против неравенства народов, против признания отдельных народов неполноценными, так как такое учение, по их словам, нарушало бы главную заповедь Христа о любви к людям, разрушало бы дело спасения, ради которого учреждена церковь².

В действительности было совсем не так. Критикуя подобные взгляды представителей современной церкви, усердно распространявшиеся в церковной печати, В. Д. Бонч-Бруевич писал, что слова «несть эллина и иудея» надо менять и говорить, что есть эллин и иудей, ибо того желает христианский православный царь, а за ним попы, министры, дворяне, капиталисты, полиция, черносотенцы³. Подобно тому как на Западе католическая и лютеранская церковь разжигали ненависть к народам, исповедовавшим другую религию, и воспитывали народ в духе религиозной нетерпимости, так и в России православная церковь проповедовала нетерпимое отношение к иностранцам, приезжавшим в Россию, к их религиям, утверждая, будто лишь православная религия является истинной. В Москве долгое время не разрешали строить лютеранские церкви, а ранее построенные были разрушены, их алтари выброшены на поругание. Православные церковники рассматривали протестантство как незаконное уклонение от «истинной» церкви. Протестантство они называли «еретическим», а его основателя Лютера «службой антихриста, самовольным похитителем учительского права».

Враждебное отношение православной церкви к протестантству хорошо выразил московский патриарх Филарет, когда во время сватовства Михаила Романова к племяннице шведского короля в ответ на требование послов иметь в Москве свою церковь ответил: «Костелы иных вер в Московском государстве никогда не бывали и впредь то статья не может, потому что то нашей вере православной противно»⁴. Для борьбы с проникновением в Московское государство западных идей и просвещения архимандрит московского Новоспасского монастыря Игнатий по поручению патриарха Никона составил против лютеран особое «Слово», в котором, разжигая религиозную нетерпимость, называл последователей Лютера «проклятыми еретиками и развратителями», а

лютеранские церкви — «вертепами разбойничьими». Игнатий настаивал на разрушении лютеранских церквей, а лютеран предлагал изгнать из России⁵. Против лютеран и катехизиса Лютера было направлено и послание патриарха Адриана (1696 г.). В составленном им «Православном исповедании веры» патриарх обвинил иностранцев в том, что они, как волки в овечьих шкурах, вошли в русскую землю и начали тайком вносить свои обычаи и обряды. Подобно другим представителям церкви Адриан старался помешать проникновению в Россию западных идей, сеял недоверие и неприязнь к вере иностранцев. Примером для него было нетерпимое отношение католиков к протестантам и протестантов к католикам, а тех и других к православию.

Нетерпимость православного духовенства к другим религиям не раз отмечали иностранцы, посещавшие Московское государство. Вот что писал в «Записках о Московии» немецкий дипломат и путешественник С. Герберштейн: «Московиты хвалятся, что они одни только христиане, а нас осуждают как отступников от первобытной церкви и ее установлений». Эту нетерпимость подметил и иностранец Д. Флетчер в своем сочинении «О государстве русском» (1591 г.).

Только в обстановке такой религиозной нетерпимости могло возникнуть дело Квирина Кульмана, закончившееся сожжением его как еретика. Квирин Кульман родился в 1651 г. в Бреславле и был последователем протестантского мистического учения «башмачника» Бема и других мистиков, казненных ранее в Саксонии, Венгрии и Пресбурге за пропаганду учения, противного господствующей лютеранской церкви. Кульман отвергал светскую науку, всюду видел господство антихристианского духа. В его произведениях, как отметили московские переводчики, были «многие еретические и богомерзкие дела», проклинал римский папа и вся римская вера, содержались «злоплевельные и бунтующие массы мысли».

Приняв учение своих учителей, Кульман, приехав в Москву, стал распространять печатные листы, в которых «содержались пророчества странные и еретические». Доносы на Кульмана сделали отличавшийся своей нетерпимостью московский лютеранский пастор Иоахим Мейнека, а также иезуиты, мстившие Кульману за раскрытие политического заговора, в котором они участвовали. Еретическим учением Кульмана заинтересовался и патриарх Иоаким — непримиримый противник проникновения в Московское государство западноевропейских идей, светских наук. По настоянию патриарха Кульман был арестован вместе со своим горячим сторонником купцом Кондратием Нордерманом. Кульмана и Нордермана обвинили в том, что они еретики и чернокнижники, а писания их «безумные, злоплевельные и ложные, христианской вере вредительные». Кульмана и Нордермана трижды пытали, жгли клещами и дали каждому по 25 ударов кнутом. Но пытки не сломили их мужества. Они продолжали говорить, что в их учении нет ничего противного православной вере и интересам Московского государства. По настоянию патриарха Кульмана и Нордермана как «ложных пророков», за «богоотступничество и отрицание власти государей» приговорили к казни. 4 октября 1689 г. их доставили из тюрьмы, где они содержались, на городскую площадь и сожгли в срубе. Вместе с ними были сожжены и их «еретические и богомерзкие хульные книги и письма». Вместе с Кульманом и Нордерманом собирались еще сжечь живописца Генина, но он, находясь в тюрьме и не видя для себя избавления, повесился. После казни в Новгород и Псков по настоянию патриарха Иоакима были отправлены грамоты о задержке иноземцев, желавших приехать в Москву, с тем, чтобы недопустить проникновения иноземного влияния⁶.

Предав казни Кульмана и Нордермана, церковь и государство тем самым пытались защитить «чистоту» лютеранства, хотя с распространением его они боролись всеми средствами, не исключая и смертной казни. Так, в 1715 г. за переход из православия в протестантство судили крестьянина Унруда. Ему вырвали язык, затем отсекали руки, а под конец голову. За оставление православия судили в 1696 г. и Якова Янсена. Это был голландский матрос, поступивший на русскую службу и принявший православие. Во время первого азовского похода Янсен перешел на сторону турок и принял мусульманство. По требованию Петра турецкие власти выдали перебежчика. Янсена привезли в Москву скованным, с петлей на шее, поставили под виселицей и сделали надпись: «Сей злодей веру свою переменял четырежды, изменник стал богу и человеком, католик сей стал протестант, потом грек, а вконец магометанин». Янсену изломали колесом руки и ноги, затем отсекали голову и насадили ее на кол⁷.

Несмотря на разжигание ненависти к иностранцам-иноверцам, многие москвичи пытались завязать с ними дружеские отношения и перенять у них практические знания. Интересна в этой связи жалоба матери на сына Кондрата, с которой она обратилась к московскому патриарху. Религиозная женщина жаловалась на своего сына, что он, «забыв страх божий, в церковь божью не ходит, отца духовного не имеет, с иноземцами некрещенными водится». Любопытного юношу по распоряжению патриарха били батогами и сослали под начал в московский Симонов монастырь⁸.

Непримиримо относилась православная церковь и к католической религии, тем более что католицизм вел воинствующую политику по отношению к православию и даже лелеял планы обращения России в католичество (разработанные папским дипломатом Антонием Поссевиным). В западных областях Белоруссии и Украины католическая церковь учиняла свирепые гонения на национальную культуру и православие, захватывала православные церкви, устраивала нападения на православные крестные ходы, закрывала русские школы, организовывала религиозные процессии, оскорблявшие религиозные чувства православных. Широкое развитие получили братства, которые вели шовинистическую пропаганду.

Московское правительство не допускало приезда в Москву сторонников «латинской» веры. Под угрозой смертной казни купцам и торговым людям, приезжавшим в 1634 г. из Голштинии (герцогство в Северной Германии) в Москву, запрещалось привозить и держать у себя католических священников и учителей латинской веры. Иезуитов и католических священников, приезжавших тайно, как сообщал саксонскому правительству пастор Грегори, хватали, ссылали в Сибирь или казнили. О враждебном отношении к католикам писал в 1661 г. посол австрийского императора Леопольда А. Мейерберг. В его путевых записках мы читаем: «Русские всех приверженцев латинской церкви называют погаными; к римскому же первосвященнику они питают еще такую ненависть, что никогда не хотели дозволить свободного богослужения проживающим в Москве католикам»⁹ Не разрешая иностранцам-католикам строить костелы и открывать школы, московское правительство и церковь обвиняли их в том, что они «живут противно», пропагандируют свою веру, печатают на русском языке свою литературу «на прелесть и ссору», привлекают в свои школы русских людей, подрывают авторитет патриарха и «чинят противность благочестию». Духовные власти считали католиков «сквернейшими и лютейшими из всех еретиков», так как они «прияли» в свой закон «проклятые ереси всех древних вер».

По инициативе папы Климента VIII была выдвинута идея объединения православной церкви с католической на Украине и в Белоруссии. По Брестской унии 1596 г. православная церковь Польши и Литвы должна была признать главенство римского папы, что вызвало ожесточенную борьбу украинского и белорусского народов западных областей против гнета панской Польши и унии, освящавшей этот гнет. В западных областях начались массовые гонения крестьян, не желавших принять унию.

Оказывая сопротивление проникновению в Россию западной культуры и объявляя ее еретической, православное духовенство насаждало неприязнь и вражду ко всему западному, запрещало общение с католиками. По настоянию патриарха Иоакима в 1690 г. созвали церковный собор, на котором обсуждалась покаянная исповедь духовника царевны Софьи Сильвестра Медведева. Собор осудил сторонников латинской веры. В своем завещании Иоаким также умолял царя не допускать проникновения в Россию католической пропаганды, не позволять строить костелы и беречь чистоту православия, запретить русским дружить с иностранцами-иноверцами¹⁰.

Распространявшаяся церковниками вражда к католикам нашла отражение и в церковной литературе. В «Слове на латинов и лютеров» католики обвинялись в том, что они несут «явную прелесть и соблазн и претыкание православным». Русские купцы жаловались на иностранцев, которые захватывают русские рынки, а они «приходят в последнюю нищету». Защищая интересы купцов, автор «Слова» архимандрит Игнатий настаивал на изгнании всех иностранных купцов - католиков из России, потому что они «благочестие русское подкрасти хотят изветом купечества своего и гостинства». О гонениях, которым подвергались в Московском государстве католики, и о непримиримости к ним церковников писал и католический дьякон Петр: православные-де священники «вместо евангелия огнем и вместо апостола кнутом просвещают»¹¹.

Лишь в 1735 г. правительство и церковь были вынуждены разрешить католикам свободное отправление церковных служб. Однако проповедь католической религии и обращение православных в католичество по-прежнему запрещались под угрозой жестоких наказаний. Помещики - дворяне, переходившие в католичество, особенно в первой половине XIX в., лишались своих имений. Это не мешало, впрочем, Екатерине II и Павлу I использовать католиков - иезуитов как реакционную силу, которая помогла царизму держать массы в узде и бороться с вольнодумными идеями.

В свою очередь, католическая церковь насильственно обращала в католичество крестьян, особенно в западных и юго-западных областях, уверяя, что переход в католичество производится «добровольно». А в Астрахани образовалась даже армяно-католическая уния и существовала римско-астраханская проповедническая миссия, развившая в 50-х годах XVIII в. значительную деятельность. По настоянию Синода миссия была закрыта, католики - миссионеры высланы.

С критикой религиозной нетерпимости, проявляемой духовными властями по отношению к тем, кто не хотел верить так, как учила православная церковь, выступил Н. Г. Чернышевский. «Читая свирепые советы отнять все политические права у иноверцев, — писал он, — читая фанатическое правило, что кто католик, тот уже не может считаться настоящим славянином, мы воображали, что слушаем извергов фанатизма, духовных потомков Торквемады и герцога Альбы»¹².

Религиозная нетерпимость проявлялась также и к евреям. Уже в 1563 г. при взятии войсками Полоцка всех евреев по приказу Ивана IV в «воду пометали», только немногих, принявших православие, пощадили. В Смоленске евреев сжигали на кострах. О бесчеловечной расправе с евреями как с «врагами веры Христовой» рассказывает иностранец Петрей де Эрлезунд. По его словам, при царе Иване IV евреев, не желавших креститься, сжигали живыми, либо вешали и в воду бросали¹³.

Преследования евреев производились часто по инициативе и настоянию духовенства. Евреям не разрешалось открыто исповедовать свою веру, делались попытки изгнать их из пределов Московского государства. Но расширение торговых связей и развитие промышленности вынуждали правительство и церковь мириться с мыслью, что евреи, как и все другие народы, населявшие Россию, необходимы для ее блага и развития. В XVIII в. реакционные силы при поддержке духовенства вновь попытались изгнать евреев из России, но за них вступились помещики и купцы, тесно связанные с евреями торговыми делами.

Православное духовенство разжигало религиозную рознь и стремилось вызвать у народа вражду к евреям, как это оно делало и по отношению к народам других национальностей и религий. Духовные власти проповедовали, что евреи — «род строптивый, изуверный, враги христиан», что их нельзя назвать добрыми людьми, хорошими гражданами. Иудейская вера считалась «лжеучением». Евреям запрещалось совершать церковные службы, против них организовывались гонения, духовенство подымало на евреев и светский меч. Так, ректор киевского духовного коллегиума Иоанникий Галатовский, посвятив свою книгу «Мессия праведный» царю, призывал уничтожить евреев, как врагов Христовых: «Мы, христиане, — писал он, — должны ниспровергать и сжигать еврейские божницы, отнимать синагоги и обращать их в церкви, изгонять из городов, убивать мечом, топить в реках»¹⁴.

В 1731 г. в Россию прибыл по вызову правительства врач Саншес, имевший мировую славу. Он жил в России немало лет, был придворным врачом и членом Академии наук. Но ему не могли простить еврейского происхождения. В 1749 г. он был исключен из Академии, а затем изгнан из России. Как сказано в постановлении об его высылке, императрица хотела, чтобы члены ее Академии были добрые христиане, а не люди, которые «сражались под моисеевым законом»¹⁵.

Пропаганда иудейской религии, а тем более переход в нее, рассматривались как тяжкое преступление и сурово наказывались. В 1737 г. в Синод прислали донос о проступке против религии и церкви отставного капитана морского флота и крупного помещика Московской губернии Возницына. Доносчиком была его жена, мстившая мужу за то, что он бросил ее. Преступление Возницына состояло в том, что он, будучи за границей, оставил православие и принял иудейство. По

предписанию Синода Возницына арестовали и поместили в тюрьму Московской синодальной конторы, где держали в кандалах под строгим караулом, отдельно от других заключенных. Следствие велось инквизиторскими методами архимандритом Богоявленского монастыря Герасимом и коломенским епископом Вениамином. Под пытками Возницын сознался, что перешел в иудейство при участии крупного смоленского купца Боруха Лейбова. По распоряжению императрицы Анны Возницын и Лейбов за их «богопротивные вины» 3 июля 1738 г. были сожжены, манифест об их «винах» был составлен Синодом. В награду за донос жена Возницына, кроме своей части наследства, получила еще 100 душ крепостных крестьян¹⁶. Инквизиционный акт, совершенный над Возницыным, осужден был Кантемиром в сатире, написанной в год сожжения Возницына:

Вот-де за то одного и сожгли недавно, Что зачитавшись там, стал Христа хулити явно¹⁷.

В XIX в. преследования евреев не прекратились. Правительство и церковь продолжали разжигать национальную рознь и религиозную нетерпимость. Евреям запрещалось держать у себя в услужении православных, евреи были ограничены в гражданских правах, их изгоняли из деревень, обвиняя в том, что они оказывают на крестьян дурное влияние. Для евреев была установлена черта оседлости, они облагались дополнительными налогами, христианам - ремесленникам запрещалось работать на них, крестьянам — обрабатывать их земли. На военной службе евреев стремились воспитывать в православном духе, их силой обращали в православие¹⁸. Еврейских детей отнимали от родителей и направляли для службы в армию, где их насильно крестили, загоняли далеко от родины и подвергали бесчеловечным истязаниям.

А. И. Герцен в «Былом и думах» описал страдания детей - кантонистов, которых он встретил в пути. Партия еврейских детей от 8 до 13 лет шла в Пермь; на полдороге офицер, сопровождавший их, получил приказание гнать детей в Казань. «Беда да и только, — сказал А. И. Герцену офицер, — треть осталась на дороге. Половина не дойдет до назначения». Описывая эту встречу, Герцен не мог сдержать своего возмущения бесчеловечным поведением властей. «Какие чудовищные преступления безвестно схоронены в архивах злодейского, безнравственного царствования Николая I», — писал он¹⁹.

Еврейским юношам после окончания военной службы не разрешалось вернуться в иудейство. Так, еврейский юноша кантонист Кауфман был насильно крещен, но не переставал считать себя евреем. Когда закончилась военная служба и он вернулся к вере своих отцов, над ним учинили суд за вероотступничество. Для «вразумления» его отправили в монастырь, лишив всех гражданских прав, а над имуществом учредили опеку²⁰.

Чтобы отвлечь народ от политики, от участия в классовой борьбе, его внимание пытались сосредоточить на еврейском вопросе. Евреев обвиняли в том, что они будто бы неуважительно относились к православной церкви и религии, к ее обрядам. Так, в 50-х годах XIX в. в местечке Полонном Волынской губернии евреев обвинили в «святотатственном посмеянии» над христианством и подвергли гонениям.

На почве антисемитской пропаганды, которую разжигали реакционные элементы и представители церкви, в начале XIX в. возникали кровавые наветы на евреев, обвинения в совершении ими ритуальных убийств. В 1823 г. в городе Велиже Витебской губернии 42 еврея были брошены в тюрьму по обвинению в убийстве нескольких христианских мальчиков с ритуальной целью. Стараясь разжечь национально-религиозную рознь, представители православной церкви подбирали «доказательства» применения евреями крови христианских детей. Минский архиепископ Анатолий первый доставил «материалы» о мифическом «отроке Гаврииле», якобы замученном евреями еще в 1690 г., а киевский митрополит Евгений выискал соответствующие выписки из польской ритуальной литературы. С обвинениями против велижских евреев выступил также местный священник Тарашкевич, пытавшийся доказать враждебность евреев христианству и их «тиранское злодейство». В качестве «сведущего лица» был привлечен и ксендз Паздерский. Запечатав велижскую синагогу, следственная комиссия, исполняя волю Николая I «исследовать все до корня», признала виновными в ритуальных убийствах не только велижских евреев, томившихся в тюрьме в течение восьми лет, но и всех евреев вообще. Осудил велижских евреев и Сенат, и только

Государственный совет отменил постыдный приговор, признав обвинение евреев в ритуальных убийствах несостоятельным.

Разжигание национальной и религиозной вражды к евреям было и в дальнейшем одним из средств политической борьбы правительства и церкви. Разоблачая антисемитизм как позорное орудие черной реакции, В. И. Ленин писал, что политике разжигания религиозной вражды, раздробленности пролетарских сил, проявляющихся в черносотенных погромах, необходимо противопоставить «спокойную, выдержанную и терпеливую... проповедь пролетарской солидарности и научного мирозерцания»²¹.

Для поддержания религиозной и национальной вражды к евреям в 1911-1913 гг. в Киеве был организован постыдный судебный процесс над приказчиком кирпичного завода М.Бейлисом по обвинению в убийстве им христианского мальчика Андрея Ющинского, фактически убитого шайкой уголовных преступников. На предварительном следствии в качестве экспертов-богословов допрашивались представители церкви: архимандрит Амвросий и профессор Киевской духовной академии священник Глаголев. В течение двух с половиной лет, пока продолжался процесс, духовные власти вели агитацию за кровавую расправу и издавали шовинистическую литературу, стараясь вызвать еврейские погромы. Эту позорную кампанию возглавляли церковные иерархи — волынский архиепископ Антоний Храповицкий, киевский митрополит Флавиан и саратовский епископ Алексей. Финляндский архиепископ Сергей также писал о возможности ритуальных убийств, а протопресвитер военного и морского духовенства Евгений Аквилонов в своей книге «Иудейский вопрос», доказывая возможность ритуальных убийств, требовал лишения евреев политических прав. Отражая мнение церковных верхов, орган Петербургской духовной академии «Церковный вестник» в ряде статей выступил против возвания передовой русской интеллигенции во главе с М. Горьким и В. Г. Короленко, организовавшей Комитет для борьбы с антисемитской политикой правительства и церкви.

Помимо православного духовенства в чловеконенавистнической кампании приняли активное участие и представители католической церкви. На суде основная роль была поручена ксендзу Пранайтису — «знатоку» по ритуальным убийствам. В. Д. Бонч-Бруевич, активный участник судебного процесса, с негодованием писал об этом мрачном представителе католической инквизиции: «В черной сутане, бритый, хитрый, мстительный и жестокий, он выступал здесь на суде, при свете XX в., выступал так, как когда-то выступали его предки в давно прошедшие, полные ужаса и крови времена. Потомок тех, кто замучил и сжег сотни тысяч людей, ксендз Пранайтис пришел в русский суд и заявил требование на еврейскую кровь. Кровь, пролитая духовными его отцами, подмывает и тревожит его и ему самому нужно хоть чем - нибудь удовлетворить эту жажду крови, жажду ненависти и чловеконенавистничества»²².

После провала процесса пропаганда национальной и религиозной вражды не прекратилась. Духовные власти продолжали издавать антисемитскую литературу, и предприняли попытку сфабриковать «святых» — якобы замученных евреями христианских мальчиков. В апреле 1914 г. состоялось торжественное «прославление», т.е. канонизация, «мученика» Гавриила Заблудовского, якобы убитого евреями в XVII в. В постыдном торжестве участвовали 60 священников во главе с епископами — холмским Евлогием, волынским Антонием и минским Митрофаном.

Вскрывая политический смысл антиеврейских процессов и деятельности духовенства в защиту кровавых наветов, В. И. Ленин писал: «Дело Бейлиса еще и еще раз обратило внимание всего цивилизованного мира на Россию, раскрыв позорные порядки, которые царят у нас. Ничего похожего на законность в России нет и следа. Все позволено администрации и полиции для бесшабашной и бесстыдной травли евреев — все позволено вплоть до прикрытия и сокрытия преступления»²³.

В обстановке травли народов нерусской национальности возникло и «мултанское дело», когда 10 крестьян-удмуртов, жителей села Старый Мултан Вятской губернии были ложно обвинены в принесении человеческих жертв языческим богам. На суде, происходившем в 1892 г., в качестве «сведующих лиц» выступали и местные священники. Было осуждено семеро крестьян-удмуртов, а

все население Мултана было обвинено в участии, укрывательстве и содействии. И в этом позорном деле духовенство выступило с защитой человеконенавистнических идей. Священник Н. Н. Блинов в качестве «специалиста» по удмуртской религии написал статью, в которой он поддерживал версию о человеческих жертвоприношениях удмуртов. Это вызвало резкую отповедь В. Г. Короленко, обвинившего автора статьи в том, что он поддерживает «полицейскую инквизицию». Отповедь В. Г. Короленко не смутила, однако, инквизитора в рясе, и с обвинениями по адресу удмуртов он выступил на X съезде естествоиспытателей и врачей, а затем выпустил книгу «Языческий культ вотяков». В этой книге он продолжал травить удмуртов. «Труд» священника Блинова подвергся резкой критике В. Г. Короленко. В статье «Из Вятского края», помещенной в журнале «Русское богатство», писатель со свойственной ему страстностью разоблачил этого мракобеса в рясе, защищавшего и пропагандировавшего человеконенавистнические взгляды, разделявшиеся также и обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. Как сообщил А. Ф. Кони в статье «Короленко и суд», Победоносцев внимательно следил за мултанским делом, стараясь дать ему такое направление, чтобы обеспечить обвинительный приговор.

Благодаря вмешательству прогрессивной интеллигенции во главе с В. Г. Короленко позорный приговор, осудивший целый народ, был отменен, и удмурты, томившиеся в тюрьме в течение четырех лет, получили свободу. Осуждая человеконенавистнические порядки царского правительства, В. И. Ленин писал: «Наше христианское правительство... дико травит лиц, не принадлежащих к господствующей религии»²⁴.

По переписи 1897 г. население России составляло 126 млн. Из них православных насчитывалось 87 млн., т.е. 70%. Остальные были: раскольники — 2 млн., католики — 11 млн., магометане — 14 млн., евреи — 5 млн.²⁵ В царских законах торжественно провозглашалось, что свобода веры — достояние не только православия, ни и других религий. «Пусть все народы, в России пребывающие, — говорилось в законе, — славят бога всемогущего разными языками... благословляя царствование российских монархов и моля творца вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы империи». Однако только одной православной церкви было предоставлено право свободно исповедовать свою религию. Другим религиям пропаганда своего учения была запрещена, тем более запрещался переход в эти религии из православия. Как указывал Ф. Энгельс, «русское правительство... у себя в стране не терпело никакой другой религии, кроме православной, и карало вероотступничество как преступление»²⁶.

Верховным защитником и хранителем догматов православной церкви и блюстителем прав веры провозглашался царь, повиноваться которому, как сказано в законах, повелевал сам бог. Православная церковь объявлялась национальной, русской церковью. От русских людей требовалось, чтобы они «любили эту церковь вместе с царем и царицей превыше всего». Обязанность защищать православную церковь и ее интересы возлагалась на все гражданское и военное начальство. Уважение к православной церкви, ее обрядам, к церковному «благочинию» поддерживалось с помощью полиции. Полиция следила за тем, чтобы при выполнении церковных обрядов не нарушалось благочиние, чтобы народ чтит праздничные и воскресные дни, чтобы раскольники и сектанты не занимались пропагандой своего учения. Она же защищала священников от всяких обид и оказывала им помощь. Под надзор гражданского начальства и полиции было поставлено и соблюдение церковных обрядов, в частности исповеди. За оскорбление церковного благочиния, за неуважительное отношение к церковным обрядам, особенно за богохульство, виновные сурово наказывались, их лишали гражданских прав и ссылали в каторжные работы сроком до 15 лет. Православный священник как представитель государственной церкви пользовался особой защитой закона: за оскорбление священника словами назначалось тюремное заключение до восьми месяцев, за избиение ссылали в отдаленные места Сибири, за причинение священнику увечья назначалась каторга от 4 до 10 лет. Если же в результате побоев священник умирал, то виновный ссылался на каторгу сроком от 12 до 15 лет.

Православной церкви предоставлялось право без всяких стеснений порицать другие религии, ей оказывала в этом содействие полиция. Выступление же против православной церкви, против ее обрядов считалось кощунством. Такое выступление наказывалось тюрьмой или ссылкой в каторжные работы. Переход из православия в другую религию, хотя бы и христианскую,

рассматривался как большое преступление и сурово наказывался. За религиозную пропаганду и «совращение» в Уложении о наказаниях 1897 г. была целая система взысканий, вплоть до каторги. Как отмечалось выше, отступники от православия еще в XVIII в. подвергались смертной казни, а имущество их конфисковалось. По Уложению о наказаниях 1897 г. за переход в магометанство, еврейство или другую нехристианскую религию виновные лишались гражданских прав и ссылались на каторгу на 8-10 лет. За совращение из православия в другую христианскую религию виновных лишали гражданских прав и ссылали в Сибирь. За проповедь или сочинение, направленное к совращению из православия в другую религию, полагалась тюрьма сроком до четырех лет и ссылка в Сибирь. Уложение о наказаниях 1903 г. немногим отличалось от Уложения 1897 г. Оба они имели прямую связь с Уложением 1649 г. Нетерпимость, контроль над совестью и суровые наказания за несоблюдение законов о вере — вот что характерно для них.

Несоблюдение жестоких законов, подавлявших свободу совести, квалифицировалось как восстание против власти. Характеризуя эти законы, В. И. Ленин в статье «К деревенской бедноте» писал в 1903 г.: «Только в России да в Турции из европейских государств остались еще позорные законы против людей иной, не православной веры, против раскольников, сектантов, евреев. Эти законы либо прямо запрещают известную веру, либо запрещают распространять ее, либо лишают людей известной веры некоторых прав. Все эти законы — самые несправедливые, самые насильственные, самые позорные. Каждый должен иметь полную свободу не только держаться какой угодно веры, но и распространять любую веру и менять веру. Ни один чиновник не должен даже иметь права спрашивать кого ни на есть о вере; это дело совести, и никто тут не смеет вмешиваться»²⁷.

Преследования за несоблюдение этих позорных законов носили массовый характер. Об этом говорит хотя бы количество уголовных дел по религиозным преступлениям. Например, за 1842 - 1846 гг. зарегистрировано 3192 дела, а за 1847-1852 гг. — 3971 дело. Более подробные данные, извлеченные из официальных источников, приводятся ниже²⁸.

	1842 - 1846 гг.	1847 - 1852 гг.
Привлечено к суду	12973	26306
Присуждено к наказанию плетьюми, к ссылке в Сибирь, в каторжные работы, в крепость и другие места	1020	938
Заклучено в тюрьмы на разные сроки	1992	1688
Отдано под надзор полиции	847	1931
Отдано под надзор духовенства для увещания	8520	17363
Обращено в православие	1266	1420

Из этих данных видно, что преследование за веру в 1847-1852 гг. значительно активизировалось. Наказание плетьюми, ссылка в каторжные работы, в отдаленные места Сибири и Закавказья, тюрьмы — вот чем расплачивались народные массы, отказывавшие верить так, как требовали царское правительство и церковь.

Во второй половине XIX в. религиозные преследования усилились. За 1874-1885 гг. таких дел зарегистрировано 3615, а за 1886-1893 гг. — 7540. Среднее число привлеченных к суду в год составляло²⁹:

	1885 - 1889 гг.	1890 - 1893 гг.
За богохуление, нарушение благочиния	277	452
За отвлечение и отступление от православия, ереси и раскол	165	450
За скопчество	37	22

Каждый год в среднем судили до тысячи человек, главным образом за выступление против церкви и религии («богохуление»), за отказ от казенной церкви и переход в разные секты. Естественно, что царский суд редко оправдывал лиц, привлеченных к суду за нежелание верить и

молиться так, как требовала казенная церковь. Виновных ждала каторга, ссылка в отдаленные места Сибири.

Огнем и мечом боролись правительство и церковь против сектантов. Во многих проявлениях сектантства до 1905 г. отражался народный протест против социального неравенства, против феодально-крепостнического гнета и против официальной церкви, освящавшей этот гнет. Сектантство в те годы было одной из форм демократического движения, направленного против самодержавия и власти помещиков-крепостников. «Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, — писал В. И. Ленин, — а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России»³⁰. Поэтому В. И. Ленин считал необходимым привлекать оппозиционные элементы сектантства к борьбе с царизмом и использовать факты преследования сектантов для политической агитации.

Уже в 60-х годах XVIII в. широко распространилось антикрепостническое и антицерковное движение, направленное против господства помещиков и казенной церкви. Религиозные вольнодумцы называли казенную церковь содомом и сходбищем нечистого духа, а иконы — идолами. Они отрицали почитание святых, а священников считали слугами сатаны и злого духа. Это антикрепостническое движение под религиозной оболочкой жестоко подавлялось при содействии духовенства. В села, где распространялось это движение, вводились войска, а следствие над захваченными представителями движения вело духовенство. Так, в 1769 г. Синод вел следствие над 232 участниками такого антицерковного движения в Тамбовской и Воронежской губерниях. Сенатским приговором, вынесенным по представлению Синода, участники движения были приговорены к смертной казни. Ее заменили затем военной службой и ссылкой на крепостные работы. Жен участников этого движения отправили вместе с мужьями, а детей распределили по военным школам. Имущество осужденных поступило в казну³¹.

Жестоким преследованиям подвергались и последователи секты духоборов. Эта ересь представляла собой чисто крестьянское движение, в ней проявлялось недовольство крестьян социальным гнетом. Духоборы иносказательно толковали догмат святой троицы (бог-отец — память, бог-сын — разум, бог-дух святой — воля), отрицали необходимость церквей, икон, церковной обрядности, попов, угодников, монашества. Они, однако, не выступали против царя и его власти, считая, что основа зла — это не царь, а его чиновники и духовенство. Духоборчество было признано особо вредной сектой, и против нее начались массовые гонения. Так, в 1799 г. в Новгородской губернии за принадлежность к этой секте было осуждено более 30 крестьян. Их сослали в Екатеринбург навсегда в рудничные наитягчайшие работы, причем их велено было содержать на работе скованными. «Пусть они, — отмечалось в приговоре, — отвергающие вышнюю власть на земле, восчувствуют ее через сие как следует». В 1804 г. духовенство села Троицкая Дубрава Тамбовской губернии пыталось при содействии полиции заставить крестьян-духоборов исполнять обряды православной церкви. Крестьяне отказались, и священник Агеев учинил над ними зверскую расправу. Крестьянам рвали усы и бороды, смазывали дегтем и секли в три кнута. Два крестьянина — Петр Добышев и Филипп Дубасов были засечены до смерти. Тело одного из засеченных духоборов крестьяне привезли в Тамбов и как протест против зверской расправы оставили в передней губернаторского дома. Участников этой политической демонстрации наказали кнутом и сослали в Кольский острог, а их имущество отобрали в казну³². В 1807 г. за переход в духоборчество приговорили к смертной казни двух казаков войска донского — Прокудина и Артемьева. Смертный приговор им был заменен затем вечным заключением в Соловецкий монастырь³³. Чтобы изолировать духоборов от остального крестьянского населения и усилить контроль за ними со стороны священников и полиции, их сослали из центральных губерний в Крым и Закавказье. В конце XIX в. свыше трехсот духоборов за отказ служить в царской армии и сожжение оружия было отправлено в бессрочную каторгу в Якутию. Многие крестьяне во время насильственного переселения гибли, многие, спасаясь от преследования, бежали в Канаду и другие страны.

Жестоким преследованиям подвергались и молокане. Основателем секты молокан был крестьянин села Уварово Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Семен Уклеин. Молокане

отрицательно относились к крепостничеству, но не к царской власти. Они считали, что все зло идет от чиновников и духовенства. Они признавали свободу человеческой природы и равенство всех, независимо от состояния, выступали против церковных обрядов и духовенства. Молоканство получило широкое распространение особенно в среде государственных и помещичьих крестьян, а также среди городских элементов. В 30-х годах XIX в., по официальным данным, их насчитывалось около 200 тысяч. Карательными действиями против молокан отличался тамбовский епископ Арсений. Он заточал упорствующих сектантов в монастыри, закрывал их школы, разрушал семьи, содействовал массовому выселению в Закавказье. Молоканам не разрешалось иметь в услужении православных, равно как самим служить у православных, им не давали паспортов для поездок по торговым и иным делам. Этими мерами правительство и церковь пытались ограничить распространение сектантства. С другой стороны, в XIX в. вожаками сектантства становились буржуазные элементы, влияние секты на крестьянские массы уменьшилось, сами сектанты становились более лояльными по отношению к самодержавию.

В некоторых сектах отразилось недовольство крестьян грабительской крестьянской реформой 1861 г. Эти секты возникли вскоре после того, как правительство подавило активный протест крестьян против их ограбления, выразившийся в массовых крестьянских восстаниях. Так, в 1866 г. среди крестьян Пермской губернии широкую известность получила секта, основанная крестьянином Адрианом Пушкиным. Он призывал крестьян не платить выкупные платежи за землю, что, естественно, нашло горячую поддержку. Секта была разгромлена, многие крестьяне подверглись суровым наказаниям, а ее основатель был сослан в Соловецкий монастырь, где пробыл с 1866 по 1882 г.

В 1868 г. среди крестьян ряда деревень Сарапульского уезда была популярной секта иконоборцев. Наряду с отказом поклоняться иконам и исполнять церковные обряды сторонники этой секты отказались платить выкупные платежи и другие повинности. Как доносил вятский епископ, они «неблагоговейно и злочестиво выражались о царе». При содействии епископа секта была разгромлена, в острог попало свыше двухсот ее сторонников³⁴. Духовенство разогнало также братство людей божиих, возникшее в 1868г. Последователи этой секты требовали земельного передела и справедливого раздела земли.

Подрыв православной веры, русской народности и самодержавия церковь и правительство усматривали и в секте штундистов. Штундисты не признавали царя за помазанника божия, а власть считали злом, уклонялись от военной службы, агитировали за имущественное равенство. Представители церкви обвиняли последователей секты в том, что они воспитывают народ в духе неповиновения властям, подрывают веру в божественное происхождение царской власти, сеют недовольство церковью и духовенством. Штундистов ссылали на каторгу, в ссылку, отбирали у них детей и помещали в монастыри для воспитания в «православном духе»³⁵.

В качестве примера расправы с этой сектой приведем такой эпизод, о котором сообщалось на орловском миссионерском съезде в 1901 г. В 80-х годах XIX в. по настоянию местного священника штундистов заперли в церкви, принесли стол, покрыли скатертью, поставили икону и стали подводить к ней. Тех, кто отказывался приложиться, пороли тут же, в церкви³⁶. Одобряя эти меры, духовные власти считали, что карательные действия помогают казенной церкви укреплять ее господство над народом. Многим сектантам запрещалось отлучаться с места жительства, приобретать и арендовать земельные участки, их лишали права выбора в сельские общества. Сектантов выселяли в административном порядке, ссылали в Сибирь и Закавказье, а наиболее опасных заключали в монастырские тюрьмы.

На третьем миссионерском съезде, состоявшемся в Москве в 1897 г., духовенство потребовало учинить над сектантами вторую Варфоломеевскую ночь и применить к ним «сильные средства» — отбирать детей, конфисковывать имущество, лишать гражданских прав закрывать школы, где учатся их дети. Миссионеры настаивали, чтобы на фабриках и заводах производилась регистрация отношения рабочих к религии.

С такой же непримиримостью выступали священники - миссионеры на епархиальных съездах. Присутствовавший на орловском миссионерском съезде в 1901 г. редактор журнала «Миссионерское обозрение» В. М. Скворцов подчеркивал, что вопросы веры и церкви тесно связаны с интересами государственной власти. Он называл сектантов «паразитами» и доказывал, что среди сектантов якобы развиваются антигосударственные идеи, что они подрывают основы религии. Для ограждения «свободы» официальной церкви Скворцов настаивал на физической расправе с сектантами³⁷. Участник съезда киевский миссионер С. М. Потехин восхвалял полицейские методы борьбы с сектантством. «Мы благословляем государственную власть в России, — говорил он, — которая, начиная с помазанника божия и кончая слугами его, всеми этими губернаторами, судьями, исправниками, становыми и урядниками... идет на помощь церкви, препятствует свободе отпадения и совращения»³⁸. Так же и воронежский миссионер Рождественский говорил о необходимости беспощадно использовать для борьбы с сектантством во имя «свободы» православия государственный меч.

Духовные власти и церковная печать жаловались вместе с тем на всеобщее падение религиозности народа, его «благочестия», говорили, что прежнее чувство почтительности к духовенству сменилось прямой враждой и озлоблением к нему. Многим священникам объявляли бойкот, требовали прекращения контрреволюционной пропаганды, их часто удаляли силой как дармоедов и прислужников помещиков и капиталистов. Само правительство устами председателя совета министров С. Витте должно было признать, что духовенство из духовных пастырей превратилось в агентов полицейского надзора и потеряло всякое доверие народа. «Глохнет, замирает церковная жизнь в деревне, с горечью признавал холмский епископ Евлогий, — заменяется фабрично - заводским легкомыслием и равнодушием к церкви».

Хотя крестьянство в 1905г. не было однородным и в его среде имелись глубокие классовые противоречия, недовольство помещичьим и церковным землевладением было единодушным. Крестьяне теряли веру в царя, в начальство, в старые порядки, якобы заведенные богом, в духовенство и религию. С первых шагов революционной борьбы крестьян против помещиков и правительства возникли также массовые выступления против церкви и духовенства. Крестьяне под влиянием большевистской агитации требовали конфискации наряду с помещичьими церковных и монастырских земель, захватывали их революционным путем, настаивали на отделении церкви от государства и школы от церкви, на отстранении духовенства от обучения и воспитания детей. На развитие антицерковных и атеистических идей большое влияние оказывала большевистская литература, получившая среди рабочих и крестьян широкое распространение. Особенное внимание обращалось на воспитание молодого поколения. Большевистская печать разъясняла, что молодым рабочим взамен религиозного воспитания необходимо знание общественной жизни и классовой борьбы³⁹.

Отход масс от религии и церкви, бурно протекавший в годы первой русской революции, хотя и замедлился, но не прекратился и в годы массового террора. А в годы нового революционного подъема он принял еще большие размеры. Интересен с этой точки зрения отчет обер-прокурора Синода за 1911-1912 гг. «Как черная туча надвигается на родную церковь... неверие, — писал он. — Наряду с неверием под вековые устои церкви подкапывается социализм, отрицающий бога и церковь и вместо благ небесных сулящий блага земные. Везде, где успела сложиться крупная промышленность, социализм пленяет себе в послушание множество трудящихся. Не ограничиваясь классом фабричных рабочих, социалисты стремятся оторвать от церкви и крестьянство»⁴⁰.

Приведя далее отзывы епархиальных архиереев о распространении в ряде губерний «тлетворного духа отрицания», обер - прокурор говорит о том, что православие «находится в положении враждебных и дерзких нападений». Особенно пугало церковное начальство падение религиозности среди молодежи, которая индифферентно относилась к вопросам религии, проявляла неуважение и кощунство к духовенству и религиозным обрядам и «открыто идет в самый бесшабашный атеизм».

Одним из средств борьбы против развивающегося атеизма духовные власти считали усиление борьбы с социализмом. С этой целью в рабочих районах открывались специальные общества и

миссии, где пропагандировались христианские взгляды на свободу и равенство, причем в угоду времени к интересам религии приспособлялось даже учение об эволюции.

Наиболее непримиримые представители церкви призывали к открытой борьбе со всеми, защищавшими право на свободу совести. Так, профессор Киевской духовной академии священник Лященко взывал: «Все на врага! Вы, стоящие на страже господней, бейте тревогу! Воины, быстрее за оружие. Вот меч, вот шлем, вот щит! Тесней вокруг знамени, вперед на врага Христа!»⁴¹

Падение религиозности беспокоило не только духовные власти, но и помещиков, видевших в религии одно из средств увода крестьянских масс от революционной борьбы. Защищая интересы дворян - помещиков, орловский предводитель дворянства М. А. Стахович выступил еще в 1901 г. на орловском съезде с требованием отменить карательные меры за исповедание веры, предоставить народным массам свободу совести. Стахович говорил, что православная церковь, применяя насилие, сама становится частью государственного аппарата, что насилия растлевают самую православную церковь⁴². Выступление стаховичей, заинтересованных в «прочности религии», было разоблачено В. И. Лениным. Он показал, что стаховичи меньше всего интересовались свободой совести для народа, а защищали собственные интересы, «чтобы им можно было по - прежнему «есть сытно, спать спокойно и жить весело» на чужой счет»⁴³.

В период революционных событий 1905-1907 гг. социальный протест в сектантском движении XVIII-XIX вв. в значительной части уже исчез. Теперь сектантские вожаки убеждали своих единомышленников не примыкать к революционно настроенным массам, не участвовать в классовой борьбе. Они защищали царизм и требовали незыблемой монархии. Собравшись в июле 1905 г. на первый всероссийский съезд, молокане заявили о своих верноподданнических чувствах, заверяя самодержавие в своей лояльности. Такие же решения принимали на своих съездах баптисты, евангельские христиане и представители других сект, где главенствовали буржуазные элементы. В октябре 1905 г. руководители сект подписали политическую платформу «Союза свободы, правды и миролюбия» с требованием «незыблемости» монархии. О политической благонадежности сектантов говорили и полицейские органы. Синод также вынужден был признать, что сектанты лояльно относятся к правительству и их нельзя обвинять в проповедовании каких - то «социалистических принципов», в чем их обвиняли прежде. Правительство было вынуждено пойти на ряд уступок по отношению к старообрядчеству и некоторым сектам, во главе которых стояли купцы и фабриканты.

В годы первой русской революции развернулось широкое демократическое движение за свободу совести, за отделение церкви от государства и школы от церкви. Царское правительство в страхе перед революцией было вынуждено отказаться от непримиримости к неправославным и нехристианским религиям и предоставило некоторые права иноверцам. Однако указами от 17 апреля и 17 октября 1905 г. переход из христианской религии в нехристианскую запрещался по-прежнему, насилие над верой и совестью граждан не прекращалось.

В западных губерниях 150 тысяч униатов числились православными; обращены они были в православие еще в 70-х годах XIX в. при помощи драгунской нагайки и удерживались в православии суровыми полицейскими мерами и уголовными процессами. Церковь и правительство считали православными также 30 тысяч насильственно обращенных латышей. Сами же латыши считали себя протестантами⁴⁴. После опубликования указа от 17 апреля 1905 г. свыше 200 тысяч человек оставили насильственно навязанное им православие (170 тысяч в западном и юго-западном крае, 36 тысяч в Татarii и 11 тысяч в прибалтийских губерниях). Отпадение от православия продолжалось и после 1905 г., несмотря на ограничительные меры, и за период с 1905 по 1910 г. от православия отошло 316,8 тысячи человек⁴⁵. Этот процесс Синод пытался объяснить экономической зависимостью крестьян и безземельных батраков от помещиков (католиков и лютеран) и воинствующим характером католической пропаганды. На самом же деле в отпадении от православия проявлялся протест народных масс против их религиозной закабаленности. Борясь с этой формой протеста, Синод обвинял лиц, порвавших с православием, в том, что они потеряли связь с русским народом, враждебны русской национальности и русской государственности.

Татары Поволжья, насильственно обращенные в православие, также порывали связь с официальной церковью и переходили в мусульманство. Уже после издания указов о так называемой религиозной веротерпимости административные ограничения по делам о вере продолжались. «Совращение» из православия, т.е. пропаганда неправославных религиозных учений, наказывалось в уголовном порядке, а за распространение в печати материалов против господствующей церкви заключали в крепость сроком до одного года. Указом от 17 октября была объявлена религиозная амнистия, однако положение людей, сосланных на каторгу и в ссылку за выступления против казенной церкви, не было облегчено. Лицемерный характер царских указов о свободе совести был разоблачен в большевистской листовке «Царская свобода совести».

В годы реакции, наступившей после подавления революции 1905-1907 гг., были аннулированы и те немногие льготы, которые предоставлялись неправославным и нехристианским народам указами о веротерпимости. Наступление на совесть граждан усилилось. Требуя отмены этих указов, духовные власти говорили, что они вырваны у самодержавия «безрелигиозными элементами», что это ловкий подкоп крамолы под устои самодержавия. Они жаловались, что из-за этих законов православная церковь перенесла великие бедствия, что из-за них упала религиозность народа. Для разработки мероприятий против свободы совести в июле 1908 г. после длительного перерыва в Киеве был созван очередной миссионерский съезд, на котором присутствовало свыше шестисот представителей духовенства, в том числе 3 митрополита и 32 епископа. Это был съезд воинствующего духовенства, пытавшегося драконовскими мерами задуть свободомыслие в области религии и лишить гражданских прав тех, кто выступал против казенной церкви. Съезд принял меры против отпадения в католичество и лютеранство, а также против распространения социал-демократических идей. Наиболее опасным врагом религии съезд считал революционный марксизм. На следующем миссионерском съезде, собравшемся в 1911 г., присутствовало около тысячи представителей духовенства во главе с обер-прокурором Синода Извольским. Церковники требовали возврата к старым методам борьбы с религиозным индифферентизмом, с «инаковерующими». В связи с усилением национально-освободительного движения и массовым отпадением от казенной церкви особое совещание миссионеров, на котором присутствовал премьер-министр Столыпин, настояло на применении полицейских мер для укрепления христианства, для борьбы с мусульманством и стремлением народов нерусской национальности к национальной культуре и самостоятельности.

Значительную миссионерскую деятельность развивали и монастыри, особенно в Казанской губернии и юго-западном и западном краях, где борьба велась преимущественно против католического влияния. В 1914 г. намечено было открыть высшее миссионерское духовное заведение по примеру таких же заведений при Ватикане. Но ватиканские миссионерские школы готовили миссионеров для распространения католичества за границей, православные же миссионеры должны были бороться с сектантством в пределах царской России.

Против свободы совести ополчились не только миссионеры, но и рядовые священники. В деревнях и рабочих поселках организовывались церковно-приходские попечительства, приходские советы, кружки ревнителей православия, где подвизались черносотенные элементы.

Уход от казенной церкви рассматривался как «натиск» на православие, как попытка его расшатать, а заодно разрушить и самодержавие⁴⁶. Опасаясь отхода масс от религии и роста революционного движения, царское правительство пыталось пойти на некоторые уступки неправославным религиям и с этой целью подготовило проект закона о свободе совести. Царские чиновники доказывали духовным властям, что евангелисты лучше социалистов, духовные гимны лучше революционных песен, Евангелие лучше «Капитала» К. Маркса⁴⁷.

Но духовные власти настаивали на сохранении жестоких законов о вероисповедании. Выступая в ноябре 1911 г. в Государственном совете против законопроекта о свободе совести, варшавский архиепископ Николай и новгородский архиепископ Арсений заявили, что задача православной церкви - обрусить и опровославить все нерусское и неправославное. Они говорили, что закон о свободе совести разрушит союз между самодержавием и церковью. Под влиянием Синода законопроект был отклонен. Через два года законопроект вновь обсуждался в Государственной думе.

И на этот раз Синод протестовал против смягчения религиозной нетерпимости, считая, что эта мера вызовет возмущение народной совести и потрясение государственных основ. Он настаивал на предоставлении казенной церкви исключительных прав и на сохранении карательных мер против тех, кто пытался выйти из этой религиозной кабалы.

Церковники проповедовали, что свобода совести повлечет за собой нравственную распущенность народа, неповиновение властям, рост революционного движения⁴⁸. Человека нельзя предоставить собственной совести, говорили они, так как человек — существо падшее, растленное. Ему необходима религиозная узда, которую может дать только православная церковь. Особенно нетерпимы были для правительства и церкви атеисты, т.е. лица, не исповедовавшие никакой религии. «Подданные без религии» объявлялись нежелательными элементами, вызывавшими «смуты и беззакония». «Вневероисповедное состояние», т.е. атеизм, решительно осуждалось.

Большевистская партия боролась за осуществление неограниченной свободы совести, за полное равноправие всех граждан независимо от исповедуемой ими религии, за отделение церкви от государства и школы от церкви. В статье «Проект программы российской социал-демократической партии», напечатанной в январе — феврале 1902 г., В. И. Ленин писал, что РСДРП ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции, которая, в частности, должна обеспечить неограниченную свободу совести, полное равноправие всех граждан независимо от пола, религии и расы, отделение церкви от государства и школы от церкви⁴⁹. Ленин разъяснял, что каждый гражданин имеет право исповедовать какую угодно веру совершенно свободно, а также распространять ее или менять. «Не должно быть никакой «господствующей» веры или церкви», — писал Ленин⁵⁰. Ленин разоблачал также «иезуитские речи» царя в связи с изданием 26 февраля 1903 г. манифеста о веротерпимости и раскрывал классовую сущность православной церкви и всякой религии. В статье «Самодержавие колеблется...» (1903) мы читаем: «Пока не объявлена свобода сходов, слова и печати, — до тех пор не исчезнет позорная русская инквизиция, травящая исповедание неказенной веры, неказенных мнений, неказенных учений. Долой цензуру! Долой полицейскую и жандармскую охрану «господствующей» церкви! За эти требования русский сознательный пролетариат будет биться до последней капли крови»⁵¹.

Вместе с тем В.И. Ленин подчеркивал, что по отношению к государству религия должна быть частным делом, но по отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. «Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т.е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист»⁵². Большевицкая печать после издания указов о веротерпимости разъясняла массам, что эти указы были одним из средств борьбы против свободы, что православная церковь продолжала отравлять народные массы религиозным дурманом, пытаясь увести их от классовой борьбы. Большевики говорили, что попы вместо свободы совести продолжали нести в массы нетерпимость, вместо света — духовную тьму. Выступая в мае 1909 г. на заседании Государственной думы, когда обсуждался законопроект о свободе совести, член Государственной думы большевик Белоусов говорил об отношении большевистской партии к этому законопроекту. «Социал-демократическая фракция, — сказал Белоусов, — нисколько не обманывает себя иллюзией, что может что-либо измениться в положении старообрядцев, что-либо измениться в отношениях правительства к другим вероучениям. Черносотенная вакханалия разыгрывается вовсю. Религиозные гонения растут. Только тогда будет вероисповедная свобода совести, когда с этих скамеек, которые сейчас занимают эти министры внутренних и других дел, уйдут эти люди и сядут на них люди, ответственные перед народным представительством»⁵³.

Критикуя царские законы, направленные к запрещению свободы совести, большевики вместе с тем разъясняли массам, что требование свободы совести типично для буржуазных партий и что буржуазная свобода совести представляет собой не что иное, как терпимость ко всякой религии, ко всякой свободе совести, рабочая же партия стремится освободить совесть от религиозного дурмана. Большевики подчеркивали, что совесть носит классовый характер и зависит от сознания и от всего образа жизни человека и что совесть у имущих иная, чем у неимущих.

Борясь против религиозных преследований, требуя амнистии борцам за политическую и религиозную свободу, большевики разоблачали вместе с тем идейное содержание сектантских и других религиозных учений, пытавшихся подобно православной церкви увести трудящихся от классовой борьбы.

Лишь в результате завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции были уничтожены в России религиозные преследования, всякая дискриминация, связанная с национальной и религиозной принадлежностью. Советская власть на деле обеспечила полную свободу совести независимо от расовой, национальной и религиозной принадлежности. Каждому гражданину Советского Союза предоставлено право исповедовать какую угодно религию или не исповедовать никакой, т.е. быть атеистом.

1. А. Мень. Расизм перед судом христианства. — «Журнал Московской патриархии», 1962, № 3, стр. 22-23.
2. Е. Карманов. Христианство и расовая дискриминация. — «Журнал Московской патриархии», 1962, № 2, стр. 35-37.
3. В. Д. Бонч - Бруевич. Знамение времени. М., 1921, стр. 76.
4. Д. Цветаев. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI - XVII вв. М., 1886, стр. 41.
5. «Чтения ОИДР», кн. III, 1884, разд. II, стр. 13 - 14. 118
6. Н. С. Тихонравов. Квирин Кульман. — «Русский вестник», кн. XI, XII, 1867, стр. 568 - 593; см. также сб. «Русское государство в XVII в.». М... 1961, стр. 327.
7. «Русский архив», 1867, стр. 1152; см. также Н. Д. Сергеевский. Наказание в русском праве. СПб., 1887, стр. 126 - 127.
8. ДАИ, т. X, № 107.
9. Д. Цветаев. Указ. соч., стр. 308.
10. Н. Г. Устрялов. История Петра Великого, т. II, прил. IX. СПб., 1863; см. также Д. А. Толстой. Римский католицизм в России, т. I. СПб., 1876, стр. 117.
11. А. И. Бобрищев — Пушкин. Суд и раскольники - сектанты. СПб., 1902, стр. 73.
12. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. X. М., 1951, стр. 131 - 132.
13. «Чтения ОИДР», кн. I, отд. 4, 1866, стр. 165.
14. Н. М. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях, т. II. Изд. 2, М., 1886 - 1893, стр. 365.
15. И. Г. Оршанский. Русское законодательство об евреях. СПб., 1877, стр. 18.
16. Сб. «Пережитое», кн. II. СПб., 1910, ст. р. 1 - 48; см. также Н. Н. Голицын. Законодательство об евреях, т. I. СПб. 1866, стр. 28 - 42.
17. «Русская литература в борьбе с религией». М., 1963, стр. 23.
18. Н. Голицын. Указ. соч., стр. 614 - 616.
19. А. И. Герцен. Сочинения, т. VIII. М., 1956, стр. 232-233.
20. И. Г. Оршанский. Указ. соч., стр. 49.
21. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 147.
22. В. Д. Бонч - Бруевич. Знамение времени. СПб., 1921, стр. 259.
23. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 64.
24. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 289.
25. В. М. Скворцов. Миссионерский посох, т. I. СПб., 1912, стр. 518 (численность раскольников была значительно занижена).
26. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, стр. 165.
27. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 173.
28. Н. Варадинов. История Министерства внутренних дел, т. 8. СПб., 1862, стр. 472 - 473.
29. Е. Н. Тарновский. Религиозные преступления в России. — «Вестник права», 1899, № 4, стр. 2 - 17.
30. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 228.
31. В. И. Корецкий. Современное сектантство и его преодоление. — «Вопросы истории религии и атеизма», т. IX, 1961, стр. 45.
32. «Древняя и Новая Россия», 1878, № 8, стр. 312.
33. «Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству святейшего Синода», кн. II. СПб., 1860, стр. 54.
34. А. И. Бобрищев - Пушкин. Указ. соч., стр. 173 - 174, 175.

35. «Миссионерский съезд в Орле 16 - 24 сентября 1901 г.», Орел, 1902, стр. 172.
36. Там же, стр. 290.
37. Там же, стр. 137.
38. «Миссионерское обозрение», кн. XI, 1903.
39. «Звезда», 11 апреля 1911 г., № 17.
40. «Отчет обер - прокурора Синода за 1911 - 1912 гг». СПб., 1913,
41. «Церковно - общественный вестник», 1913, № 47.
42. «Миссионерский съезд в Орле...», стр. 143.
43. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 270.
44. «Стенографический отчет Государственной думы». 3-й созыв, 2-я сессия, заседание 23 мая 1909 г.
45. «Церковный вестник», 1911, № 26.
46. В. М. Скворцов. Миссионерский посох, т. I. М., 1912, стр. 458.
47. М. И. Шахнович. Ленин и проблемы атеизма. М. - Л., 1961, стр. 31.
48. «Новое время», 2 февраля 1913 г., № 13253.
49. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 206.
50. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 173.
51. Там же, стр. 125.
52. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 143.
53. «Стенографический отчет Государственной думы», 3-й созыв, 2-я сессия. Заседание 23 мая 1909 г.

Глава VIII. Гонения на просвещение и науку

¹Представители современной православной церкви пытаются скрыть реакционную деятельность этой церкви в прошлом и ее борьбу с просвещением и наукой. Они утверждают, что гонение на просвещение и науку в России, если оно и было, то носило случайный характер, и что церковь никогда не отрицала необходимости и пользы просвещения и науки. Профессор Московской духовной академии А. Иванов во время встречи в 1956 г. с представителями церкви США в своем докладе «Христианская вера и современная наука» уверял, что и вера, и наука — каждая имеет свою особую область и не мешает одна другой. Профессор Ленинградской духовной академии Л. Парийский в докладе на ту же тему доказывал, что религия не может противоречить науке, так как, по его словам, «библия и природа — это две книги, написанные богом и предназначенные человеку». С таким восхвалением церкви не согласился присутствовавший на встрече представитель церковных организаций США доктор Бойль. Он напомнил своим православным коллегам недавнюю историю Церкви, когда наука и ученые преследовались как угрожающие религии². Другие же представители православной церкви не отрицали реакционной роли этой церкви в истории культурного развития русского народа, но говорили, что православная церковь была насильно поставлена на служение самодержавию, которое угнетало церковь, заставило создать догмат о божественном происхождении царской власти, что проповедь реакции проводилась по настоянию самодержавия.

В действительности было не так. Церковь в союзе с самодержавием была гонительницей просвещения народа и насаждала невежество и мракобесие. Просвещение использовалось для оправдания крепостнических порядков и эксплуатации народа. Правительство и церковь старались помешать распространению грамотности, воспитать народ в духе преданности самодержавию и религии, увести его от революционной борьбы. Православная церковь признавала только такое просвещение, которое было основано на религии. Просвещение же, не освященное благодатным влиянием религии, говорили ее представители, скорее пагубно, чем полезно. Относясь враждебно к просвещению народа и развитию отечественной науки, церковь часто была инициатором травли наиболее талантливых ученых и прогрессивных учителей. Она тормозила развитие просвещения и науки, добивалась уничтожения книг передовых ученых.

Уже в древней Руси церковь выступала в роли гонительницы просвещения и науки. На церковных соборах XIV - XVII ее рассматривались и утверждались индексы запрещенных книг. Древнейший церковный памятник — Кормчая книга — за чтение таких книг назначала церковное

проклятие. Книги, признанные вредными, предлагалось сжигать на теле лиц, у которых они были обнаружены. Особенно ненавистны были духовным властям книги, пришедшие с Запада. Стремясь сохранить в неприкосновенности господствующую религиозную идеологию, освящавшую крепостнический строй и эксплуатацию народа, духовные власти боролись с проникновением в Москву западноевропейских идей, уничтожали привезенные оттуда книги, а распространителей этих идей и хранителей запрещенных книг подвергали жестокой казни. При Иване III за хранение и чтение иностранных книг в Москве сожгли в деревянной клетке князя Лукомского вместе с переводчиком Матиасом Ляхом, обвинив их в чародействе и злом умысле. Тогда же как колдуна, знавшего с нечистой силой, казнили врача-иностранца Антона Эренштейна, а в 1580 г., в царствование Ивана IV, сожгли как «лютого волхва» придворного врача-иностранца Бомелия.

Нетерпимость к просвещению и науке проявлялась духовными властями и в XVII в. При царе Федоре Алексеевиче хотели сжечь голландского фельдшера Квиринуса по обвинению в волшебстве. Боярина Артамона Сергеевича Матвеева за его пристрастие к книгам в 1676 г. обвинили в чародействе и сослали в Пустозерский монастырь. При организации в 1687 г. «рассадника просвещения» — Славяно-греко-латинской академии на нее возложили обязанность наблюдать, чтобы иностранцы не производили «противностей» православной церкви. Инквизиторы академии должны были сжигать еретические, гадательные и «богохульные» книги, а лиц, виновных в их распространении, доставлять для наказания в «градский» суд.

В XVIII в., укрепляя власть помещиков-крепостников, правительство прикрывалось модным в то время лозунгом «просвещения». Но к просвещению правительство и духовное ведомство продолжали относиться с крайней враждебностью, подвергая гонениям прогрессивных мыслителей и ученых. Уже в начале XVIII в. авторов и распространителей сочинений против церкви предлагалось допросить с «очисткой» и прислать в Синод с расспросными речами. Даже Академия наук не была свободна от бдительного контроля представителей церкви. Они проверяли ее издания, выискивая в них места «сумнительные и противные христианским законам, правительству и добронравию». По их настоянию в 1743 г. был изъят изданный Академией наук астрономический календарь, в котором духовные цензоры умудрились найти сведения о планетах, «к соблазну народному склонные». Они возражали также против предпринятого Академией наук издания русских летописей — этого ценнейшего источника для изучения русской истории. По отзывам духовных цензоров, в летописях содержится «много лжи явственные».

Ненависть Синода и духовенства вызвал и великий русский ученый М. В. Ломоносов, исследования которого подрывали основы религии. Ломоносов отвергал церковное учение о неизменности природы и создании ее богом. «Напрасно думают, — писал он, — что все, как видим, сначала творцом создано. Таковые рассуждения весьма вредны приращению наук. Легко быть философом, выучив три слова: бог так сотворил, — и сие дая в ответ вместо всех причин»³. Ломоносов высмеивал тупость и невежество духовенства, выступавшего против науки. В 1740 г. по инициативе Ломоносова была издана книга французского ученого, академика Фонтенеля «Разговор о множестве миров», в которой в популярной форме излагались научные данные астрономии, шедшие вразрез с религиозными мифами о создании мира. Синод признал книгу Фонтенеля «противной вере и нравственности»; книгу изъяли и уничтожили. Раздраженный выступлениями М. В. Ломоносова против религии и церкви, Синод хотел помешать его научной деятельности. Он требовал, чтобы произведения Ломоносова были сожжены, а сам Ломоносов был отослан в Синод «для увещания и исправления»⁴. Нападки Синода не запугали Ломоносова, он продолжал настаивать на свободе научных исследований, требовал, чтобы духовенство «не привязывалось» к науке и не ругало ученых в своих проповедях.

В 1756 г. Московский университет хотел издать философскую поэму выдающегося английского писателя Александра Попа (1688-1744) «Опыт о человеке». В этой книге автор выступал против средневековых научных взглядов о строении вселенной. Естественно, это вызвало резкие нападки духовных цензоров, которые нашли в книге «зловредные идеи Коперника о множестве миров, противные Священному писанию», и книга была запрещена. «Исправление» книги поручили московскому митрополиту Амвросию. Тот переделал поэму Попа, заменив стихи, в

которых говорилось о множестве миров и коперниковской системе, своими стихами. В таком искаженном виде книга и была издана в 1757 г.

Преследованиям духовных властей подвергся прогрессивный ученый, профессор математики Московского университета Д. С. Аничков (1733-1788), издавший в 1759 г. диссертацию «Рассуждение из натурального богословия о начале и происхождении богопочитания у разных, особенно невежественных народов». Аничков отвергал божественное происхождение религии и обвинял духовенство в невежестве и шарлатанстве. Отзыв о диссертации Аничкова дал московский митрополит Амвросий. Книга была признана им «вредной и соблазнительной». По его настоянию книгу Аничкова публично сожгли в Москве на Лобном месте. Другой профессор Московского университета, И. Мельман, за критику им религии и церкви по доносу московского митрополита Платона был отстранен от преподавания и отправлен в Тайную канцелярию, где его подвергли пыткам. Затем ученого выслали в Восточную Пруссию. В припадке безумия он покончил с собой.

Ненависть духовного ведомства вызвала деятельность выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова, сумевшего за короткий срок издать много книг по всем отраслям знания. В книгах резко критиковались религиозный фанатизм и суеверия. По доносу Петра Алексея, протоиерея московского Архангельского собора, Новикова арестовали, а изданные им книги конфисковали. За оппозиционное отношение к самодержавию, за активную просветительную деятельность и критику религии и церкви Новикова как опасного государственного преступника заключили в Шлиссельбургскую крепость, откуда он вышел только через 15 лет, после смерти ненавидевшей его Екатерины.

Не избежал цепких лап духовных инквизиторов и другой выдающийся русский писатель, А.Н. Радищев, автор знаменитого «Путешествия из Санкт-Петербурга в Москву». Радищев был материалистом, он считал, что материя и природа существуют вечно, что их нельзя ни уничтожить, ни создать. Радищев отстаивал единство души и тела и критиковал религиозные взгляды на бессмертие души, осуждал царский деспотизм, религиозные суеверия. Воззрения Радищева были найдены «противными закону божьему, десяти заповедям, Священному писанию, православию и гражданскому закону». Книгу Радищева, уничтожили, а его как «бунтовщика хуже Пугачева» приговорили к смертной казни, которая была заменена 10-летней каторгой. Прошло более ста лет, и вновь эта книга писателя-материалиста подверглась осуждению со стороны церкви. В 1903 г. духовные цензоры нашли, что книга Радищева все еще опасна для религии и церкви, что она подрывает авторитет светской и духовной власти. По требованию церковников весь тираж книги уничтожили.

Французская буржуазная революция 1789 г. напугала самодержавие и помещиков. Опасаясь проникновения в Россию революционных идей, самодержавие усилило цензурные репрессии. Во многих городах были организованы цензурные комитеты с участием представителей духовного ведомства. Эти комитеты были настоящими инквизиционными трибуналами. Они сжигали на кострах «вредные» книги, преследовали их авторов и лиц, заподозренных в хранении этих книг. Не довольствуясь деятельностью этих инквизиционных трибуналов, Синод организовал в 1797 г. еще особую духовную цензуру, которой были предоставлены самые широкие полномочия. Духовная цензура вторгалась во все области науки, в литературу, общественно-политическую жизнь, старалась в корне заглушить все прогрессивное. Она накладывала свою руку на все, что имело хотя бы отдаленное отношение к религии.

Талантливые книги французских философов-материалистов, разоблачавших реакционную сущность религии, встречены были духовным ведомством с особенной враждебностью. Уже с 80-х годов XVIII в. церковники боролись с распространением этих идей. Духовное ведомство издавало литературу, в которой подвергало критике идеи Вольтера и философов-материалистов, добивалось конфискации и сожжения их произведений. Гонения на эти произведения не прекращались и в XIX-XX вв. Так, в 1868 г. в труде Вольтера «Философия истории» духовные цензоры нашли «глумление над истинами и опровержение священного писания». По их настоянию этот труд Вольтера был уничтожен. В 1890 г. уничтожили «Сатирические и философские диалоги» Вольтера, а в 1893 г. — его поэтические произведения, в которых были найдены «антирелигиозные тенденции»⁵.

Такая же участь постигла произведения «корифея безбожия», выдающегося представителя домарковского материализма и атеизма Дени Дидро (1713-1784). Начиная с конца XVIII в., духовные власти добивались запрещения и уничтожения не только его философских, но и художественных произведений. Ненависть духовного ведомства вызывали и атеистические трактаты Гольбаха (1723-1789). Его знаменитая книга «Система природы» считалась одной из самых страшных книг и справедливо называлась «библией материализма». Еще в 1770 г. эту «адскую книгу» предали огню католические инквизиторы и с тех пор ее неоднократно запрещали и в России. Даже в 1898 г., опасаясь «адского» действия этой книги, разрушавшей, по словам духовных цензоров, основные начала религии, духовные инквизиторы настояли на ее уничтожении. Так же расправились они и с книгой английского философа-материалиста Томаса Гоббса (1588-1679) «Левиафан», которую католические инквизиторы включили в список вредных книг еще в XVII в. и подвергли ее публичному сожжению. Через 200 лет ее осудили православные инквизиторы. Они признали книгу Гоббса «противной священному писанию и православной церкви» и добились ее сожжения в 1874 г. За выступление против церкви и феодальной идеологии уничтожили в 1871 г. книгу «О человеке» другого выдающегося философа-материалиста XVIII в. — Гельвеция.

Во второй половине XIX в. в связи с ростом революционного движения для охраны самодержавия были приняты крайне реакционные меры. Для усиления влияния духовенства в области просвещения народа была организована широкая сеть церковно-приходских школ. Они должны были воспитывать детей в духе преданности самодержавию, православной церкви и так называемой «русской народности».

Церковно-приходская школа рассматривалась как дополнение к церкви. В ее программе главное место занимали церковные предметы — закон божий, церковнославянский язык, церковное пение, богослужение. Изо дня в день детям внушали, что власть царя дана от бога, им говорили об «избранности» русского народа, проповедовали религиозную нетерпимость и национальную вражду. На уроках русского языка, истории священники убеждали детей, что бог — творец и промыслитель мира, к которому дети должны проникнуться любовью и благодарностью. Из церковных школ «изгонялись» учебники прогрессивных педагогов — К. Д. Ушинского, И. А. Худякова, В. П. Вахтерова, так как они — по отзывам духовных цензоров — мешали развитию религиозных чувств. Их заменяли антинаучные учебники, составленные в религиозно-монархическом духе. К светским начальным школам духовные власти относились крайне враждебно, называя их «орудием растления народа». Церковники обвиняли эти школы в том, что они заражены «противорелигиозностью», «безнравственностью», пытались настроить крестьян против них и добиться их закрытия.

Церковно-приходская школа не удовлетворяла народные массы. Крестьяне сравнивали эту школу с лампочкой-коптилкой, которая пропускает тусклый свет. Как писала в 1912 г. большевистская «Правда», «крестьянская масса жадно искала знания, широкого знания, которое дало бы ответы на поставленные жизнью вопросы»⁶. Но этих знаний церковная школа не давала. Под влиянием большевистских идей о просвещении народа крестьяне высказывались против церковных школ. Они прекращали отпуск на них денег и требовали открытия светских школ, а также отделения церкви от школы. В ответ на эти требования правительство и духовное ведомство усилили террор в области народного просвещения.

Передовые учителя пытались разоблачить ложь религиозного толкования явлений природы, дать детям зачатки научного представления о мире. Но эти попытки встречали противодействие со стороны духовенства. Представители церкви писали доносы на прогрессивных учителей, добивались их увольнения. Они говорили: «Пусть дети лучше останутся темными людьми, но добрыми христианами и верными сынами царя и отечества, чем будут грамотными, но напитанными ядом революции»⁷. Особую ненависть вызвала пропаганда в школе идей дарвинизма. Священники внушали детям, что Дарвин — богоотступник, который восстал против Священного писания, что теория Дарвина — еретическая, так как она противоречит Библии. Священники запрещали пользоваться учебными пособиями — картинами по географии, зоологии, даже глобусом, ибо школа должна развивать не ум, а сердце и религиозность.

Выступая в Государственной думе против ассигнования средств на содержание духовных школ, большевики разоблачали реакционную деятельность православной церкви в деле просвещения народа. Они говорили, что попы стараются воспитать в школе забитых рабов, затемнить народное сознание, что крестьянину, как и рабочему, нужно не поповское, а подлинное образование. Церковно-приходские школы они называли «духобойнями» и требовали сдать их в музеи как памятники народного невежества, одурманивавшие народ в интересах самодержавия к церкви.

Реакционные цели преследовались самодержавием и в средней школе. Учеников воспитывали «в духе истин религии, уважения к правам собственности». Древние языки и закон божий не оставляли времени на естественные науки. Писатель А.Серафимович, вспоминая свои ученические годы, писал: «Нас душили в гимназиях латинским, греческим, законом божьим, давили всем, лишь бы задушить живую душу»⁸

Духовные власти рассчитывали, что преподавание закона божьего спасет учеников от религиозного индифферентизма, от неверия. Поэтому закон божий считался главным предметом, его учили во всех классах, начиная с приготовительного. Для религиозного воспитания использовались и другие предметы школьной программы — русский язык, история, законоведение и др. Представители церкви превозносили значение православной церкви в истории России, расхваливали «любовь» духовенства к народу, говорили, что русскому народу якобы свойственна особая религиозность. Они затушевывали роль классовой борьбы в истории общества, разжигали национальную и религиозную рознь.

Религиозная идеология в школе насаждалась полицейскими мерами. От учителей требовалось, чтобы они поддерживали антинаучные религиозные взгляды. Изучение естествознания и других точных наук, говорили священники, действует отрицательно на нравственность молодежи. Спасение от неверия видели в пропаганде религиозной идеологии. Ученики и учителя обязаны были регулярно ходить в церковь, исповедоваться, принимать участие в церковных службах, в церковном хоре. За ними существовал неослабный надзор; учеников, пренебрегавших церковными обязанностями, изгоняли из школы как неблагонадежных. Изгонялись и прогрессивные учителя, которые пытались внести в преподавание живое слово, познакомить учеников с подлинной наукой.

Засилие религиозных взглядов вызвало протест со стороны учащихся, особенно сильно он проявился во время первой русской революции. Ученики отказывались посещать церковные службы, говеть, настаивали на исключении из школьной программы закона божьего, уничтожали ненавистный им «Катехизис» Филарета. Они открыто проявляли неуважение к священникам, требовали удаления из школ наиболее реакционных из них. Несмотря на господствовавший в школе «классический кошмар» и полицейский террор, в школу стали проникать учение Дарвина, революционные идеи. Учащиеся стали понимать, что религия и церковь поддерживают самодержавие и что священники - злейшие враги народа. Среди учащихся появилось отрицательное отношение к церкви и религии. Это вызвало усиление террора со стороны духовных властей, особенно после подавления русской революции 1905 г. Пытаясь изгнать из школы революционный дух, духовное ведомство стало усиливать в ней «церковность». В школе опять безраздельно господствовали религиозные представления о происхождении мира и человека, из школьной программы исключалось все, что противоречило религиозному представлению о мире. На языке священников это называлось борьбой с «нравственной дряблостью».

В 60-х годах XIX в. в связи с развитием капитализма в России возникла необходимость в грамотных рабочих. Стали возникать воскресные и вечерние школы, где прогрессивные преподаватели учили рабочих грамоте, знакомили их с основами наук, а также с идеями революционных демократов. Правительство закрыло эти школы, считая их рассадниками революции. Взамен них были открыты новые школы, контроль за которыми был возложен на священников. Вместо науки здесь водворялось религиозное мракобесие. Неудобных учителей, несших в народ подлинные знания, церковники при помощи полиции изгоняли. Однако, несмотря на атмосферу сыска и террора, воскресные и вечерние школы при содействии прогрессивных преподавателей часто превращались в центры пропаганды революционного марксизма и способствовали пробуждению у рабочих классового самосознания.

Гневно осуждая политику самодержавия и церкви против просвещения народа, А. И. Герцен писал: «Делают все так, чтобы куда человек ни обернулся, перед его глазами был бы или палач земной, или палач небесный, — один с веревкой, готовый все кончить, другой с огнем, готовый сжечь всю вечность»⁹.

Вместо книг, которые дали бы народу знания, духовное ведомство издавало большими тиражами книги и брошюры, рассчитанные на растление народа, на отвлечение его от классовой борьбы. Спекулируя на тяге народа к знанию, духовное ведомство способствовало изданию житий «святых», а также книжек и раскрашенных картин с изображением событий из ветхо- и новозаветной истории, со сценами страшного суда, ада и мучений «грешников». Такая литература мутным потоком шла в деревню, заполняла библиотеки для народа, покупалась на его трудовые копейки и отравляла народное сознание.

Книг научно-популярных и художественных было очень мало. Правительство и церковь считали, что развитие грамотности и любовь к чтению развращают народ, способствуют росту материалистических идей и развитию революционного движения. В 60-х годах XIX в. было запрещено издание увлекательного романа Жюль Верна «Путешествие к центру Земли». Духовные цензоры нашли, что этот роман может развить антирелигиозные идеи и уничтожить доверие к Священному писанию и духовенству. В 1886 г. по настоянию представителей церкви было наложено вето на книгу знаменитого французского ученого астронома К. Фламариона «Мир до создания человека»; она-де опровергает библейские сказания о чудесах, о сотворении человека и подрывает религиозные устои¹⁰. Так же враждебно отнеслись духовные цензоры и к книге Роберта Коха «Природа и человечество в свете учения о развитии», в которой известный ученый знакомил читателей с открытиями в области естественных наук. В списки запрещенных книг внесли в 1893 г. книгу выдающегося ученого Г. Н. Гетчинсона «Автобиография Земли» и добились ее уничтожения.

По мере роста классового самосознания и революционной борьбы гонение на научно-популярную литературу усилилось. Даже в 1905 г. представители цензурного ведомства и духовенства говорили, что научно-популярная литература вредна для народа, так как якобы дает мало знаний, приучает к верхоглядству, развращает народную душу. Они требовали запрещения научно-популярной литературы и расширения издания церковных, так называемых религиозно-нравственных книг и брошюр. Но такая литература не удовлетворяла народные массы, жадно стремившиеся к образованию. «Знаете ли вы, — писал петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в обращении к русскому обществу в 1896 г., — что в России нет такой другой среды, которая была бы полна такой жажды знания? Света, знания, дайте нам возможность учиться, дайте нам возможность читать, — слышатся неотступные голоса рабочего люда»¹¹.

Боясь просвещения масс, правительство и духовенство тщательно следили за библиотеками для народа. Эти библиотеки пополнялись главным образом книгами религиозно-нравственного содержания, произведения же лучших русских писателей — Салтыкова-Щедрина, Гл. Успенского, Некрасова, Короленко, Чехова, Шевченко и др. в них не допускались. Как писал один рабочий в «Искре», в библиотеках преимущественно давали книги, которые отупляли рабочего, воспитывали в нем религиозные взгляды. Рабочие были, однако, против лубочных изданий и поповских наставлений, всякого рода поповского хлама.

Чтение художественной литературы духовное ведомство считало грехом, ибо усматривало в ней угрозу для религии. Духовное ведомство старалось помешать распространению художественной литературы, добиваясь ее запрещения и уничтожения. При издании в 1853 г. полного собрания сочинений Н. В. Гоголя из его произведений по требованию духовных властей исключили многие места, которые были найдены оскорбительными для церкви.

Многие огорчения чинили духовные инквизиторы известному писателю М. Загоскину. Московский митрополит Филарет нашел в произведениях Загоскина «смешение» церковных и светских предметов, и в угоду Филарету автору пришлось основательно переделать свои произведения, чтобы они могли увидеть свет¹². От духовной цензуры пострадал и Н. С. Лесков. При

издании в 1889 г. собрания его сочинений духовная цензура «растерзала» шестой том, в котором были собраны произведения из жизни духовенства. Весь тираж книги был уничтожен. Рассказывая о расправе «попов толстопузых» над своей книгой, Лесков назвал эту расправу «подлым самочинством и самовластием со стороны всякого прохвоста»¹³.

За литературной деятельностью Л.Н. Толстого следил лично обер-прокурор Синода Победоносцев. По его настоянию многие произведения Толстого, как противные учению и духу христианства, не увидели света в свое время. Еще в 1901 г. Синод добился запрещения романа Толстого «Воскресение» за «неуважительные отзывы о православной церкви и христианстве». Преследованиям духовной цензуры подвергался Максим Горький, которого обвинили в том, что в центре своих произведений он ставит не дух, а тело, чем и подрывает религиозные устои общества.

Православные цензоры, подобно католическим инквизиторам, с большой враждебностью относились к произведениям прогрессивных иностранных писателей, разоблачавших реакционную сущность религии и мракобесную деятельность ее служителей. Произведения великого немецкого писателя Генриха Гейне «Книга песен», «Боги в изгнании» и др. были признаны богохульными и по настоянию духовной цензуры уничтожены. Даже в последнем дореволюционном полном собрании сочинений Г.Гейне (1904) многие места, «подрывавшие» благочестие, были исключены. Духовные власти наложили запрет на многие произведения выдающихся французских писателей: Пастера Флобера, Анатоля Франса, Эмиля Золя, Анри Барбюса и др. В них были обнаружены «кощунственные и богохульные» мысли, глумление над христианством. В 1908 г. было изъято одно из лучших произведений А. Франса «Остров пингвинов», а в 1914 г. — роман «Восстание ангелов». Эти произведения А. Франса еще в 1922 г. включались католической церковью в списки запрещенной литературы¹⁴.

Не менее жестоко расправлялись представители церкви с народными зрелищами, с театром. В XVII в. они отбирали у народа музыкальные инструменты — домры, сумры, гудки, гусли и сжигали их на площадях. В XIX-XX вв. духовные власти сравнивали театр с опиумом и добились запрещения устраивать зрелища накануне праздничных и воскресных дней, а за посещение театра в дни великого поста грозили отлучением от церкви и церковным проклятием. Духовное ведомство следило, чтобы в пьесах не было критики религии, не только христианской, но даже языческой. По их настоянию из пьес и оперных либретто вычеркивались целые страницы за то, что в них якобы оскорблялось религиозное чувство верующих. Так, пострадали комедия Гоголя «Ревизор» — за насмешливое отношение к религии и церкви; опера А. Рубинштейна «Демон» — за положения, несовместимые с учением православной церкви (либретто пришлось переделывать по указке духовных цензоров); драма Л. Н. Толстого «И свет во тьме светит» — за критику православной церкви. Духовное ведомство в 1910 г. добилось запрещения ее постановки.

Духовные власти относились враждебно и к передовой науке, к ее лучшим представителям. Опасаясь, что развитие естествознания и распространение материалистических идей подрвет основу христианской религии — веру в бессмертие души, духовные власти боролись против распространения этих идей. В 1866 г. появилась замечательная книга русского ученого И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», в которой разоблачались религиозные представления о человеке и его душе. По настоянию духовных цензоров эту книгу «за изложение самых крайних материалистических взглядов» признали вредной и наложили на нее арест. Автора хотели сослать в Соловецкий монастырь «для смирения и исправления». Но к книге И. М. Сеченова было привлечено внимание общества, и, боясь возбудить к ней особый интерес, цензурное ведомство было вынуждено снять с нее арест. Однако труд И. М. Сеченова продолжал долгое время числиться в списках запрещенных книг. Автора книги зачислили в число «неблагонадежных» и запретили ему читать лекции для народа¹⁵.

Против развития отечественной науки был и московский митрополит Филарет. Он осудил лекции выдающегося русского естествоиспытателя К.Ф. Рулье (1814-1858), отстаивавшего материалистические принципы в биологии, и обвинил его в том, что он подрывает веру в библейские мифы о сотворении мира. Преследование выдающегося ученого привело его к преждевременной смерти¹⁶. Гонениям со стороны Филарета подвергся и другой выдающийся ученый - историк,

профессор Московского университета Т. Н. Грановский. Его обвинили в том, что он оказывает вредное влияние на студентов, так как в своих лекциях по истории он не упоминал о роли божественного промысла в историческом процессе. Под цензурным запретом были произведения выдающегося представителя русского материализма А.И. Герцена, который в страстных и гневных словах разоблачал реакционную сущность православной церкви, защиту ею самодержавия и помещиков, враждебное отношение церкви к развитию отечественной науки. В 1893 г. была сделана попытка издать в России сочинения А. И. Герцена, но из четырех тысяч страниц его сочинений цензурой было вымарано больше трех тысяч, и издание не увидело света. Причиной запрещения, как писали защитники духовного ведомства, был «атеизм А. И. Герцена и его социальные идеи». Представители духовного ведомства, добиваясь запрещения произведений А. И. Герцена, выпускали против него грязные книжонки, в которых называли Герцена «богоотступником и врагом христианской веры, противником православия».

С большой враждой встретили духовные власти учение великого английского ученого Чарльза Дарвина, основоположника материалистического учения о происхождении видов, нанесшего сокрушительный удар по религии. Дарвин-де и его последователи подрывают основы религии, не оставляя места для нравственности. Труды Ч. Дарвина преследовались и уничтожались. В 1890 г. была предпринята попытка познакомить русских читателей с книгой, популяризовавшей идеи Дарвина: «Чарльз Дарвин и его учение». Эту книгу духовные цензоры назвали «катехизисом материалистического отрицания религиозных идей». Она была запрещена. В 1895 г. за материалистический характер запретили книгу Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор». Не увидели русские читатели и книгу Сюдекума Альберта о жизни и учении Дарвина. Ее признали антирелигиозной и уничтожили¹⁷.

Борясь против учения Дарвина, духовные власти не ограничивались запрещением произведений Дарвина, книг и статей, популяризовавших его взгляды. Они выступали против дарвинизма в своих проповедях, печатали статьи в журналах, книги, направленные против Дарвина и его учения. Называя учение Дарвина «богохульным», они пытались доказать его «ненаучность», обвиняли Дарвина в том, что он разрушает нравственность. Духовные цензоры писали, что между эволюционной теорией и христианством существует противоречие самое серьезное, самое коренное, что учение Дарвина отрицает то, что составляет самую сущность религии.

Духовная цензура осуждала также материалистические идеи Эрнеста Геккеля (1834-1919) — крупнейшего немецкого ученого, естествоиспытателя и последователя Дарвина. В своих трудах Геккель клеймил идеализм и церковное мракобесие, вскрывал реакционную роль церкви, разоблачал религиозные суеверия, а руководителей церкви называл «бессовестными шарлатанами и обманщиками». По настоянию духовенства произведения Геккеля попали в черные списки. Так, в 1873 г. запрещению подвергся труд Геккеля «Естественная история мироздания», ниспровергавший основы религии, особенно потому, что автор развивал в нем материалистическое учение о мироздании и, как считали духовные цензоры, глумился над библейскими сказками о происхождении мира и человека. В 1879 г. в списках оказалась и его «История племенного развития организмов», в которой излагалась эволюционная теория; книга была сожжена. В 1902 г. сожгли и всемирно известную книгу Э. Геккеля «Мировые загадки». За беспощадную критику идеализма и поповщины, за «дерзкие выходки против высочайших предметов христианского почитания» эта книга числилась в черных списках еще в 1916 г.¹⁸

Опаснейшим врагом религии считали и крупнейшего материалиста домарковского периода Людвиг Фейербаха (1804-1872). Работы Фейербаха «О сущности религии», «История новой философии», «Теогония», «Мысли о смерти и бессмертии», «Сущность христианства» считались цензорами разрушительными для религии и христианства, так как в них критиковались библейские сказания о создании мира, человека, жизни на земле, о бессмертии души, разоблачалось религиозное мировоззрение. Еще в 1907-1910 гг. по настоянию духовных цензоров произведения Фейербаха, подрывавшие устои религии, уничтожались. Опасаясь разрушительной силы идей философа, цензурное ведомство, защищавшее интересы православной церкви, не разрешало излагать взгляды Фейербаха даже в журнальных статьях.

Великие идеи научного коммунизма вызывали злобу и ненависть правительства и духовных властей, особенно в период развертывания острой классовой борьбы. Указывая на огромную революционизирующую силу великих идей Маркса и Энгельса, призывавших пролетариат к борьбе с эксплуататорами, царские чиновники и представители духовной цензуры всякий раз отмечали и атеистический характер этих идей. В 1888 г. за материалистические взгляды был наложен запрет на труд Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Через 20 лет это произведение Энгельса вновь подвергли запрещению. В 1914 г. запретили работу Энгельса «Принципы коммунизма», а в 1915 г. признали «кощунственной» работу «От классического идеализма к диалектическому материализму»; весь тираж этой книги был уничтожен¹⁹. Духовные власти не могли простить Энгельсу его материалистических взглядов и разоблачения им реакционной роли религии и христианства, а также вскрытия им социальных корней религии. Запрещениям подвергалось и собрание сочинений основоположников научного коммунизма: церковники справедливо считали, что эти бессмертные произведения зажигательно действуют на умы читателей.

Православная церковь, как мы видели, относилась к науке, особенно материалистической, с непримиримой враждебностью. Так, харьковский епископ Амвросий писал в 1901 г., что развитие науки приводит к росту неверия. Прогрессивных ученых он называл «опаснейшими врагами церкви»²⁰. Другой епископ, Иннокентий, призывал отказаться от научного мировоззрения и вернуться к вере²¹. С особенной силой мракобесие выявилось в период первой русской революции. Церковники готовы были положить на костер и плаху всех, кто не разделял их реакционных взглядов на науку. Так, московский епископ Никон обвинял в 1905 г. московских профессоров в том, что они-де сгубили юношество и вовлекли его в революцию²². К этой точке зрения присоединился и петербургский митрополит Антоний Вадковский.

Пытаясь обосновать учение о боге как о создателе и управителе вселенной, представители церкви нападали прежде всего на принцип материальности мира. Они отрицали также объективный характер законов природы, ее вечность. Бог, мол, побеждает законы естества, следовательно возможны чудеса. Единственным источником мудрости и знания объявлялась Библия, а единственным критерием истины — религия; научное мировоззрение отвергалось как противоречащее этому критерию, всякое знание, идущее против религии, считалось псевдонаучным, ложным. Служители культа пытались убедить народ, что наука не принесла человечеству пользы, что она бесплодна и бессмысленна, не нужна для практической жизни. Таким образом духовенство настраивало народ против науки и ее прогрессивных представителей.

Однако церковь не могла помешать развитию научных идей, победоносному распространению материалистической науки в России. Она была вынуждена приспособляться к новому времени. Теперь церковники заявили, что между наукой и религией нет противоречия, что естествознание и социальные науки не опровергают откровений и чудес, но согласуются с ними. Фальсифицируя данные науки, духовенство стало доказывать, что современное естествознание подтверждает библейские сказки о сотворении мира, что эволюционная теория не отвергает догматы христианской церкви (сотворение человека, его грехопадение и искупление), что развитие естествознания вовсе не ведет к атеизму и не опасно для религии, что наука и религия могут жить между собой в союзе. Церковь стала бороться с подлинной наукой более тонкими методами. Религия, мол, не противоречит науке, а защищает ее, «здравые» научные познания-де вполне уживаются с искренней верой. Этой проповедью необходимости примирения религии с наукой духовенство стремилось отвлечь народные массы от революционной борьбы.

Прогрессивные представители русского общества вели непримиримую борьбу против поповщины и мракобесия, против реакционной политики церкви и царизма в области просвещения и науки. Большевицкая партия боролась с религией и церковью как одной из главных опор самодержавия. Однако в условиях самодержавия эта борьба могла иметь лишь ограниченные масштабы. Только после завоевания власти пролетариатом в октябре 1917 г. стало возможным подлинное просвещение народа и победоносное шествие науки во имя счастья народа.

Мы стремились показать, в каких формах проявлялась инквизиторская деятельность православной церкви. Как мы видели, уже в древней Руси православная церковь боролась с антифеодальными движениями, принимавшими религиозную оболочку — ересью стригольников, новгородско-московской и т. д. Церковь теоретически обосновывала необходимость применения к еретикам и церковным мятежникам «лютых казней» и пыталась пересадить на русскую почву нравы католической инквизиции. Подобно своим католическим собратьям, православные инквизиторы распространяли и поддерживали в народе веру в существование нечистой силы. Ведовские процессы, гонения раскольников — вот «достойные» подражания испанским инквизиторам.

Повсеместный сыск и предание суду раскольников производились при непосредственном участии специально созданных для этого церковных органов. Под флагом борьбы за чистоту православия проводился массовый террор над раскольниками с применением к ним «градского» суда. Одной из форм протеста против этого террора было их массовое самосожжение.

Инквизиционными методами насаждалось православие среди нерусских народов. Наиболее мрачную память о себе оставила Новокрещенская контора. Ее деятельность была причиной многочисленных народных волнений. Насильственная христианизация — основной метод колониальной политики самодержавия, которое ставило своей задачей обрусить народы нерусской национальности, уничтожить их национальную культуру.

Сожжение на кострах, каторжные работы, лишение гражданских прав, ссылка и преследования — вот средства защиты православной веры. Под видом сохранения ее «чистоты» насаждалась религиозная нетерпимость. Переход из православия в другие религии жестоко карался. В царском законодательстве существовала целая система наказаний для борьбы со свободой совести. Инициатором ее выступало духовное ведомство. Вероотступников и ослушников «воспитывали» в монастырских тюрьмах в тяжелейших условиях в течение многих лет. Сомневающихся в вере и критикующих религию отлучали от церкви и предавали анафеме.

Такова была деятельность православной инквизиции. И хотя православная церковь не имела такого организованного аппарата, какой был у католической церкви, она расправлялась с церковными «мятежниками» с не меньшей жестокостью, чем это делали католические инквизиторы.

Читатель может спросить: а как обстояло дело с инаковерующими у представителей других христианских и нехристианских религий — у лютеран, сектантов, иудеев, мусульман? Представители этих религиозных учений также были жестокими инквизиторами и пытались огнем и мечом задуть ростки свободомыслия, критику официального учения этих религий. Каждая из этих религий, проповедуя свою исключительность, отличалась нетерпимостью к другим религиям, ее представители прибегали к насилиям над совестью граждан для «доказательства» превосходства исповедуемой ими веры, особенно если на их стороне был карательный аппарат государства.

Таким образом, любая религия, будь то христианская или нехристианская, несовместима со свободой совести. Вместе с тем буржуазная «свобода совести» — не что иное, как терпимость ко всем видам религиозной свободы совести. Практически это сводится к тому, чтобы взять на откуп все религии и с их помощью одурманивать трудящиеся массы. Рабочая же партия, как указал Маркс, должна стремиться освободить совесть от религиозного дурмана²³.

1. Более подробно об этом см. Е. Ф. Грекулов. Православная церковь — враг просвещения. Изд-во АН СССР, 1962.
2. «Журнал московской патриархии», 1956, № 5, стр. 66.
3. М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения. М, 1950, стр. 397.
4. П. П. Пекарский. История Академии наук, т. II. СПб., 1873, стр. 603 - 604.
5. «Архивное дело», 1938, № 1 (45), стр. 93.
6. «Правда», 27 июня 1912 г.
7. П. С. Иващенко. Народная школа в Белоруссии с конца XIX в., дисс, стр. 54.
8. Ш. Ганелин. Очерки по истории средней школы. М, 1954 стр. 45.
9. А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 14, стр. 481.

10. «Архивное дело», 1930, № 1 (45), стр. 90.
11. «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса 1895 - 1897 гг.» Л., 1934, стр. 646.
12. А. Котович. Духовная цензура в России. СПб., 1909, стр. 559.
13. «Книжные новости», 1937, № 12.
14. «Литературное наследство», т. 22 - 24, 1935, стр. 627, 635 - 673; т. 33 - 34, 1939, стр. 583 - 584.
15. «Материалы по пересмотру действующих постановлений цензуры и печати», ч. I. СПб., 1870, стр. 499 - 505; В. Прокофьев, Атеизм русских революционных демократов. М., 1955, стр. 88.
16. «Русская старина», 1903, № 12, стр. 687.
17. «Вопросы истории религии и атеизма», 1960, № 7, стр. 411 - 421.
18. «Вопросы философии», 1958, № 9, стр. 89; см. также «Архивное дело», 1938, № 1 (45), стр. 86 - 87.
19. «Историк-марксист», кн. 8 - 9, 1935, стр. 65 - 88.
20. «Вера и разум», 1901, № 12.
21. Там же, стр. XI.
22. Газета «Русь», 1905, № 164.
23. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1955, стр. 26.